

Счастьоpтимистка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

"Варя. Я все вижу"

Crazyoptimistka

Варя. Я все вижу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70618570

SelfPub; 2024

Аннотация

Если бы я только знала, что очередное расследование отца станет причиной того, что я окажусь в психушке... В жизни бы не согласилась участвовать. Если бы я только могла представить себе, что потеряю абсолютно все, что было важным для меня... Любыми способами попыталась отговорить папу не браться за это дело. Если бы меня хоть кто-то предупредил, что череда убийств студентов тесно переплетется с моей собственной жизнью... Открестилась бы и забыла как страшный сон. Но, что сделано, то сделано. На моих руках кровь, а сама я прозябаю в холодных стенах. И убийца до сих пор бродит где-то на свободе. Чтобы выбраться отсюда и поймать его, мне придется заключить сделку с самим дьяволом. Страшно ли мне теперь? Нет. Мне терять больше нечего...

Содержание

Глава 1. Сейчас	8
Глава 2. Тогда	12
Глава 3. Тогда	22
Глава 4. Сейчас	28
Глава 5. Тогда	34
Глава 6. Тогда	41
Глава 7. Сейчас	50
Глава 8. Сейчас	57
Глава 9. Сейчас	65
Глава 11. Тогда	80
Глава 12. Сейчас	89
Глава 13. Сейчас	94
Глава 14. Сейчас	100
Глава 15. Сейчас	107
Глава 17. Тогда	123
Глава 18. Тогда	130
Глава 19. Тогда	135
Глава 20. Тогда	143
Глава 21. Тогда	153
Глава 22. Сейчас	163
Глава 23. Сейчас	170
Глава 24. Сейчас	177
Глава 25. Сейчас	186

Глава 26. Сейчас	193
Глава 27. Сейчас	202
Глава 28. Сейчас	210
Глава 29. Сейчас	217
Глава 30. Сейчас	223
Глава 31. Потом	234

Crazyoptimistka

Варя. Я все вижу

Пролог

– Девушка, вы меня слышите?

– Что? – заторможено реагирую на голос и не понимаю, откуда здесь взялось столько людей.

В голове туман, а во рту привкус металла. Перед глазами кровавая пелена. Медленно провожу ладонью по лицу, стирая липкую влагу и, с ужасом, смотрю на окрашенную кровью кожу.

Кровь.

Ее так много...

И она была везде: на моем теле, одежде, лице. Даже на полу и то, все покрыто бардовыми кляксами. Боже... сколько ее здесь...

– Девушка, вы меня слышите? – повторяется вопрос и теперь, я уже могу различить двух мужчин в проеме двери. А за ними, судя по гулу, еще человек пять томится в ожидании приказа. Надо же, полиция все-таки прибыла...

– Девушка?

– Да... Я слышу. – Голос вышел охрипшим. Почему? Потому что последний час я срывала глотку в крике и сейчас едва могу шевелить языком в пересохшем рту.

– Вы ранены?

– Не знаю... Да...

И я не лгала. На данный момент я чувствовала себя одной сплошной свежей раной. Но я не знала, где мне больнее. Внешне, где на теле не было живого места от порезов и разбитой головы. Или же внутренне, где все горело огнем от осознания того...

Что я не успела. Не спасла. Не уберегла.

Рваный вздох вырывается из груди и я закрываю глаза. Где-то в глубине души надеясь, что стоит мне открыть их обратно и... мертвые лица так и остаются мертвыми, как бы мысленно я их не оживляла.

– Макс, что у нее там? Ты видишь? – доносится отчетливый шепот и следом за этим, луч фонарика опускается по моему телу ниже, останавливаясь на руках.

– Я попрошу вас медленно поднять руки вверх, – меняется тон мужчины в форме.

– Зачем?

– Я уверяю, мы делаем это ради вашего блага. – Один из них удерживает меня на прицеле, когда второй шаг за шагом подбирается ближе.

– Я вам не верю, – горько усмехаюсь, но поднимаюсь с колен.

– Вам придется это сделать, – Макс вслед за напарником осторожно движется в мою сторону, – мы не обидим вас и во всем разберемся. Просто выбросите нож в сторону и положите руки на затылок. Только без лишних движений, хо-

рошо?

И только после этих слов, я понимаю, что до сих пор сжимаю сталь в одной из ладоней. Но абсолютно не помню, что здесь произошло и каким образом, я вдруг стала главной подозреваемой.

– Я не виновна.

Щелк.

Это холодный металл наручников смыкается на моих запястьях.

– Я не виновна!

Бах.

Это захлопывается дверь служебной машины, которая увозит меня в участок.

Хлоп.

Это тьма поглощает меня там же, в машине, когда я после продолжительной истерики вперемешку со смехом отключаюсь на заднем сиденье.

Глава 1. Сейчас

Здесь так безлико, что даже зацепиться взглядом не за что. На окнах кроме поржавевших от времени решеток не было даже паршивеньких занавесок. Стены окрашены в типичный блеклый зеленый цвет. Как в старых советских больницах времен детства моих родителей. На полу рваный местами линолеум, который какой-то умник додумался заклеить скотчем. Типа «подлечил». Еще здесь есть письменный стол и два стула. На одном из них, самом ветхом, так полагаю, сидела я сама. Малейшее движение на нем и ножки стула с жалобным писком пытались разъехаться в сторону. Ни картин, ни плакатов, ни цветочного горшка. Все голое, старое, страшное. Не комната, а место душевных пыток, честное слово. А еще здесь было очень холодно. Я зябко передергиваю плечами и потираю заледеневшие ладони об колени. И тут же не удерживаюсь от презрительной гримасы. Взамен испорченных вещей я получила вот это. Больничный комплект, который сделал меня похожей на тех, кто обитает в этом месте. На душевнобольного человека.

На глазах тут же появляются слезы. Но это, скорее всего, уже от бессилия. Когда ты понимаешь, что бороться больше не за что. Эти последние трепыхания выходят уже по инерции. А внутри все переломано. Осталось только смириться и течь по течению.

В двери несколько раз проворачивают ключ и вскоре, передо мной появляется парень лет тридцати. Хороший костюм и дорогие часы на левом запястье явно указывают на то, что он не из здешних мест. Вообще в нем много мелочей, которые выдают этот факт. Например, в глаза бросается его аккуратный маникюр на руках, которые явно не знали тяжелой работы. А значит, есть много помощников, которые делают все грязные дела вместо него. Слишком белоснежная рубашка свидетельствует о том, что она не знает домашней стирки. Стрижку и бородку делали не в дешевом барбер шопе.

Я знаю это, потому что папа научил подмечать все детали. Не зря же он был первоклассным следователем. Остальные мысли, которые следуют после этого факта, я блокирую. Не даю их увести меня туда, где я простая студентка с перспективами на хорошую жизнь. Где у меня есть любящая меня семья и верные друзья. Все это осталось за бортом и здесь, рядом со мной, только тараканы. Которые появляются по ночам и противно шевелят своими длинными усами, когда ползают по подоконнику.

Зажмуриваюсь.

Вдох. Выдох. Еще вдох. Вокруг меня стена, за которой я оставила прошлое. Я не вижу его. Я не хочу его видеть.

Открываю глаза и сталкиваюсь с реальностью, которая распахивает свои холодные объятия и ждет, когда я смирюсь с ее существованием. А еще я встречаю пристальный взгляд

карих глаз и непроизвольно втягиваю голову в плечи. Мне и так было некомфортно находиться здесь. А сейчас и подавно. Ведь складывалось впечатление, будто меня уже сейчас начали сканировать. Лезть под кожу в поисках лазейки, которая приведет к желаемому результату.

– Здесь ужасно, – констатирует парень. – Я бы не хотел здесь пробыть дольше, чем нужно. Поэтому, давай договоримся. Ты беспрекословно сотрудничаешь со мной, а я постараюсь вытащить тебя отсюда.

– Интересный подход, – хмыкаю, – без прелюдий, сразу с места в карьер. Те, что были до вас, были иного мнения. И у них были другие методы работы.

– Да, – он кивает головой, – знаю. Здесь собрано все, что ты говорила. Каждое твое слово, каждая мысль запротокколирована. Как и мнения всех врачей, их предписания и вердикты.

С этими словами, незнакомец кивает головой в сторону увесистой папки, которую принес с собой.

– Зачем вы тогда пришли?

– Потому что они работали с тобой, как с психически неуравновешенной особой. От того все материалы собраны неверно.

– А я разве не такая? – кривятся мои губы в подобии усмешки. – Потому что последние полгода мне только и твердят, что мое место именно здесь.

– Я уверен, что что-то упущено.

– Перечитайте досье еще раз. Уверяю, ничего нового я вам не поведаю. – Отворачиваюсь от него и смотрю в окно. Если бы еще стекла помыли от скопившейся грязи, может быть, я бы увидела что-то интересное. Кто бы знал, как я сыта по горло паутиной и забившимся мусором между рамами.

– Варя, посмотри на меня. – И в этом обращении слишком мало от просьбы. Здесь прямое требование, которому я подчиняюсь мимо воли. – Ты можешь сколько угодно косить под то клеймо, которым тебя наградили. Но в таком случае, твоя жертва будет напрасной.

– Почему? – с трудом выдерживаю этот тяжелый взгляд.

– Ты ведь думаешь, что все завершилось, да? Но месяц назад события повторились. Есть два дела, которые один в один повторяют то, через что ты прошла. И выходов на самом деле немного. Либо ты продолжаешь прикидываться и все будут искать твоих якобы «помощников». А ты в свою очередь гнить здесь. Либо работаешь со мной и я тебя отсюда вытащу. Но только при условии полной открытости и готовности сотрудничать.

– Кто вы такой? – подаюсь вперед и хмурюсь, рассматривая его лицо.

– Давай начнем лучше с того, кто ты такая? С чего все началось?

Что-то в его тоне было таким, отчего все барьеры, которые я так усердно выстраивала просто... рухнули. Отшвыривая меня туда, куда возвращаться я совсем не хотела.

Глава 2. Тогда

За окном бушует непогода. То тут, то там почерневшее небо насквозь пронзают вспышки молний. А следом за ними обязательно с треском прокатывается гром. Честно говоря, создается двоякое впечатление. Вроде бы и страшно немного, но в то же время невозможно отвести взгляд. Настолько завораживает это зрелище.

Я представляю себе, что на небе на нас за что-то сердятся и стремятся проучить этим холодным дождем. Чтобы показать немного зарвавшемуся человечеству, что мы так и остаемся мелкими букашками в этом мире. Ведь чем сильнее поток капель похож на непроглядную стену, тем испуганней разбегается народ по укрытиям. Я же говорю, словно маленькие муравьи, которые не могут противостоять обычному дождю.

Сквозь громыхание слышится хлопок двери, а затем и взволнованные голоса. И это странно. Потому что папа приехал с работы слишком рано. Тихонько подкрадываюсь к выходу и, затаив дыхание, прислушиваюсь к разговору.

– Серезж, все очень плохо? – обеспокоенно спрашивает мама.

– Это мягко сказано, Оль. – Тяжело вздыхает папа. – Мне нужна наша Варька.

– Что? Нет, Серезж, даже не вздумай!

– Оля, без нее никак. – Стоит на своем папа. – У меня нет другого выхода.

– Этого просто не может быть, – фыркает она в ответ, – а ты придумай что-нибудь. Наша дочь – не подопытная зверушка. Ты вспомни, что было в прошлый раз. Помнишь?

– Естественно, я помню.

– Вот поэтому, я против!

– Оля, пожалуйста...

К таким просьбам папа прибегает редко, но как говорят, метко. И спорить по этому поводу они могут бесконечно. Поэтому я решаю вмешаться.

– Пап? – выхожу в прихожую. – Что случилось?

– Беда, Варюш, беда. Твоя помощь нужна.

– Сережа! – Восклицает мама. – Бога ради, опомнись. Куда ты собираешься тащить нашего ребенка, а? И, главное, ради чего?

– Ради того, чтобы поймать того, кто совершает эти страшные вещи.

И мы все втроем смотрим друг на друга по очереди, но делаем это в полном молчании. Каждый, переваривая услышанное по-своему.

Да, забыла уточнить. Мой папа – следователь. Причем за его спиной такие дела, на полях которых, красная печать с пометкой «секретно». Благодаря его логике, дедукции и просто «чуйке», за решеткой оказались насквозь отмороженные

лица. О существовании которых, обществу лучше не знать. Но когда он сам не справляется, папа призывает меня на помощь. Просто потому, что я вижу чуть больше остальных. И не спрашивайте как.

Мама действует по накатанной схеме. Сначала мольбы, потом угрозы не разговаривать с нами до момента пока «рак на горе не свистнет». Потом в ход идет тяжелая артиллерия в виде трясущихся рук и капель валерьянки в пустой стакан. Когда она понимает, что все бесполезно, приходит стадия смирения. Нет, маму тоже можно понять. Она волнуется за нас, как никто в этом мире. Но есть одно весомое «но»: я обязана помогать, если меня попросят. И это придумано не мной. Это правило, которое не стоило нарушать во избежание плохих последствий.

–Мам, – утираю слезинку с ее щеки, – прекращай. Мы быстро.

– Ох, да, как будто вы за хлебом в магазин выходите, – отмахивается она.

– Оль, криминалисты там уже поработали. Варя не увидит ничего страшного. – Пытается успокоить папа, но, кажется, лишь подливает масла в утихающий огонь.

– Конечно, это очень меня радует. – Хлопает она в ладоши. – И если что, то это сарказм.

Стараюсь быстрее зашнуровать ботинки, которые мама недолюбливала из-за высокой тракторной подошвы. По ее словам, в них я была похожа на дочку заводского рабочего.

– Никакой женственности, – вздыхает мама, будто читая мои мысли.

И я при этом прячу усмешку. Потому что она даже в свои года вся такая «девочка-девочка». Миловидная моложавая внешность, модно окрашенные волосы с укладкой, нюдовый макияж. Юбочки, шпильки, эффектные блузы. И боже упаси привести эту миниатюрную красавицу в отдел спортивных товаров и одежды. Одарит таким взглядом, будто ты предлагаешь ей купить не кроссовки, а килограмм запрещенки. Но это мама... мы привыкли к ее стилю и даже не представляем с папой, если бы она была какой-то другой. А вообще, у нас очень колоритная семейка. Мама похожа на фарфоровую статуэточку, а рядом с ней здоровый, почти двухметровый папа. Который смотрится с ней, как телохранитель. Крепкий мужик, устрашающего вида с суровым взглядом на каменном лице. Но это у него побочка от работы. Дома он совсем иной, особенно, когда надевает любимый халат с совами и смотрит со мной шоу талантов. А я... собственно, плод любви этих двух с первого взгляда несовместимых людей. Ростом пошла в папу, телосложением в маму. Зеленые глаза и русые волосы, которые на солнце выгорают почти до блонда. Отличительная черта – родинки на ключице в виде малой медведицы. Из вредных привычек: кофе в неограниченном количестве, сериалы допоздна и черный юмор, который понимают только близкие. Если вы встретите меня на улице, то пройдете мимо. Потому что не зацепитесь на моей внешне-

сти. Нос, рот, лоб, уши, глаза – стандартный комплект, как и у всех. Разве что скулы широкие, как у актрисы Оливии Уайлд. Вот и все. Описание, достойное раппорта дочери следователя.

– Я подгоню машину, – папа, не смотря на свою немаленькую комплекцию, опасается мамы, когда она не в настроении и спешит быстрее покинуть квартиру.

– Хорошо, – киваю и хватаю куртку с вешалки и снова сталкиваюсь взглядом с мамой. – Ну, ты чего? Не успеешь соскучиться, как мы уже будем дома.

– Да разве это меня тревожит? – вздыхает мама. – Варь, я не хочу, чтобы ты бывала в таких местах. Меня всю изнутри колотит, когда ты уезжаешь с папой.

– Ты же знаешь, что с ним, я как за каменной стеной. Он защитит меня в любую секунду. Но его опека даже бывает немного удушающей.

– Это нормально для отцов, у которых растут симпатичные дочери.

– С такими темпами, я останусь старой девой и по праздникам буду присылать вам фото не детей, а кошечек. – Обнимаю маму и зажмуриваюсь, вдыхая аромат ее парфюма. От нее всегда пахнет вишней. – Так что ты поговори с ним на счет этого.

И пока мне удалось обманчивым маневром отвлечь маму от дурных мыслей, выхожу следом за папой. Прекрасно зная, что там, за закрывшейся дверью, она обязательно перекре-

стила нас и прошептала небольшую молитву.

Схема работы у нас с папой уже налажена. Я не задаю никаких вопросов, то есть еду «вслепую». Мне так легче, потому что мозг еще чист и не зациклен на каких-то определенных моментах. По пути заезжаем в магазин, где я покупаю сладости и молоко. Затем снова выкруливаем на автостраду и движемся в направлении, которое известно только папе. Дождь при этом даже не думает утихать. Зябко передергиваю плечами при очередном раскате грома и делаю музыку чуть громче, а затем отворачиваюсь к окну. А там, сквозь пелену дождя мелькают магазинчики, остановки и дома. И в каждом окошке уже зажегся свет. Я представляю, как люди приходят с работы и проводят вечер с семьями. Возможно, кто-то одиноко смотрит в экран компьютера, а кто-то пьет чай и гладит кошку. Чьи-то дети носятся по коридору, а кто-то готовится к контрольным или экзаменам. Кто-то устал и уже спит, а кто-то работает на дому допоздна. Столько людей и столько жизней... и мы едем сейчас туда, где одна такая уже оборвалась. От этого немного не по себе.

Папа притормаживает рядом с девятиэтажкой и если честно, она очень похожа на наш старый дом, где мы ютились в маленькой квартирке большую часть моей жизни до переезда. Тот же блеклый и облезший цвет фасада, исписанные стены подъезда, мигающая лампочка на первом этаже и воняющий лифт. Который едет медленно и трусится так, что, кажется, ты в нем сейчас рухнешь вниз. Мы выходим на де-

вятом этаже, где встречаемся с Лехой. Точнее дядей Лешей. Папиным другом и напарником, а еще моим крестным.

– Вечер добрый, малая, – этот медведь смыкает меня в объятиях и я, непроизвольно морщусь. – Как дела? Жених появился?

– С такими параметрами отбора, миссия становится невыполнимой. – Бурчу, когда отстраняюсь. – И мы вроде бы договаривались, что я больше не «мелкая» и не «малая».

– Да-да, прости, забыл, – шутливо поднимает он руки вверх, – Варвара Сергеевна, не гневайтесь.

– Лех, ну что за представления? – Папа вклинивается между нами. – Здоровый мужик, а крестница тобой командует.

– Как и тобой. – Не остается в долгу крестный.

– Не выдумывай, это нереально.

– Ага, – дядя Леша подмигивает мне и я не удерживаюсь от улыбки, – мы так и думали.

Такая форма общения может показаться немного странной, ведь мы общаемся на равных. А еще при каждой возможности подкальываем друг друга. Но в этом и вся соль. Когда в жизни ты видишь слишком много плохого, то юмор становится единственной палочкой – выручалочкой, чтобы не свихнуться. А папа и дядя не единорожек наблюдают каждый день, да и клоуны встречаются у них редко. А те, кто появляется, все как один страдают шизофрениями. Сейчас он улыбается тебе, а через минут десять допроса маска ли-

цедея сползает и обнажает больную душу. И истории они тебе рассказывают такие, что не смеяться хочется, а плакать.

Однако все веселье моментально сходит на нет, стоит нам войти в тамбур. Там нас накрывает невидимая пелена какого-то отчаяния. И воздух стал таким тяжелым... Ты вдох делаешь, а грудь чем-то сдавливает. Я, как по заученной инструкции, натягиваю бахилы поверх ботинок и перчатки на руки. Куртку оставляю в руках дяди Леша.

– Если что, сразу дай знать, – тихо произносит папа и передает мне пакет из магазина.

– Хорошо. – Киваю и тяну дверь квартиры на себя.

Запах крови. Здесь отчетливо слышен этот запах. Я даже когда вдыхаю, то во рту появляется неприятный металлический привкус. И это плохо. Хотя легко в таких делах никогда и не бывало. Мнусь на пороге, переступая с ноги на ногу, а еще осматриваюсь по сторонам. Стандартная трешка. Налево кухня, следом зал и длинный коридор, который в конце расходится еще на две комнаты. Везде включен свет, на стареньком зеленом ковре виднеются грязные следы. Сначала можно подумать, что это уличная грязь, которую принесли за собой сотрудники. Но, чем дольше всматриваешься в них, тем больше понимаешь, что пятна не черные. Они бурые. Такого же цвета, как и запекшаяся кровь. И они повсюду. Как будто кто-то искупался в ней и затем пошел путешествовать по квартире.

– Что ж, приступим, – тихо произношу себе под нос и де-

лаю первый шаг.

Обстановка, скажем, не богатая. Мебель старенькая, ремонта здесь не было уже очень давно. Скорее всего, квартира съемная. Здесь не чувствуется домашнего тепла. К тому же, отсутствуют мелочи в виде фоторамок и других безделушек, которыми жильцы заполняют свои жилища. Я намеренно начинаю обход именно с дальних комнат. Как и думала, это две небольших спальни, но они нежилые. Кровати стоят с голыми матрацами, шкафы пустые. Нет даже завалявшегося носка или какой-то бумажки. Дальше на очереди зал и вот тут меня накрывает дурнота. Оно и понятно, кухню-то я видела с порога. И там, как и в остальных комнатах, ничего не было. Значит, эпицентром всех действий стал именно зал. Рука висает над ручкой межкомнатной двери, но зайти не решаюсь и оставляю комнату на потом. Ухожу на кухню и застываю посреди нее. Мне надо пару минут, чтобы настроиться. И когда они проходят, я рыскаю по кухонным ящикам в поисках блюдца и чашек. Затем включаю старенькую печку и грею молоко прямо в железной тарелке, которая по краям была уже вся в застывшем жиру и легкой гари. К сожалению, это единственное, что попало мне на глаза. Переливаю содержимое по чашкам со сколами и выкладываю печенье на блюдце. Все это располагаю на столе и присаживаюсь на замызганную табуретку, но при этом, не забыв отставить ее почти к самому порогу кухни. Здесь в прямом смысле слова гробовая тишина, даже часы на стене

не тикают. Слышны лишь редкие капли дождя, которые со звоном разбивались об металлический отлив снаружи. И это единственно, что хоть как-то давало понять, что жизнь продолжается. А не застыла в каком-то немом ужасе. Так можно просидеть до утра, надо что-то делать. Поэтому, я отворачиваюсь лицом к коридору, усаживаясь спиной к столу. Делаю вдох и произношу:

– Батюшка, приди ко мне на общение за угощением.

И замираю, начиная отсчет про себя. Но на обычной «двадцатке» в комнате до сих пор никого. Тогда я делаю еще одну попытку:

– Дедушка, батюшка! Приди, пожалуйста, мне помощь твоя нужна.

Но снова эта звенящая тишина в ответ.

– Я пришла к тебе с добром. Я не обижу, честное слово! Я знаю, что здесь произошло что-то страшное и мне нужно разобраться в этом. Выйди ко мне, пожалуйста!

Раз-два-три... топот маленьких ножек пронесся за моей спиной. Четыре-пять... чашка стукнула о блюде. Шесть-семь... – послышалось чавканье. Восемь-девять-десять...

– Зачем пришла? – недружелюбно обращается ко мне кто-то с грубым голосом.

Глава 3. Тогда

То, что он подал голос, конечно же, хороший знак. Но этого пока очень мало для каких-то уверенных действий с моей стороны. Поэтому я не спешу оборачиваться.

– Могу ли я присоединиться? – задаю очень важный вопрос, от которого зависят мои дальнейшие действия.

– Зачем? – слышится в ответ и все это сопровождается плямканьем и сербаньем.

– Хочу помочь...

– Поздно. – Грубо обрывают меня на полуслове. – Ничего уже не поделаешь. Замарали хату так, что не отмоешь.

– Видел, кто это сделал? – веду глазами по обоям с засаленными пятнами.

– Ничего не видел, ничего не знаю. – Собеседник вообще не хочет идти на контакт.

И это не очень хорошо.

Я встречала подобных ему. Этот вид домовых надежно застрял в прошлом, как и его предыдущие хозяева. Обычно, это бабушки и дедушки, которые обозлились на весь мир. Их легко узнать по брюзжанию, недовольству и злым словами в спину прохожих. Они ругаются со всеми жильцами подъезда по пустякам и мелко пакостят в силу своих возможностей. Но самое страшное, что умирают они в одиночестве. Точнее, не так. Они уходят в иной мир под молчаливые взгляды их

домовых. Которые меняются в ту или иную сторону в зависимости от тех, с кем они живут.

Мы привыкли считать, что это смешные старички в лаптях и чудной одежде. И что у них густые белые брови с бородой, которая закрывает половину лица. А еще у них странный говор. И они обязательно добрые, максимум, могут «наказать» тем, что спрячут вещь. Но, нет. Эти существа напрямую зависят от нас. Им не чуждо то, что время меняется. Они рады меняться вместе с ним. Вместе с нами.

Однако сейчас, здесь, передо мной яркий пример того, что здесь время остановилось. Этот домовой – одиночка. Скорее всего, хозяйева умерли давно и были как раз теми людьми, которые закрылись от всего мира в четырех стенах этой квартиры.

– Кто это был?

– Я же сказал, что ничего не знаю! – Домовой начинает сердиться и по старому оконному стеклу тут же расплзается уродливая трещина. Теперь понятно, почему здесь так безлико и запущено. Он сам намеренно делал так, чтобы квартира отгалкивала всех.

– Я о хозяевах. – Делаю уточнение. – Ты же с кем-то делил жилплощадь до поры, до времени.

И я попадаю в цель. Хаотичные движения за моей спиной прекращаются. Затем слышится шмыганье носом, но он не издает ни слова.

– Могу предположить, что это была женщина. Потому что

обстановка здесь хоть и старенькая, но видно, что когда-то здесь было по-своему уютно. Наверно, ей никто не помогал. Детей или не было, или они забыли сюда дорогу. Может быть, был социальный работник, которого вы тоже не взлюбили. Вскоре и он перестал заходить сюда. Дни складывались в недели, а они в месяца. Которые вы проживали на этой кухне вдвоем, сетуя на жизнь. Смотря на то, как она протекает за окном. Ведь так?

– Много ли ты понимаешь о той жизни-то? Сама, поди, избалована. Горя не знаешь. Не видела, как старики крошки смокнут да воду пьют горячую без сахара. – Фыркает он.

– Согласна, я так не живу. И могу сделать так, чтобы и ты увидел жизнь лучше.

– Это как так-то?– недоверчиво спрашивает домовой.

– Я заберу тебя с собой в другое место, – пользуясь моментом, медленно поворачиваюсь к нему.

И вижу перед собой то, что рисовал мой мозг на протяжении всего нашего диалога. Домовой полностью схож со своим жилищем. Грязные, спутанные волосы. Дырявая одежда, которая явно больше по размеру, чем нужно. Борода, как и волосы превратились в один сплошной колтун. Я опускаю взгляд на его босые ноги, которые он по очереди поджимает под себя, пытаюсь согреть. И встречаюсь со злым взглядом, стоит мне поднять глаза обратно.

– Чего уставилась?? Кто права давал? – Мигом заводится он. – Негоже людям нас видеть без нашего согласия! Да я...

– Бесхозный домовый, которому грозит вечное заточение в одиночестве. – Даю понять, что молчать больше не намерена. – Пока идет следствие, квартиру опечатают. И оно может длиться годами, если ты не поможешь. Я предлагаю тебе сделку. Ты рассказываешь мне все, что видел. А я помогаю тебе уйти туда, где тебя будут любить и заботиться. Где будет тепло, которое вы так любите. И я не о горячих батареях сейчас говорю. А о человеческом тепле, понимаешь?

– Мне и здесь хорошо. Так что никуда я не уйду. И помогать не стану. Вы, люди, со своей жестокостью не заслуживаете на это.

– То есть, тот человек заслужил на такую кончину?

– А нечего лезть туда, куда не стоит, – бросает домовый фразу и отворачивается к окну.

Я вижу ссутулившегося старика, который потерял веру в людей. Он обижен за то, что в свое время его хозяйке никто не помог. Он зол, что его жилище осквернили. Он готов раствориться во времени, стать бесплотным духом вместо того, чтобы обрести новую семью. И мне жаль это несчастное существо. Но поделаться с этим я ничего не могу.

– Я сожалею, что все так вышло. Ни ты, ни твои хозяева не заслужили на такой исход. Но не все люди плохие. Мы умеем любить и уважать.

Бросаю взгляд на стол, где стояли чашки и блюдце. Но сейчас их там нет. Что ж, домовый сам решил прибраться и на этом спасибо. Хоть какая-то от него есть польза. Развора-

чиваюсь на выход, а он все так же и остается стоять у окна. И только когда я взялась за ручку двери, он даже не оборачивается. Просто бросает через плечо:

– Зеркала.

– Что? – поворачиваю голову в его сторону.

– Оно пришло за ним из зеркала. Пришло и наказало. –

Говорит он и исчезает.

Эта фраза заставляет меня задуматься. Я прокручиваю сказанное в голове и даже не понимаю, что в полном молчании прошествовала к лифту. При этом, позабыв, что приехала сюда не одна.

– Варь? – папа обеспокоенно смотрит на меня.

– А? – выхожу из задумчивости.

– Удачно? – дядя Леша тоже не сводит с меня глаз.

– Это не первый случай?

Они переглядываются друг с другом. Потом закрывают квартиру и опечатывают ее. Спускаемся к машине и только там, где нет лишних ушей, папа отвечает:

– Да, Варь, не первый. Уже третий по счету и мы ни черта не можем понять в происходящем.

– Сначала все казалось не таким странным, – добавляет крестный, – а потом... Улик нет, как и следов. Жертвы связаны только тем, что являются студентами одного универа. Но возраст разный, статус тоже. Захочешь связать их и останешься с носом. Нет совпадений ни по секциям, ни по увлечениям.

– А зеркала везде присутствуют? Во всех эпизодах? – подаюсь вперед на сиденье.

– Зеркала? – непонимающе переспрашивает папа и задумывается на минуту. – Нет, не было такого. Тебе удалось что-то разузнать?

– Пока ничего вразумительного, – вздыхаю, – только фраза о зеркалах и ничего более.

И меня осеняет, почему так. Домовой действительно мог ничего не знать только в том случае, когда сам спрятался. А это означало, что в той квартире происходило что-то очень страшное, что напугало даже его.

Глава 4. Сейчас

Щелк.

Я даже не заметила, что меня записывают на диктофон. Другие врачи были старомоднее. Они постоянно что-то черкали в своих блокнотах и действовали на нервы клацаньем ручки. Хотя нет, был один, который записывал меня на телефон. Но это было на первом сеансе, а остальные он просто провел за игрой на девайсе. На самом деле врачей и следователей было много за эти полгода. Они применяли разные методы общения со мной. Но новоприбывший человек, который сейчас отошел покурить к окну, никак не подходил ни под один параметр. Он выбивался из общей картинки и я не понимала почему. На руках слишком мало информации и от того пазл никак не хотел складываться в общую картинку.

– Я хочу обговорить детали нашего уговора, – подаю голос и этим привлекаю его внимание.

– Начинай, – говорит он, выдыхая при этом сизый дым изо рта.

– Для начала, я бы хотела узнать ваше имя. Согласитесь, очень трудно вести беседу, когда твой собеседник «ноунейм».

– Егор.

– Так просто? Или оно вымышленное? – Не удерживаюсь от скептицизма.

– Могу показать корочку.

– Которая тоже может быть поддельной.

– Твоя подозрительность вполне понятна и обоснована.

Но к тебе просто так не попасть. Разрешение дают свыше и ты даже не представляешь насколько. Так что мое имя, как и звание вполне настоящие. И, пожалуйста, давай перейдем на «ты».

– Хотите расположить меня к себе? Показать, что вы мне не враг? – Ерзаю на стуле. От длительного сидения на одном месте моя пятая точка стала неметь. – Хорошая попытка.

– Варя, я действительно прибыл сюда не для этого. – Егор возвращается ко мне. – Хочешь правду? Хорошо, вот тебе она. Мне абсолютно все равно насколько глубокая у тебя рана. Мне плевать, какие у тебя там душевные терзания. Я вообще в свое время прошел мимо твоего дела. Но у меня на руках два нераскрытых висяка, которые ведут к тебе. И что-то мне подсказывает, они не последние. Так что это не дружеские посиделки, когда у нас полно времени на всякие байки. Выходи из спячки, Варя, пора поработать.

Молчу. Потому что его слова словно острые кинжалы достигают своей цели. От этого все внутри скрючивается от боли. Прикусываю губу, да так, что во рту появляется знакомый привкус. Но снова не отвожу взгляд, хотя стоит признать, что делать это очень сложно. У Егора очень подавляющая энергетика и ей непросто противостоять.

– Ты не врач, – сглатываю. – Да и просто следователем

тебя не называть.

– Дальше.

– Я уверена, что звание в корочке не полное. Оно прописано там чисто для галочки. Ты явно не сидишь в маленьком кабинете в одном из участков. Нет. Все вокруг тебя дорогое, элитное. Начиная от безделушек на руках и заканчивая связями. Да и возраст... слишком юный для таких высот. Люди служат больше двадцати лет, но так и остаются рангом ниже.

– Еще. – Егор заинтересовано подается вперед.

– Ты сейчас снисходительно улыбаешься, значит, я попала в точку. Тебе нравится то, как я разоблачаю тебя. – Облизываю пересохшие губы. – Ты говоришь, что мое дело тебя совсем не интересовало. И это так. Но потом тебя попросили им заняться. И тебя не было выбора. А знаешь почему?

И он не спрашивает, да и меня уже не остановить. Я как снежная лавина, набираю обороты и сношу все на своем пути.

– Потому что у таких, как мы есть закон. – Припечатываю. – Мы не имеем права отказывать, когда нас просят о помощи.

Лицо парня на долю секунды меняется. Я вижу на нем удивление вперемешку с восхищением. Но он слишком хорош. Поэтому молниеносно берет эмоции под контроль.

– Ты такой же, как и я. – Шепчу. – У тебя есть дар.

И вздрагиваю, так как дверь без стука распаивается и на пороге появляется санитар.

– Время, – оповещает он своим басом. – Пациентов скоро отправят на обед.

– Спасибо, – Егор кивает ему в ответ и поворачивается ко мне, смотря на часы, – сорок три минуты и шестнадцать секунд. Слишком долгая работа, Варя. Ты должна быть шустрее.

– Ты не ответил, – поднимаюсь на ноги. – Я права в своих догадках?

– Возможно. – Уклоняется он от прямого ответа и забирает папку со стола.

– Как ты его получил?

– Я сказал «возможно». Но не обещал тебе говорить всю правду. Это не мне нужно выслужиться и заработать поблажки. А тебе. Ты хотела услышать детали договора? Что ж, давай обсудим. – Парень прочищает горло. – Сейчас мы проходимся по твоей версии происходящего. Пересматриваем все детали, выживаем все, что нам поможет. В свою очередь я даю тебе столько информации, сколько посчитаю нужной. И это касается всего, начиная от меня самого и заканчивая новыми эпизодами дел. Если я посчитаю нужным, я буду вывозить тебя на места преступлений. Но это при условии того, что ты вступишь на полную силу, Варя.

– Почему ты считаешь, что со мной что-то не так?

– Потому что ты заглушила все, что было в тебе.

– Неправда.

– Да что ты? А здесь ты видела кого-либо из тех, о ком

рассказывала минутой ранее? – Егор прищуривается. – Я готов поспорить, что нет. Диктофон я оставляю тебе, записывай все, что вспомнишь или что придет на ум.

– Нам нельзя иметь в палатах подобные вещи.

– Не переживай, я обо всем договорился. Но это при условии, что ты не будешь светить им направо и налево.

– Я не расскажу ничего нового...

– А мне нужно, чтобы ты как следует, поворошила свое прошлое. Вспоминай, Варя, все до малейшей крупички. Лишь прожив все заново, ты сможешь мне помочь. И себе в том числе.

Он уходит, оставляя меня в неприятном недоумении. И оно длится весь обед, когда я вяло ковыряюсь в невкусной гречневой каше с жутко воняющей луком подливой. И когда наступает вечер. Но во всем этом есть все же плюс. Рой мыслей заглушает все остальное, за что я так ненавидела ночи здесь. А именно стенания больных за стенами, которые эхом разносились по всей больнице. Их крики, причитания сводили с ума. Они въедались в тебя без твоего разрешения. Иногда я просто лежала в темноте и мечтала стать крупичками пыли, которые кружились в воздухе. Лишь бы больше не терпеть все эти издевательства.

Но сегодня все совсем иначе. Приезд Егора не сулил ничего хорошего. Я всем нутром чувствовала, что грядет нечто страшное. И мне меньше всего хотелось находиться в больнице в тот момент, когда начнется хаос. Я не знаю, как имен-

но он узнал об этом, но я действительно заглушила весь свой дар. Потому что по сравнению с тем, что я здесь увидела, домовые были цветочками. Странно было надеяться, что в психиатрической больнице могут обитать хорошие существа. Пару ночей наедине с ними чуть не свели меня в могилу. Так что я решила их больше не видеть. А теперь... нужно было все возвращать обратно. Мне нужно вытащить все из себя на поверхность и лучше это делать, когда никто этого не видит. И темная ночь в одиночной палате могла мне помочь в этом.

Сажусь на постели и прислоняюсь спиной к холодной стене. Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. А затем нажимаю на кнопку диктофона, зажатого в одной руке:

– В тот вечер мы вернулись без опозданий...

Глава 5. Тогда

Мама встречает нас там же, в прихожей, будто все это время она не сдвигалась с места. Смотрит то на папу, то на меня и будто сканирует наше настроение. Но мы с ним те еще Штирлицы, так что домой заходим с улыбками на лицах. Хотя глубоко внутри спрятано беспокойство и некотором роде страх.

– Мамуль, как чудесно пахнет, – стараюсь чтобы голос был не чересчур радостным. – Пирог?

– Да, твой любимый вишневый, – она прищуривается, – все хорошо?

– В целом, да, – киваю головой.

– Сереж? – недоверчиво переспрашивает она папу.

– А?

– Все ведь так?

– А что, наша дочь будет врать? – переводит на меня стрелки папа и я, мысленно обещаю ему это припомнить.

Но во всем этом представлении есть огромный плюс для нас и минус для мамы. Она очень доверчивая. Поэтому, если мы в два голоса утверждаем, что все хорошо, то она быстро успокаивается.

После ужина мы еще где-то около часа болтаем и обсуждаем планы на ближайшие дни. Но здесь все обыденно. Папа с первыми лучами солнца укатит на работу, где будет деталь-

но исследовать материалы, чтобы найти хоть одну зацепку для расследования. У мамы намечалась выставка через месяц, поэтому у нее все было расписано по минутам. А я, как порядочная студентка девятнадцати лет, начинала подготовку к сессии.

За разговорами мы засиделись до позднего часа, так что, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим спальням. Но я знаю, что никто пока не собирался спать. Мама залипнет в планшете, перепроверя декор и меню для фуршета выставки. Папа в это время будет задумчиво гипнотизировать какой-то канал на телевизоре. Он создает видимость, будто отдыхает, но это лишь ширма. Шестеренки в его голове крутились как за столом, так и сейчас. Просто папа старательно делает вид, что хоть когда-то забывает за работу. Чтобы не расстраивать маму.

Ставлю печеньки в пиале на письменный стол и плюхаюсь на постель. Просто лежу и смотрю в одну точку на потолке, отмечая редкие отблески света от фар мимо проезжающих машин. В голове странная пустота. И это очень непривычное для меня явление. Обычно там столько мыслей, что я даже их не могу упорядочить. А тут ничего... Да и вообще чувствую себя порядком уставшей.

– Ради разнообразия могла бы принести и чипсы. – Раздается голос со стороны стола, а за ним следует тяжелый вздох. – Ненавижу крекеры.

– Ради разнообразия мог бы не тырить мои вещи просто

так, – не остаюсь в долгу.

– Вообще не понимаю, о чем речь. И мне даже кажется, что ты наговариваешь на меня.

Приподнимаюсь на локтях и смотрю на домового.

– Сеня, ты борзеешь.

Но мои слова как всегда его даже не задевают. Это ж Сеня. Молодой, амбициозный домовый со специфическим чувством юмора. А еще он очень наглый. И черт же меня дернул привести его к нам домой. Но я–то думала, что это временное явление, а он заселился к нам на постоянную основу. И, что самое странное, Олег, второй домовый, почему-то его не только принял, но и прикипел к нему. Вы, наверняка, удивитесь. Мол, в чем же тогда дело? Но исходя из народных поверий, выстраивается весьма простое уравнение. Одна квартира – один домовый в ней хозяйничает. Они на дух не переносят конкурентов. И если такое случается, что они не могут поделить территорию, то быть в семье беде. В этой квартире все будет ломаться в лучшем случае. А в худшем, люди будут часто и сильно болеть. И я прекрасно понимала, на что иду, забирая с очередного «дела» бедного и несчастного Сеню. Нет, правда, он первое время и был таким. А потом...

– Договорись когда-нибудь и молодая хозяйка тебя выгонит, – Олег тоже появляется в комнате.

Старший домовый, как и положено его статусу, носил длинную седую бороду, очки и любил красивые вещи. Особенно, он уважал вельветовые костюмы – тройки, которые

сам же и шил. В них он был похож на достопочтенного дядюшку, правда, очень небольшого роста. Рядом с ним Сеня в моих переделанных футболках и рванных джинсах смотрелся как настоящий шалопай. Волосы у него вечно торчали вихрями в разные стороны и он категорически был против бороды. Максимум, что можно было увидеть на его лице, так это маленькую бородку. Которую он выкрашивал в темный цвет маминой краской для бровей, пока она не видит.

– Это вряд ли, – отзывается он, вяло ковыряясь в пиале. – Я привнес в ее жизнь много нового. Вечно же повторяю, что за любой кипишь, кроме голодовки. А она? Скучная и унылая. Прямо как эти пресные крекеры. Нет в ней огонька, чтоб вот прямо, ух!

– Хватит и тебя, сумасброда, на наши головы, – Олег присаживается в мое рабочее кресло и поправляет очки на переносице. – Не видишь, что-то же случилось. Варя, что тебя тревожит?

– Была с папой на задании и видела одного из ваших. – Сажусь на кровати. – Обозленный товарищ. И крайне необщительный.

– Да всяко – разные встречаются домовые. – Олег пожимает плечами. – Не бери на свой счет. У нас же, как и у людей, жизнь зависит от многих факторов. Видимо, ему очень не повезло.

– Да я это понимаю, но так надеялась, что он хоть что-то подскажет, – устало провожу ладонью по лицу, – а он наобо-

рот запутал еще сильнее.

– Сложное дело? – активизируется Сеня. – Кого убили? Много крови было? А тело целым осталось или по кускам нашли?

– Да уймись ты, окаянный, – Олег отпустил ему подзатыльник, как только младший оказался в его досягаемости.

– А чего я сказал такого? – Насупился вмиг Сеня.

Но его плохое настроение было недолгим, так как в поле его зрения появилась наша кошка. Которую он тут же попытался оседлать, словно ковбой из дикого запада. Естественно, животное сопротивлялось и шипело, но домового это не останавливало. Когда они проносились мимо, пришлось схватить его за шкурку и хорошенько встряхнуть.

– Эй! – он тут же поспешил выразить свое недовольство. – Уже и повеселиться нельзя? Да что за жизнь-то пошла? Сладким не балуют, новостей не рассказывают. Вон в восемнадцатой квартире домовика боксу учат. А в тридцатой они вместе с хозяином коды компьютерные пишут. А у нас что? Скоро покроемся мхом от этой скуки.

– Стоп, – торможу поток его жалоб, – вы общаетесь между собой?

– Редко, но выходим в гости, – отзывается Олег, аккуратно складывая мне стопку конспектов на завтра.

– Ты за себя говори, – Сеня скрещивает руки на груди, – лично я, почти всех наших в этом доме знаю.

– Порядочный домовый не шляется где попадая. – Осажда-

ет его старший домовый. – Он ведет хозяйство и помогает своим домочадцам.

– Так ты и без меня с этим чудесно справляешься.

– Сеня, у меня к тебе задание будет, – озаряет меня одна мысль, – пробегись по квартирам да поспрашивай, может, кто-нибудь в курсе происходящего? У нас в доме, как минимум еще пять семей из разных структур полиции. На них и сделай акцент, хорошо?

– Да я... да ты... – Сенины глаза загорелись озорством. – Мигом!

– Сеня! – в один голос с Олегом, окликнули младшего домовенка, но того и след простыл.

– С одной стороны хорошо, – пожимаю плечами, – хоть несколько часов побудем в тишине и спокойствии.

– Будем на это надеяться, – Олег подошел ко мне с приготовленной пижамой, – Варя, у меня не очень хорошее предчувствие.

– У меня тоже, – соглашаюсь с ним и встаю с постели, – вот поэтому мне и папе нужна любая помощь. Но я абсолютно не знаю, с чего начать. Из зацепок только слова домового о зеркале. За жертвой явились именно из этого предмета.

– Это точно? – Олег хмурится.

– Есть догадки? – перевожу на него взгляд.

– Я бы назвал это тонкой и призрачной мыслью, но мне нужно порыться в своих архивах.

– Да, конечно. Спасибо тебе и спокойной ночи, домовый.

– Спокойной ночи, хозяйка. – С этими словами, Олег, растворяется в воздухе.

А я понимаю, что болтовня с домовыми заняла очень много времени и завтра я точно еле сползу с постели в универ. Поэтому хватаю пижаму и плетусь чистить зубы, а после и вовсе отключаюсь сразу же, как только голова касается подушки.

Глава 6. Тогда

Но спокойный сон был прерван. Часы показывали третий час ночи, когда меня разбудила какая-то возня в комнате. Сначала подумала, что это домовые снова что-то не поделили. Но, открыв глаза, была удивлена:

– Папа? Что случилось?

– Тсс, – он прикладывает указательный палец к губам и жестом показывает на вещи, сваленные на край кровати.

Реагирую немножко заторможено, но за одеждой тянусь. А за окном не унимается гроза. Льет так, что ничего не видно. Умудряюсь и одеться в этой тьме, и чудом не наступить на мирно дремлющую кошку у порога комнаты. Иначе бы перебудили не только маму, но и соседей. Поворачиваю голову на щелчок двери и полоска света озаряет силуэт папы, который крадется за обувью, словно шпион на задании. И это наводит на еще более странные мысли. Но все потом, все потом...

Перебежками, от лужи к луже, пробираемся к машине. Где, хвала автозапуску, уже тепло. И только оказавшись внутри, задаю навязчивый вопрос, который не покидал мою голову вот уже добрых десять минут:

– Еще убийство?

Папа молча кивает и вырывается из нашего двора.

– Кто? – продолжаю допытываться.

– Еще один студент.

– Думаешь, оттуда же?

– По тому, что мне успели доложить, я уверен почти на все девяносто процентов. – У папы следом вырывается крепкое ругательство. – Я повидал разных уродов на своем веку, но чтоб так... каждую ночь по жертве... У него как минимум должно быть время на подготовку, на поиск информации о человеке. День-два, но перерыв между убийствами должно существовать.

– Может быть, действует несколько человек? – Спрашиваю с надеждой и зябко передергиваю плечами. – Это ведь можно понять по уликам?

– В том то и дело, что их нет. – Родитель останавливается на красном сигнале светофора и поворачивает ко мне голову. – Криминалисты уезжают фактически ни с чем. В отчетах имеются данные только об отпечатках жертв. А это нереально!

Папа бьет кулаком по рулю и стискивает зубы.

– Всегда есть где-то промашка, ювелирных работ не бывает. Даже самый педантичный убийца ошибается. Это свойственно каждому человеку. Прости, Варь. – Он качает головой. – Я знаю, что это неправильно. И что это может травмировать твою психику. Но...

– Я взрослая девочка, пап. И психика у меня вроде бы крепкая. К тому же я представляю себе, что это будет почти, как в фильмах. С разницей, что тело настоящее и кровь не

бутафорская. – Морщусь. – Я постараюсь сделать все возможное, но и ты пойми, у меня тоже бывают провалы.

– Да, конечно. – Он соглашается. – И за это тебе очень благодарен. Просто мы с Лехой... с твоим крестным, подумали, что ошиблись. Что нужно тебе показать место преступления сразу же, а не после работы всех медиков и остальных сотрудников сыска. Возможно, они что-то портят там своими действиями. Или спугивают кого-то. Вообще, я плохо в этом разбираюсь, но думаю, что толк будет. И по поводу тела... его мы покажем только при условии того, что тебе это действительно нужно будет увидеть.

– Почему?

– Потому что, Варь. Во мне и так перевесил следак, раз я уже везу тебя туда. Я не стану окончательно бесчеловечным родителем, даже не проси об этом.

В ответ я лишь молча киваю и остаток пути мы проезжаем не проронив ни слова. Со стороны этот диалог мог показаться абсолютно бессмысленным и странным. Но для нас двоих он был пропитан ни чем иным, как надеждой. Мы до последнего будем надеяться, что орудует человек. Потому что проще и легче искать подозреваемого у кого есть плоть и пусть поганые, но мысли. Призраку ведь не предъявишь обвинения и не защелкнешь наручники на запястьях. Мы ведь не группа борцов со сверхъестественным и никогда с таким не сталкивались. Я даже не знаю, можно ли наказать злобного духа, если такой здесь присутствует. Мои помощники домо-

вые всегда приводили нас к настоящим людям с настоящими умственными отклонениями, жестокими побуждениями и мотивами. И которых можно реально осудить и наказать по всей строгости за совершенное преступление. А кого здесь судить? Если на руках лишь одна зацепка в виде зеркала и то, ты крутишь ее и так, и сяк, но не понимаешь, как ею воспользоваться.

Мы заезжаем в частный сектор и останавливаемся у довольно дорогого на первый взгляд дома.

– Ребят, в темпе, – в окне со стороны папы тут же появляется лицо крестного, – у нас есть минут десять до приезда криминалистов и прочих сотрудников.

Но мы и так уже были в полной боевой готовности. Куртки оставлены на заднем сиденье, на руках и ногах уже перчатки бахилы. Я даже в этот раз волосы закрутила в гульку и спрятала под шапочкой для душа, чтобы уж наверняка не оставить никаких следов после себя.

– Ого, – не скрываю своего удивления, когда мы оказываемся внутри дома. – Теперь я понимаю значение выражения «дорого-богато». Это дом какой-то шишки города?

– Это дом мэра, – мрачно отзывается Леша. – И завтра на планерке нас просто разорвут за это.

– Только не говори, что это дочка мэра пострадала, – папа даже белеет лицом.

– К счастью, не она, а ее лучшая подруга. Я успел сделать короткий опрос Миланы, пока она еще была в состоя-

нии что-либо внятно говорить. И ничего полезного в ее рассказе не услышал. Обычная ночевка двух подруг, они часто так собирались, чтобы посплетничать и посмотреть фильмы. Мэр с супругой в отъезде, домработница уходит на ночь к себе домой. Этой ночью девочки были совершенно одни.

– Точно? – папа и я следуем за крестным на второй этаж, где располагались спальни. – Может, не хочет говорить о парнях, чтобы потом не влетело?

– Нет, утверждала, что были вдвоем, так как ее подруга только рассталась со своим кавалером и Милана решила ее как-то поддержать. Но данные пацана я уже записал, это их сокурсник.

– Завтра нужно вызвать его на допрос. – Папа зависает на месте, а я за ним следом, останавливаясь на последней ступеньке. – Лех, первые мысли?

– Все замки целы, следов взлома нет. У девочек эта ночевка вышла спонтанной, так что убийца вряд ли ждал их дома, сидя в укромном уголке. Но он, как и вариант того, что убийцу впустили лично сейчас проверяется. По периметру дома и участка установлены камеры. Наши пацаны сейчас смотрят их записи.

Но я уже не слушаю крестного, проталкиваюсь между ними и безошибочно нахожу нужную мне дверь. И все потому, что перед ней вдруг проявляется маленький силуэт и тут же исчезает, словно сигнализируя мне о чем-то.

– Варь, – меня зовут по имени, но это меня не останавли-

вает.

Проворачиваю ручку и толкаю дверь внутрь. Быть может, я бы и восхитилась таким же богатым убранством комнаты, если бы мой взгляд не был прикован к телу, свисающему лицом вниз с постели. Ноги моментально одеревенели и я едва могу заставить себя сделать шаг к ней. Ковер под ее головой из бежевого стал красным. Мне даже почудилось будто я слышу, как капли крова стекают по волосам и противно капают в накопившуюся лужу. Девушка будто тянулась за чем-то, что упало на пол, не решаясь встать с постели. На это указывала и поза тела, и правая рука, спрятавшаяся под кроватью. Я даже и не думала туда лезть и что-то проверять, если бы не маленькая ладошка с окровавленными пальцами, которая высунулась оттуда и поманила меня.

– Выходи, я не обижу тебя, – шепчу, опускаясь на корточки.

Но в ответ лишь слышится плачь.

– Здесь больше никого нет, слышишь? Тебя никто не тронет. – Опускаю руки в ворс ковра и делаю первое осторожное движение на четвереньках к обратной стороны кровати, где тело не свисает и где нет крови. – Ну же, не прячься. Позволь помочь тебе.

Это стало моей ошибкой. Моим косяком. Моей оплошностью.

Я увлеклась уговариванием и вот, сама того не понимая, уже по лопатки оказалась под кроватью. Откуда на меня

смотрело заплаканное лицо домового. Он размазывал слезы по щеками, а вместе с ним и кровь, которой были покрыты его руки.

– Так много крови...ее так много...– всхлипывает он, расквашиваясь на месте.

– Тише, тише, – пытаюсь успокоить его.

– Я так старался успеть, но оно оказалось проворнее. А я помочь хотел...да как такому уже поможешь?

Я не успеваю среагировать, как домовый отодвигается в сторону и перед моими глазами предстает кровавое месиво. Еще несколько часов назад это было молодым и я готова поклясться, красивым лицом. Но теперь его не было. Вместо него зияла кровавая дыра и кое-где просматривались белые кости черепа. Его будто выдрали, оставив ошметки плоти по краям да уши. Все остальное перемолотой грудой мяса валялось на ковре, которую из-за свисающих волос не было видно. Один единственный глаз качался на зрительном нерве и тот, с противным хлюпаньем оторвался и упал вниз.

Рвотные позывы не заставили себя долго ждать. Я дернулась назад, больно ударяясь спиной об планки кровати и чувствуя, как под тонкой водолазкой, сдираю себе кожу до ран, но выныриваю оттуда. И пачусь назад прямо на попе, отгаликиваясь ногами по ковру до тех пор, пока не ощущаю что-то твердое за своей спиной.

Меня впервые захлестнула настолько сильная паническая атака. Я даже не могла нормально вдохнуть, не говоря о том,

чтобы позвать на помощь. Но когда сверху на мою голову грохнулась тяжелая темная ткань, перекрывая видимость, эмоции захлестнули и приблизились к опасному пику. Особенно, когда я реально ощутила, как две небольшие руки с тонкими пальцами плотно обхватывают меня со спины за плечи и будто тянут назад.

Вот тогда я заорала.

– ААААА, – пытаюсь выбраться из западни, но путаюсь еще сильнее. – Выпустите, выпустите меня отсюда!!!

– Варь, – кто-то сильнее меня помогает выбраться из этого плена и ставит на ноги, но те не слушаются меня и я заваливаюсь обратно на пол. – Варь, ты слышишь меня? Варя!

Меня встряхивают несколько раз и потом в лицо ударяет холодная вода. Еще раз. И еще раз. Меня умывали ею пока я не поняла, что в руках у папы, а крестный с перепуганными глазами держит в одной руке бутылку с водой, а со второй стекают капли. Сердце до сих пор колотится, как бешенное. Но паника отступила и разум стал проясняться.

– Увози ее отсюда, – говорит крестный, попутно чертыхаясь.

– Подождите, – прошу их. – Мне нужно кое в чем убедиться.

– Нет, Варь, с тебя хватит. – Папа качает головой и все в его тоне говорит о том, что в комнату меня больше не впустят.

– Ладно, – соглашаюсь с этим, – тогда скажи мне сам, что

там было? Я уперлась спиной не в стену.

– Это был шкаф-купе.

– С зеркалом? – руки начинают подрагивать.

Папа медлит и переглядывается с крестным.

– Пап, я только что видела тело без лица. – Напоминаю ему. – Страшнее уже ничего не будет.

– Ну, было там зеркало в средней секции, но почему-то его завесили пледом. – Вместо него отвечает крестный. – Он на тебя и грохнулся, видимо закрепили плохо. Если есть какие-то мысли, запомни их, потом расскажешь. А сейчас тебе нужно ехать домой, пока тебя не увидели те, кому не нужно.

Перечить ему не стала. Мне и самой здесь находиться больше не хотелось. И я послушно спускаюсь вниз, а затем сажусь в машину, чтобы поскорее убраться из этого дома. И чем быстрее мы удалялись от него, тем больше я чувствовала себя в безопасности.

Хотя это и было заблуждением.

Потому что, те, кому не нужно, уже заметили меня в той комнате.

И безопасность стала для меня понятием растяжимым.

Глава 7. Сейчас

– Домовая, на выход, – гундосит амбал – санитар Стасик, – к тебе визитер.

И делает он это, как всегда, по-свински. Подкрадывается со спины, наклоняется прямо к уху и только тогда уже начинает говорить. Смакуя то, как пациенты дергаются от неожиданности, что-то разливают или со страху подскакивают. Первые пару раз и я так делала, но потом быстро подметила за ним то, как Стас противно сопит носом, втягивая постоянный насморк в себя. И как звенят ключи, которые он защелкивал у себя на ремне. И то, что он прихрамывает на правую ногу, а это в свою очередь изменило его походку. Поэтому, как бы он ни старался, я даже не вздрогнула. Спокойно собрала цветные карандаши в пенал и отложила их на край стола вместе с раскраской – антистресс.

Сегодня пятница или «творческий день». Или день свободы от изнурительных терапий, бесед и бесконечных обследований, чтобы выявить динамику твоей болезни. И все потому, что врачи спешат закончить недельный отчет и поскорее отправиться домой. Вот поэтому нас после обеда всегда отправляют в общий зал, где каждый сам себе по душе выбирает занятие. Кто-то ляпает краской на чистый лист мольберта и размазывает пальцами в каком-то диком и только одному рисующему человеку понятном рисунке. Кто-то пялится на

шахматы, а затем медленно делает ход сначала за себя, а потом за невидимого соперника. Кто-то собирает пазлы и когда детали сходятся, хлопает в ладоши словно маленький ребенок. Кто-то невидящим взглядом смотрит в экран телевизора, где постоянно крутят безобидную программу про природу. Там порхают бабочки, безмятежно проплывают облака и дельфины веселой стайкой выпрыгивают из воды. Никакой охоты, никаких хищников. Ничего из того, что может вызвать приступ агрессии или хоть как-то расстроить пациентов. Которые вроде бы сидят у экрана, но каждый погружен в какую-то свою реальность.

И из этого исходит следующий факт: здесь не нужно было ни с кем общаться. И уж тем более с кем-то дружить. Здешние обитатели существуют по принципу «каждый сам по себе» и меня это вполне устраивало. С одной стороны существовать... да, именно существовать здесь в одиночку было поначалу невыносимо. Из-за нехватки нормального общения с нормальными людьми тебя постоянно отбрасывало в прошлое, где это все осталось. И если на свете существует подобный вид пыток человека, что ж...он самый действенный. Физическая боль забудется сразу же, как срастутся кости и заживут порезы. А вот душевная боль будет тебя терзать пока ты дышишь. Ведь не найдется искуснее палача, чем ты сам.

Как я спасаюсь от этого? Я не нашла лучшего способа, чем стать одной из тех, кто меня окружает последние полгода.

Я, как и они, ухожу в другую реальность, где мне хорошо. Правда, здесь я не мечтаю, ничего не вспоминаю и уж тем более ничего не планирую. Просто плыву по течению дней, лишь изредка отмечая, что пейзаж за окнами больницы меняется в зависимости от наступившего месяца. Однако появление Егора кардинально все меняло. Он выдернул меня из этого спокойствия и заставил вступить в спор с самой собой. Одна половина меня встрепыхнулась, почуяв свободу и возможность найти и отомстить тому, кто повинен во всем этом ужасе. А вторая половина меня...она боится. Она запуганно сжалась и умоляет не связываться вновь с тем кошмаром.

– Домовая, шевелись, – подгоняет меня Стасик и снова с хлюпаньем втягивает сопли. И смотрит при этом на меня, как грязь, которую ему нужно выковырять из этого места, а руки марать не хочется. В этом его огромный минус – он считает себя королем этой больницы. И позволяет себе издеваться над пациентами, когда все врачи уходят по домам. Я слышу скулеж бедолаг по ночам, а за ним постоянно следует гадкий смешок этого имбецила. Потому что знает, никто жаловаться не станет. А очередной синяк на теле пациента можно всегда списать на неуклюжесть или на другого больного.

– Знаешь, Стас, – смотрю на него, – когда я отсюда выйду, то пришлю тебе месячный запас капель для носа и столько же жидкости для ополаскивания рта. Без них ты просто омерзителен.

– Знаешь, я может быть бы и обиделся, – он наклоняется ближе и говорит так тихо, чтобы слышала только я и при этом обдавая меня своим несвежим дыханием, – но мы оба прекрасно понимаем, что ты попала сюда надолго. И для меня будет честью сделать так, чтобы ты это время запомнила на всю оставшуюся жизнь.

– Стасик, ты же читал мое дело? – прищуриваюсь. – О, я думаю, что да. И ты в курсе, почему я здесь сижу. Так скажи мне, если я перерезала всех своих родных... разве у меня может дрогнуть рука по отношению к какому-то медбрату?

Я вижу, как дернулся его кадык и как в глазах промелькнуло небольшое, но опасение. Но он пытается не выдать себя и отходит на шаг назад:

– Покажи руки.

– Серьезно? – хмыкаю. – Отсюда я ничего не могу вынести, я ведь даже рисую восковыми карандашами для малышей.

– Руки, Домовая, – требует он и я подчиняюсь, поднимая руки и показывая, что у меня ничего нет ни в ладонях, ни подмышками. Он обходит меня по кругу и останавливается за моей спиной, грубо подталкивая в предплечье. – Шагай вперед и чтоб без выкрутасов.

С одной стороны, хорошо, что он идет позади и не видит моего лица. Потому что я не радуюсь его страху. Я не кайфую от того, что меня считают убийцей. Я едва сдерживаю слезы. Ведь мне пришлось впервые вслух произнести то, в чем меня

обвинили.

Но я не убивала родных...

Я не успела их спасти.

– Вы же понимаете всю ответственность? – сначала слышится немного истеричный голос заведующей этой больницы, а затем в поле зрения появляется и она, и Егор.

Который стоит, подпирая стену спиной и скрестив руки у себя на груди. Внешне – скала спокойствия. В то время, как Ольга Владимировна в присущей только ей манере, пытается вдолбить ему в голову то, что я опасна для него, для себя и для всего окружающего мира. Я встречалась с ней трижды за все мое время нахождения здесь. И все эти три раза мне казалось, что она вот-вот либо разрыдается, либо сорвется и начнет тебя колотить. Не понимаю, как таким людям доверяют руководящие роли. Ей бы самой не мешало бы недельки две здесь полежать и полечиться.

– Все необходимые документы и разрешения у вас на руках, – голос парня даже не дрогнул, – я имею полное право забрать пациентку и начать экспериментальное расследование.

– Это неоправданные риски, – не сдается главврач. – Кому это вообще пришло в голову?

– Тому, кому надо. – Уже более резко следует ответ от Егора. – Такие детали и подробности вас не касаются. По факту, я уже получил разрешение на работу с Варварой Домовой от вашего вышестоящего руководства. Так что ваши возмуще-

ния... они не имеют никакого смысла. Они просто раздражают меня так, будто я слышу назойливый писк комара.

После этих слов он поворачивает голову в мою сторону и отталкивается от стены.

– Добрый день, Варя.

– Добрый, – осторожно отзываюсь в ответ, не понимая до конца, что происходит.

– Почему она до сих пор в больничной одежде? – он окидывает меня взглядом.

– Потому что... потому что... – Ольга Владимировна никак не может придумать ответ. – Пациентка находилась на обязательном занятии.

– Давайте я сделаю вид, что не знаю о том, что у пациентов сегодня свободный день, – хмыкает Егор, – а вы быстро распорядитесь, чтобы Варе вернули ее повседневную одежду.

– Не могу, – главврач даже не скрывает превосходств в голосе, – у Варвары не осталось никакой одежды. Потому что она прибыла к нам вся заляпанная кровью и нам пришлось все утилизировать.

Мое сердце при этом пропускает удар и мне хочется провалиться сквозь землю. Оказаться уже в этом гребанном аду, который мне обещали и в полиции, и в сизо, и при первом знакомстве в этой больнице. Сил моих уже больше нет...

– Ладно, это не помеха, – Егор машет мне рукой, – пойдём.

И под удивленные, недоумевающие взгляды главврача, Стаса и еще двух охранников, я без наручников просто беру

и выхожу следом за Егором за дверь, которую он без проблем открыл своим специальным пропуском.

Глава 8. Сейчас

– Что с тобой? – Спрашивает меня парень, заметив, что я застыла на месте.

А я не могу даже слово сказать. Такие эмоции нахлынули, что пришлось зажмуриться. Я как будто вдруг стала скалолазом, который добрался на вершину горы, где в атмосфере царит сплошной разряженный воздух. Обрушившаяся на мои рецепторы свежесть, казалась такой странной и удушающей после больничных ароматов. Непривычные звуки улицы пугали своим разнообразием. Непроизвольно обхватываю себя руками и поеживаюсь. Как запуганный зверек, которого вытащили из его норы и теперь, образно держа за шкурку, заставляют смотреть на свет. А еще резко накатывает головная боль.

– Последствия сотрясения? – от Егора не укрывается то, как я начинаю массировать висок.

– И да, и нет, – морщусь, но делаю первые шаги в его сторону. – Сотрясение лишь усилило их. А мигрени начали преследовать меня с того вечера, когда мы выехали на вызов.

– А галлюцинации? Они тоже начались после той поездки?

– Да, прямо на следующий день, – обреченно вздыхаю, заранее понимая, о чем он сейчас попросит. – Папа так и не вернулся из участка, так что мне потребовалось все мое ма-

стерство утром, чтобы скрыть потрясения и переживания перед мамой. Да и перед подругой Никой тоже...

Тогда

День будет тяжелым.

Это я поняла после кошмарной ночи, когда мне удалось в общей сложности подремать часа полтора. Но я то и дело подрывалась на постели, потому что перед лицом то возникало, то пропадало изуродованное лицо студентки.

Когда наконец-то взошло солнце, я поплелась в ванную в надежде, что горячий душ смое кошмарные воспоминания. И даст хотя бы чуть-чуть бодрости. Потому что, честно говоря, чувствовала я себя так, словно по мне проехался грузовик. Причем сначала в одну сторону, а потом, добивая, в другую. А впереди ведь еще завтрак с мамой и учебный день в университете. И не мешало бы набрать папу и узнать, может появились новые детали? Но это все потом, все потом...

– Варь, ты чего такая бледная? – мама обеспокоенно касается моего лица, заставляя посмотреть на нее. – Что-то случилось?

– Голова ноет, – признаюсь ей.

– А ну, – она прислоняется щекой к моему лбу, – нет, температуры нет. Что-то еще беспокоит?

– Да вроде бы нет, – выдавливаю улыбку. – Наверно, просто не выспалась.

– Я тебе уже давно говорила, чтобы ты оставила свои сериалы хотя до выходных. И так учебная нагрузка капиталь-

ная, а ты по ночам не спишь. Это поначалу кажется, что переутомление не такая уж и страшная штука. Но на самом деле, все очень серьезно.

– Я понимаю.

– Ага, твой папа мне точно так же говорит. – Вздыхает она. – А потом пропадает в участке с ночи до утра. Или приходит весь измученный глубокой ночью. Я просто прошу вас побережь себя, а вы меня не слушаете. Честное слово, как два маленьких капризных ребенка.

– Но два твоих самых любимых ребенка. Мамуль, не нервничай, я обязательно пересмотрю свой режим, а потом поговорю и с папой, – встаю с места и целую ее в щечку, – но позже, а сейчас мне пора бежать.

– Ладно, – кивает она, – но сразу набирай меня, если что-то...

– Все будет в порядке. – Успокаиваю ее уже на выходе. – Люблю тебя.

И выскакиваю за дверь. А там моя улыбка пропадает, но ровно на тот промежуток времени, сколько ползет лифт вниз. Где у подъезда меня ожидает уже подруга Ника с двумя чашками дымящегося кофе. И за секунды до нашей встречи, я снова пытаюсь выглядеть беззаботной. Но это меня не спасает.

– Ну и видок у тебя. Такое чувство, будто ты привидение увидела. – Девушка даже присвистывает.

– Нет, всего-то тебя и твои кошмарные штаны. – Парирую

в ответ. – Что это за бахрома?

Стоило бы отметить, что вкус в плане одежды у Ники был всегда странным. Не понимаю как, но она умудрялась сочетать несочетаемое. И была завсегдаем всяких барачолок и сэконд-хэндов. Часть вещей она потом еще перешивала, украшала пуговицами, стразами, вышивками и прочей ерундой, которая делала одежду немного «эпатажной» и «запоминающейся».

Но это, исключительно выражаясь словами Ники.

А как по мне, это больше походило под описание «странной» и периодически «вырви глаз». И глаз этот, кстати, нервно сейчас дернулся при виде того количества пришитой бахромы по всему периметру штанов, которая шевелилась при каждом шаге и создавала весьма странную иллюзию... развивающейся рыжей шерсти по ветру.

– Это винтаж, милочка, – подруга не реагирует на мой подкол, – но ты до этого не доросла, как и до того, чтобы дерзить тете Нике. Нет, Варь, я серьезно, все в порядке?

– Да просто не выспалась, – говорю ей ту же полуправду, что и маме.

– Тогда я отдам тебе свой двойной эспрессо, судя по всему, тебе он нужнее.

Вообще-то я ненавидела этот вид кофе из-за его ядерной крепости. Но сейчас Ника попала в самую точку и мне нужно взбодриться. У меня сводит зубы от терпкости и температуры напитка, но я выпиваю все содержимое до дна по дороге

на лекции.

Учеба и решение вопросов по ней отвлекают от тяжелых мыслей. Я почти не думаю о случившемся, я почти не чувствую той разбитости, которая преследовала меня с утра. Но ровно до того момента, когда мы с Никой не оказываемся у бассейна, куда мы записались на дополнительные занятия. Мы обсуждаем какую-то новую сплетню и тут на меня накапывает дурнота. В висках простреливает резкая боль и я зажмуриваюсь. При этом четко ощущаю, что мир вокруг меня кружится, словно меня засунули в центрифугу. Теряю равновесие и под вскрики девочек приземляюсь на четвереньки. Наверно, это больно. Колени точно пострадали. Но этого я не чувствую. Меня прошибает волна жара, а затем становится очень холодно. Но это от того, что меня прижимают к мокрому и холодному телу. Еле могу заставить глаза открыться и отмечаю, что какой-то незнакомец несет меня куда-то на своих руках.

– Что с ней? – доносится голос.

– Стало плохо у бассейна, – рапортует парень.

– Поворачивай направо, там медицинский блок, – слышится команда и меня продолжают транспортировать в указанном направлении.

– Голова... – стону в надежде, то меня хоть кто-нибудь да поймет.

– Болит? – Судя по всему, Ника рядом.

В ответ лишь могу сжать не то ее руку, не то чью-то еще.

А затем меня укладывают на твердоватую поверхность. И из груди вырывается вздох облегчения. Особенно, когда кто-то задергивает шторы и комната становится не такой яркой. Меня ощупывают, трогают руки и ноги. Но стоит чьим-то пальцам коснуться лба, как я снова морщусь. Через мгновение мою голову снова аккуратно приподнимают и в губы толкается сначала горькая пилюля, а затем стакан с прохладной водой.

– С ней точно все будет в порядке? – слышится нервный голос подруги.

– Судя по всему, у нее вспышка мигрени. Сейчас таблетка подействует и все будет нормально. Просто не дергайте ее и дайте отлежаться в темноте с тишиной. – Отвечает ей наша медсестра Маша.

– Я останусь здесь пока ей не полегчает.

– Не нужно. В мои обязанности входит контроль и забота над всеми, кому стало плохо. К тому же, я сама страдала этой заразой на протяжении многих лет и как никто, знаю лучшие методы, чтобы снять острый пик боли.

– Вы уверены?

– Иди к остальным ребятам, я разберусь со всем сама.

– Раз уж вы так уверенно говорите, – Ника неохотно сдается, – что ж, будь по-вашему. Приходи в себя, Варь, скоро увидимся.

Не успеваю я смириться с тем, что остаюсь в компании медсестры, как прохладные пальцы касаются сначала моего

лба, а затем и висков. Легкими, круговыми движениями, подушечки пальцев порхали по моей голове. Затем они куда-то делись, но лишь на чуть-чуть, а потом в воздухе появился легкий запах какого-то эфирного масла. Тишина, темнота, нехитрые манипуляции и полное отсутствие каких-либо раздражающих факторов все же сделали свое дело. От всего этого в совокупности с обезболивающим, боль постепенно утихла. В теле появилась тяжесть. А учитывая тот факт, что ночь выдалась беспокойной со всеми этими кошмарами, сон медленно забирал меня в свои объятия. Но я сопротивлялась. Мне так сильно почему-то хотелось сказать хоть «спасибо» своей спасительнице, что я с трудом, но разлепила веки.

Да, это была Маша. Чудесный человек. Я даже прониклась к ней симпатией. Но лишь до того момента, как она отвернулась ко мне спиной перед небольшим столиком. И вот тут, меня снова прошиб пот.

Но не от отступающей мигрени. А от ужаса.

Я видела ее спину и то, что отсутствует верхняя одежда. А вместе с ней и вся кожа. Как будто кто-то взял и срезал все, явив на обозрение все органы. Которые просвечивались сквозь ребра и свисали там, где их ничего не удерживало. А плоть рваными кусочками обрамляла все это так, словно я смотрела на картинку в рамке.

Моргаю.

Что за бред?

Галлюцинации или сон?

Что-то точно из этого. Потому что белокурая девушка никак не могла превратиться вот в это... эту сущность без спины с зелеными длинными волосами. Оно что-то бормотало, копошась в ящиках.

Приоткрываю глаза, чтобы еще раз на нее взглянуть и удостовериться в том, что вижу, как она резко оказывается передо мной. Лицом к лицу. От нее несет тинной и с волос стекают капельки, которые падают на мою кожу.

–Каково тебе видеть нас? – задает она странный вопрос.

Но я не успеваю ей ничего ответить.

Моя психика решила, что с меня довольно.

Спасительная темнота приходит очень быстро и я отключаюсь.

Глава 9. Сейчас

– Естественно, когда я пришла в себя, – хмурюсь, рассматривая мелькающие незнакомые улицы и здания за окном, – все было нормальным, как и прежде. Без какого-либо намека на сверхъестественное. Тогда я списала все на переживания и реальный недосып.

– Странно слышать это от тебя, – Егор на секунду отвлекается от вождения. Улавливаю боковым зрением то, что он повернул голову в мою сторону. – Ты же общаешься с домовыми.

– И?

– Почему ты вдруг решила, что на этом все и больше ты видеть никого не можешь? Неужели ты не допускала мысли о том, что кроме домашних охранников вокруг нас роится тьма других существ?

– Отчего же, – заставляю перевести свой взгляд на него, – допускала. Но пока ты таким лично не сталкиваешься, то предпочитаешь думать, что оно существует где-то очень далеко от тебя. Желательно в параллельной вселенной. И не трогай домовых, пожалуйста. Из всего... что я видела, они самые честные, порядочные и...

Я на мгновение замолкаю, вспоминая о Сене и Олеге. В горле тут же появляется ком, а глаза заволакивает мутной пленкой накапывающих слез. Я не знаю, что с ними случи-

лось после той ночи. Живы ли они? Охраняют ли по-прежнему наш дом? О том, что стало с квартирой я и вовсе старалась не думать. Отгораживалась от любой мысли как могла. Потому что там осталась вся моя жизнь. Все, что я любила. Все, чем дорожила. Моя семья и та, осталась там. Но я стараюсь помнить и думать о них не как об окровавленных телах, которые смотрели в потолок своими безжизненными глазами.

А как о тех, кто до сих пор ждет меня дома.

Стоит мне переступить порог квартиры, как я услышу запах маминой выпечки смешанный с ароматом ее любимой туалетной воды. Я обязательно найду ее на кухне, миниатюрную, изящную, одетую в красивый домашний костюм. Готовящей ужин и параллельно решающей еще десять дел, никак не связанных друг с другом. Иногда я шутила, что в этой многофункциональности и скрывается ее супер способность. Если бы у мамы было еще десять рук, уверена, она успевала бы еще больше.

А в зале нашелся бы папа. Ворчащий на плохое кабельное и комаров. Но это чисто для фона. На самом деле он уже давно не обращает внимание на мелькающие картинки на экране. Он как всегда весь в работе, мысленно перебирая документы у себя в голове. Но он обязательно мне улыбнется сразу же, как только увидит. Заговорщицки шепнет, что мама ненароком попала в мою комнату и увидела хаос, творящийся внутри. А я снова мысленно пообещаю себе прине-

сти сладости Сене, который периодически бастовал и навондил мне бардак в ответ на диету без сладкого.

А потом мы сядем за стол, будем кушать вкусную домашнюю еду и рассказывать друг другу о том, как прошел день. Смеяться над шутками папы, обсуждать новые идеи мамы и сетовать на то, что учеба в моем универе становится все сложнее. И после обязательного чаепития разошлись бы спать. Чтобы утро снова увидеться и пожелать такого привычного, теплого и семейного «доброго утра».

Я ведь до сих слышу их голоса.

До сих пор...

– Куда мы едем? – встряхиваю головой и снова фокусируюсь на пейзаже за окном, стараясь подавить нахлынувшие эмоции.

Но вместо ответа, Егор заворачивает на стоянку перед каким-то рестораном и вытаскивает ключи из замка зажигания.

– Пойдем, – коротко бросает он мне.

– Что? – не спешу исполнять его просьбу. – Зачем?

– Я еще не обедал.

– Я не пойду туда, – качаю головой. – Нет, нет и нет.

– Ты не хочешь вспомнить какова на вкус нормальная еда?

Неужели больничная баланда, которой вас пичкают так понравилась? – Парень открывает дверь с моей стороны и выжидающе смотрит на меня.

– Нет, она все так же противна, – пусть и с трудом, но я вы-

держиваю этот взгляд и продолжаю противиться его тону. – Я могу подождать тебя в машине. Честное слово, я не сбегу. А если не веришь, то можешь приковать меня наручниками.

– Мы же оба знаем, что нравится тебе это или нет, но ты все равно выйдешь из этой машины. – Слышится его вердикт. – Поэтому не трать время зря, я должен вернуть тебя до пяти часов.

– Спасибо, я не забыла, что до сих пор являюсь больной, которая вышла под твою расписку и, естественно, не могу тебе не повиноваться. Но я думала, что будет какой-то тест, проверка моих показаний, но не... ресторан и мой позор. – Гневно цежу сквозь зубы. – Зачем тащить меня в больничной спецодежде в это место? Чтобы лишний раз ткнуть лицом в грязь? Мол, посмотри, как живут нормальные люди и сравни их с собой. Благодарю, я но прекрасно помню, где мое место и оно незавидное. Изысканные блюда не заставят меня вдруг резко что-то вспомнить или в чем-то признаться. Ровно так же, как и шикарный десерт не поставит меня на путь истинный. Все, что я знала, уже рассказала предыдущим врачам. Все, чем могла, я помогла. Пожалуйста, хватит. Не мучай меня больше...

На последнем слове я уже перестаю держать все под контролем и заливаюсь жгучими слезами. От стыда за свой внешний вид и положение, в котором оказалась.

– Запомни, жалость губительна. Особенно, если жалеть начинаешь себя. Слабаки никому не нужны. Они- балласт,

тянущий всех на дно.

– Ну так не тяни меня обратно на поверхность. Я устала, понятно? Отпусти, отвези обратно в больницу и дай раствориться в тех стенах.

Но парень даже не реагирует на эти просьбы. Его пальцы больно сжимают меня за предплечье и тянут на себя. Это первый телесный контакт и он не из приятных. Пальцы Егора цепкие, сильные и холодные. Настолько, что ощущение многочисленных иголок, впивающихся в то место, где чувствуются его пальцы пробирает до самой кости. Я сделала всего одну попытку дернуться в сторону, но он сжал руку еще сильнее и буквально поволок меня к дверям дорогого ресторана. И когда мы оказались внутри, я инстинктивно вжала голову в плечи, смотря на всех с плохо скрываемым страхом. Благодаря больнице, я забыла, каково быть в таком месте и в таком обществе. Я привыкла к отрешенным взглядам и людям, которые существуют где-то там, глубоко внутри себя, а не здесь. И если я раньше могла с гордостью говорить, что являюсь стрессоустойчивой. То сейчас не знала, как среагирую на косые взгляды со стороны чужих людей. Нервная система расшатана к чертям собачьим. Минутой ранее я была зла, потом ревела, а сейчас едва могла заставить свои же ноги худо-бедно двигаться. И то, потому что прекрасно понимала, что если упаду, Егор потащит меня следом за собой даже в таком положении. За руку, за волосы или за что-нибудь еще, за что дотянется и зацепится.

Но, как ни странно, людей в ресторане было очень мало и наше появление их не смутило. Вскользь глянули в ту сторону, где мы стояли и затем продолжили заниматься своими делами. Кто-то доедал свой стейк, с которого капала кровь из-за малой степени прожарки. Кто-то читал газету, а кто-то пил кофе и вел разговор с собеседником. Даже официанты поприветствовали только Егора, а меня будто не заметили. Хотя он до сих пор крепко сжимал меня за руку и я была уверена, что к вечеру на коже будут алеть свежие синяки в виде отпечатков пальцев. Я даже не сдержала вздох облегчения, когда он грубо толкнул меня на стул, принуждая сесть за стол в небольшом отдельном зале.

– Заказ будет через минуту, – тихо шелестит голос красивой девушки, которая сопровождала нас сюда.

От красивых и ухоженных людей я тоже отвыкла. Ведь на протяжении полугода у меня в соседях были те, кому двадцать четыре на семь наплевать на свой внешний вид. Седые, взлохмаченные, лысоватые, отекавшие, худые, бледные, с плохим запахом изо рта и еще множество тех, кого давным-давно не заботит отсутствие зеркала в палате. Поэтому не сразу поняла, что пялюсь на нее, на автомате потирая то место, где еще чувствовалась хватка Егора. На парня даже смотреть не нужно было, его энергетика заполнила всю комнатку и давила, душила, подавляла. Настолько, что официантка управлялась за минуту и сорок пять секунд, выставляя блюда и поспешила покинуть нас.

– Почему накрыли всего на одного человека? – кошусь на приборы и тарелки вокруг себя. В то время, как половина стола, где находился парень пустовала.

– Потому что я не голоден, – он откидывается на высокую спинку кресла, которое из-за своей формы выглядело почти как трон, оббитый алым бархатом. – Это все для тебя. И только посмей сказать, что не голодна. Я вижу, как ты жадно вдыхаешь запах и как часто сглатываешь слюну.

Самое паршивое, что от его взгляда никуда не деться. Он считает меня так, будто я даже не интересная книга, а рекламный буклет. Который он потом просто скомкает и выбросит за ненадобностью.

– Это хоть не последняя трапеза для заключенного? – обреченно вздыхаю.

– Все зависит исключительно от тебя, – пожимает он плечами. – Я уже обозначил условия сотрудничества и исход событий в том или ином случае. Только вот ты до сих пор увливаешь от своих обязанностей.

– Не правда, – несмело тянусь за долькой помидора, – я заново все переживаю и записываю все на диктофон.

– Этого недостаточно. – Егор прищуривается, следя за каждым моим движением и мне становится неловко есть под его тяжелым взглядом. – Мне нужно, чтобы ты вывернула себя на изнанку. Но вместо этого, ты продолжаешь жалеть себя. Ты провалила первый тест, Варя.

– Ресторан? В нем и была проверка? – Кошусь по сторо-

нам в поисках чего-то необычного. – Здесь кто-то есть?

– Ты не должна у меня об этом спрашивать. Ты должна это видеть сама. – Он тянется к одной тарелок и отсыпает мне горстку дымящегося варенного картофеля. – Ешь, Варя, набирайся сил.

– Можешь... – запинаясь, – можешь взять хотя бы одну из них и поставить около себя? Можешь создать иллюзию того, что ты будешь тоже будешь есть? Мне кусок в горло не лезет от того, что ты сидишь и просто смотришь на то, как я ем.

– Нет, – без раздумий отвечает он.

– Почему?

– Потому что я уже насытился. – И предугадав мой следующий вопрос, почти сразу же дает на него такой ответ, который я слышать не рассчитывала. – Твоей болью несколькими минутами ранее у машины.

Глава 10. Сейчас

Бам!

Это со звоном упала вилка из моих одеревеневших пальцев на плитку, которой был покрыт весь пол комнаты. Вся еда тут же утратила свою привлекательность. Как и само заведение. Куда-то подевался лоск и дороговизна, все убранство стало блеклым, все посторонние звуки вдруг пропали. Будто все было стерто одним взмахом руки и весь мир сузилась вокруг одного человека. И человека ли?

– Кто ты? – почти шепчу.

– Я же сказал, что ты провалила проверку. – Егор делает

вид, что резной подлокотник кресла ему вдруг стал интересней, чем могу поклясться, мое ошалевшее лицо.

– Кто. Ты. Такой? – повторяю вопрос.

– Как только прекратишь расползаться жалкой размазней под моими ногами, сразу же все увидишь. Ешь, Варя.

– Нет, – не рассчитываю силу и отшвыриваю тарелку от себя так, что ее содержимое разлетается по столу и даже попадает на белоснежное полотно рубашки Егора.

А ведь я даже не заметила, что на фарфоре помимо картофеля был еще и соус. Который сейчас расползался по его рубашке уродливыми пятнами.

Красными, как кровь.

Судорожно втягиваю воздух, но не могу оторвать взгляд. Эти кляксы расходятся так же, как и тогда...

Как у папы.

Этого становится достаточно, чтобы я забылась, где нахожусь.

Тогда

– Хозяйка, – меня толкают, – хозяйка, просыпайся.

– Еще пять минут, – натягиваю одеяло на голову и отворачиваюсь к стене.

– Хозяйка, ты сама меня просила, – не унимался Сеня и от нетерпения аж подпрыгивал на месте. – Ну же, открывай глаза.

Требуется около минуты или двух, чтобы до меня дошла суть сказанного.

– Что удалось узнать? – резко подрываюсь на постели и тут же жалею об этом. Потому что в глазах тут же появились звездочки и закружилась голова.

Прошло полторы недели после последнего преступления и столько же после накотившей дурноты в универе. Но слабость, сонливость и плохое предчувствие меня так и не покидали. Это затишье, оно же как перед бурей, вводит в заблуждение. Мол, посмотри, ничего страшного больше не происходит. Отпусти все, расслабься. А ты до последнего сопротивляешься, потому что чувствуешь, что это обман и что-то назревает. Что-то очень плохое. Даже папа был того же мнения. Пусть вслух об этом и не говорил, но я-то знала, что его чуйка следака тоже не повелась на эту мнимую тишину.

Ничего не закончилось. Просто кто-то набирается сил или же обдумывает новый план. Или же и то, и другое.

– Чего затормозил? – дергаю домового за край футболки. – Что там?

– В седьмой квартире сегодня намечается шашлык.

– Сень, ты дурак? – фыркаю. – Черета убийств в самом разгаре, а тебя интересуется лишь еда? Серьезно?

– Нет, мне еще понравилась и сама идея вечеринки. – Домовой настолько под впечатлением от новости, которую принес, что даже не обиделся. – Кстати, почему мы тоже не празднуем Хэллоуин?

– Потому что, Арсений, это не наш праздник, не наши традиции. – Деловито вмешивается появившийся в комнате

второй домовой. – Если бы ты хоть чуть-чуть интересовался историей, а не теми непонятными видосиками из ютуба...

– Начинается, – Сеня спрыгивает на пол и бубует мои тапки да так, что те разлетаются по разным сторонам. – Между прочим, я слежу за трендами и стараюсь быть максимально в теме всего происходящего в мире. А вот ты, Олег, своими занудными историческими выдержками только и можешь, что усыплять. Да что говорить, у нас вся семья какая-то нудная и скучная. Никакого драйва, никаких веселых мероприятий. Мы скоро тут паутиной и плесенью покроемся. Или того хуже, станем как паук Жорик за шкафом.

–И какой же этот твой Жорик? – зеваю.

– Да там он и помер, – бурчит молодой домовенок, – до сих пор вон, качается засохший в своей паутине. А все почему?

– Почему?

– Потому что ты мало угощений оставляешь.

– Сеня, не наговаривай на хозяйку, – Олег аккуратно складывает мои вещи, которые секунду назад сбросил младший домовой, – она хорошо о нас заботится. Это ты просто очень много ешь и при этом забываешь, что помимо тебя здесь есть еще жители, с которыми надо делиться.

– Я- растущий организм!– встрепенулся тот в ответ. – Стоп, это ты что сейчас в мой огород камень кинул?

– Ох, что ты, вовсе не камень, – спокойно парирует Олег, – а булыжник. И в самом деле, постыдился бы, тебя Варя о чем просила?

– Чтоб на разведку сходил по квартирам.

– А ты что?

– Так я и сходил, – уперто стоит на своем Сеня, – новости вам принес.

– О шашлыках?

– И о них тоже, – Арсений хмурится, – но не совсем. Запутали меня!

– Кажется, – встаю с постели, – ты сам запутался, как тот паук Гоша в собственной паутине.

– Жорик, – поправляет меня домовый. – И вообще, вы слышите меня? Ау! Вечеринка в седьмой квартире ровно в девять. Ну что вы так на меня смотрите?

– Мы искренне недоумеваем, – Олег снимает очки с переносицы и бережно протирает их бархатной салфеткой, – ты и при жизни был таким... странным?

– Да если б я помнил, – с досадой отвечает Сеня.

И грусть в его голосе вызвана отнюдь не тем, что его фактически назвали недалеким и глупым. Я ведь знаю, что именно это и имел в виду старший домовый, но тактично назвал иначе. А в блеклых и фактически бесформенных воспоминаниях, которые становились таковыми с каждым прожитым годом в образе домового. И которые он не мог удержать в себе, ведь это не положено по законам их мира. Откуда я знаю? Пришлось изучить очень много информации о домовых, чтобы понимать, кто они такие.

Что самое интересное, до сих пор не существует единого

мнения по поводу их появления. Одни источники утверждают, что это падшие и непокорные ангелы, которые не отягощены злодеяниями и которых не отправили в ад, но сослали на землю в виде леших, русалок, водяных, домовых. Кто-то считает, что домовые появляются благодаря положительной энергии тех, кто обитает в доме. А некоторые говорят, что это ничто иное, как покойники. Которые остались в этом мире для отбывания кармы. Они здесь, чтобы исправить ошибки, совершенные при жизни. И вот в последнее в случае с Сеней – попадание на все сто процентов. Он когда-то жил в том доме, откуда я его забрала. По рассказам бабушки – соседки, был у них жилец с таким именем. Чудаковатый мужичок, который прожил среднюю по продолжительности человеческую жизнь. Немного выпивал, был должен половине дома денег. Собирал хлам, который находил на мусорниках в своей квартире да там же, под всем этим старьем и был потом найден. Но об этом я Сене, конечно же, рассказывать никогда не стану. И в целом, считаю правильным то, что они ничего не помнят. Воспоминания ведь бывают не только хорошими, но и плохими. И тогда душа становится мстительным полтергейстом. Кому оно нужно, верно? Пусть уж останется таким же чудаковатым домовым, который наводит бардак в моей комнате и беззлобно спорит с Олегом.

– Ой, ну и ладно, – настроение Арсения вновь меняется и он уже весело скачет по моей кровати. – Не хотите идти, ну и не надо. Только учтите, пропустите классную вечеринку.

Я еще в жизни не видел таких декораций...

– Это потому что ты не открыл для себя мир Озона, Вайл-дберриза и Алиэкспресса. – Успеваю вовремя убрать телефон с постели и в тот же миг, домовый приземляется своей пятой точкой аккурат туда, где лежал смартфон. – Сеня, аккуратнее.

– Да ты только представь, – он меня будто не слышит, – там оборудовали целую зеркальную комнату!

– Что? – вздрагиваю и смотрю на него.

– Наконец-то ты меня услышала, – довольно хлопает он в ладоши.

– Варь, – Олег тоже, как и я, выглядит обеспокоенным, – целая комната зеркал. А зеркала являются проводниками для разных существ из потустороннего мира.

– В таком случае, сюда мог пробраться кто угодно. – Настолько крепко сжимаю телефон в руках, что пластик начинает потрескивать. – Или нет? И все обойдется и это будет обычная вечеринка? Черт... придется идти туда.

– Это безрассудный поступок, – тут же возражает старший домовый, – мы не подготовлены.

– Да, я согласна с тобой. – Провожу пальцем по экрану, снимая блокировку. – Но не узнав вид сущности, мы не сможем и справиться с ней. Это как..как...пойти охотиться с деревянным крестом на оборотня. Или сидеть в меловом круге перед вампиром. Или с осиновым колом кинуться на зомби. Знаешь, что у этого всего общее?

– Что? – вместо Олега меня спрашивает Арсений.

– Оно не поможет, потому что не тот вид оружия и не тот вид защиты.

– Кто-то явно пересмотрел ужастиков. – Олег вздыхает. – В нашей полосе не существует таких подвидов.

– Я образно имела в виду.

– А я у тебя напрямую спрашиваю, – не унимается он, – что ты будешь делать, если на этой вечеринке будет тот, кого мы ищем?

– Украдкой рассмотрю его, – опускаю взгляд на открывшийся список контактов, – а затем сделаю вид, будто ничего не заметила. Ведь пока мы не показываем, что видим, то и внимание к себе не привлекаем. Только для начала туда надо попасть. И я даже знаю, кто мне в этом поможет...

Глава 11. Тогда

– Мам, это не совсем то, что мне хотелось бы видеть на себе, – скептически осматриваю свое отражение в зеркале.

– Ну, знаешь ли, – протягивает она, расправляя алый плащ за моей спиной, – надо было раньше думать о наряде. И если уж очнулась фактически накануне праздника, то не вредничай и скажи спасибо тому, что мы вообще смогли найти хоть какой-то презентабельный костюм за такие рекордные сроки и в такой поздний час. Готово! Ты только посмотри на себя, наконец-то выглядишь по-настоящему женственно.

Прикусываю язык и вымученно улыбаюсь ей в ответ. Хотя это больше походит на гримасу от зубной боли. Ну да, для мамы это вообще праздник – я в платье! И неважно, что это платье красной шапочки со всеми сопутствующими предметами в виде корзинки с пенопластовыми пирожками и красным плащом. Но, стоит признать, что в маминых словах есть доля правды. Если бы не ее связи и примчавшаяся знакомая вместе вот со всем этим, вряд ли бы я попала на эту закрытую вечеринку. Ибо Ника сказала, что вход только по приглашению и только при соблюдении определенного дресс-кода.

Почему выбор пал именно на персонажей детских сказок? Я не знаю. Уж лучше бы обошлись кигуруми. В нем хоть

передвигаться удобнее, чем в шелковом платье с таким же шелковым плащом, которые так и норовят облепить тело со всех сторон. А еще ни сбежать, ни сдачи дать нормально в нем не получится.

– Вау, – в комнате появляется Ника, облаченная в какой-то драный костюм и лицом, которое будто окунули в сажу. Волосы еще непривычно торчат в сторону какими-то колтунами.

– Вот, видишь, даже подруга в приятном шоке, – гордо говорит мама, отходя в сторону и любуясь результатом своих стараний. – А за парней даже говорить ничего не стану.

– Мам, я туда иду не женихов искать, – все-таки язык срабатывает быстрее мозга.

– А для чего тогда? – удивленно смотрит на она на меня.

– Просто отдохнуть, пообщаться, – стараюсь выкрутиться, – а что в этом такого?

– Да ничего, – заговорщицки улыбается Ника.

А все потому что она, как никто другой прекрасно знает, что я на дух не перевариваю дискотеки и сборище нетрезвых студентов. Не то, чтобы я их в чем-то осуждала. Но...это не мой круг общения. Поэтому, когда я позвонила ей с просьбой провести меня на это мероприятие, Ника зависла минут на пять. А потом с подозрением стала спрашивать меня о моем самочувствии и не сильно ли я тогда в бассейне приложила головой об пол. Кажется, она до сих держит меня под подозрением. Но, как настоящая подруга, перед мамой

не палит и не донимает подколами.

– Ник, а ты в кого нарядилась? – мама вроде бы не нашла ничего подозрительного в моих ответах и переключилась на подругу.

– В домовенка Кузю, – улыбается та в ответ. – Ну, тот, который Нафаню звал и хранил сундук со сказками.

– Ой, какой замечательный выбор, – мама хлопает в ладоши, – не думала, что нынешнее поколение подростков знает о таком мультике.

– Какой кошмар, – слышится сбоку от меня, – и это они нас в таком виде представляют? Тьфу, срамота, как бомжи какие-то.

Кошусь на хмурого Олега и Сеню, которые восседали на моем письменном столе. Да, хоть кроме меня их никто не видит и не слышит, но они-то тут. И за образ Ники стыдно становиться тоже почему-то именно мне. На нее это не похоже. Она любила выделяться из толпы, любила все яркое и необычное. А сейчас...

– Что на тебя нашло? – не выдерживаю и спрашиваю ее, когда мы оказываемся на лестничной площадке и вызываем лифт. – Что это за наряд?

– Я ж говорю, что я – Кузя, – она прижимает к груди маленький пластмассовый сундучок, – а это мои сказки. Что? Убого смотрюсь?

– Я бы сказала, что неряшливо.

– А вот первоклашкам очень даже зашло, – хмыкает она в

ответ и прищуривается, – только не говори, что забыла о том, что я рассказывала тебе о празднике моей младшей сестры в школе, где я играла домового.

– Я все помню, – возражаю, – но все равно не пойму, почему ты выбрала именно этот образ.

– Потому что ты свалилась мне на голову, словно паршивое настроение нашей деканши. Резко и внезапно. Я не планировала сегодня врываться ни на какую тусовку. Особенно к Кириллу.

– Но он вроде милый, а еще ты ему вроде бы нравилась. – Первой выхожу из лифта и оборачиваюсь к Нике.

– В том-то и дело, что он мне не нравится, – вздыхает подруга. – Поэтому этот образ должен его сегодня дополнительно отпугивать. И да, Домовая, ты теперь мне должна как земля колхозу, ясно?

– А это как?

– Как...как... – Никак жмет на звонок. – Вечно, Варь, вечно. И заметь, я не выпытываю у тебя причину столь бурного желания повеселиться.

– Я тебе потом расскажу. – Стараюсь казаться как можно беззаботней, но внутри все холодеет.

Вероятность этого, конечно, все 0,01%.

Стоит массивным дверям распахнуться, как нас оглушает рев музыки, исходящий из квартиры. Судя по веселым крикам, тусовка началась намного раньше, чем планировалось.

– Какие люди! – Кирилл улыбается при виде Ники, а по-

том обращает внимание и на меня. – Надо же, Варвара, не ожидал твоего прихода. Ты же у нас девушка серьезных нравов и вроде как не любишь тусовки. Что-то в лесе сдохло?

– Ага, твое гостеприимство, – киваю головой, –пустишь нас или продолжишь мариновать на площадке?

– Милости прошу, – парень чуть ли не в поклоне отошел в сторону, – милые дамы.

– Ох и клоун, – шепчет Ника, утаскивая меня внутрь квартиры.

Знаете, почему я не частый гость таких мероприятий? Потому что мне там откровенно скучно и я не понимаю, что там делать. Громкая музыка, от которой через полчаса начинает болеть голова, раздражает. Скитания из угла в угол в душном сигаретном дыму, ведь большинству гостей уже за восемнадцать, не впечатляет. Фактически у всех собеседников хорошо заплетается язык, а кто-то не стесняясь блюет в цветочный горшок. Конечно, клининговая компания утром устранил все последствия вечеринки. Но до этого еще далеко. А пока все медленно слонялись со стаканчиками в руках, сплетничали, а кто-то уже и пританцовывал на месте. Кого здесь только не было, от разнообразия костюмов рябило в глазах. Выявить кого-то странного и выделяющегося будет нелегкой задачей, потому что мы все здесь такие.

– Я за напитками, – Ника перекрикивает музыку и кивает головой в сторону импровизированного бара в виде разных котлов с подсветкой.

Она уходит, а я остаюсь на месте старательно приглядываясь и отсеивая знакомых мне людей. Кто-то подходил знакомиться, кто-то пошло подкатывал, но я лишь раздраженно отмахивалась и они уходили ни с чем. Яркое освещение вдруг резко погасло, вызывая у присутствующих разочарованные вздохи. Но затем комната наполнилась ультрафиолетовым светом, подсвечивая нас в других красках и все дружно заулюлюкали, выражая высшую степень удовольствия от всего происходящего.

– Эй, а где Ника? – рядом со мной вдруг оказался Кирилл.

– Отошла за напитками, – отвечаю на автомате, а сама ловлю себя на мысли, что не помню, как давно я не видела подругу. Слишком увлеклась изучением публики и потерялась во времени.

У бара я ее тоже не вижу, как и по периметру комнаты. Оглядываюсь по сторонам, но в этом освещении очень трудно ориентироваться. Кажется, удалось уловить знакомый костюм в коридоре.

– А там что? – указываю рукой в том направлении.

– В дальней комнате сделали зеркальные перегородки, типа эффект бесконечного отражения. Смотрится очень круто, дизайнеры и те, кто отвечает за этот праздник здорово постарались. Эй, Домовая...

Но я его уже не слушаю, пробиваюсь через толпу и быстрым шагом вырываю в коридор, стараясь не упустить из вида макушку подружки, которая мелькает уже почти у са-

мой двери.

– Ника, стой! – пытаюсь дозваться ее, но меня останавливают.

– Слепая что ли? Тут вообще-то очередь!

– Да у меня туда подруга зашла, – прую вперед, как танк, – отвалите.

Предполагаю, что в спину мне понесли трехэтажные маты, но музыка все перекрыла. И пока никто не опомнился, хватаюсь за ручку двери и скорее ныряю внутрь комнаты. Но каково же было мое удивление, когда я там никого не обнаружила. Никого, кроме себя и стеклянного стула, установленного посреди этого зеркального безобразия.

– Ника? – с надеждой зову ее по имени. – Это шутка какая-то?

Я была точно уверена в том, что видела, как Ника сюда заходила. Свет снова гаснет и я обхватываю себя руками.

– Это не смешно, – цежу сквозь зубы, – прекрати.

И когда свет снова появляется, я вижу девушку и она с довольной улыбкой восседает на стуле.

– Зараза, – выдыхаю, чувствуя прокатывающийся по позвоночнику жар, – признавайся, с Кириллом договорилась меня разыграть? Здесь есть тайный ход за зеркалами, да?

Но стоило мне сделать шаг к ней, как я осеклась и застыла в напряжении. Да, комната мастерски воссоздает иллюзию того, что нас здесь много. Но почему тогда Ника, сидящая на стуле, в отражении вдруг оказалась стоящей с другой сто-

роны от меня?

Медленно, затаив дыхание, поворачиваю голову туда, где по идее стоит подруга. И никого не вижу рядом. Снова смотрю на отражение, а в нем она приблизилась ко мне еще на пару шагов и теперь стоит почти вплотную.

Резко разворачиваюсь к стулу и чувствую, как меня прошибает холодным потом. Там пусто. Везде пусто. В комнате теперь только я одна. Но в отражении... Нет. Нас там по-прежнему двое. Я не могу называть то существо в зеркале Никой. Потому что оно имеет лишь ее облик, который видоизменяется на глазах. Кожа бледнеет, волосы осыпаются вниз, обнажая уродливый череп. Вместе с волосами из глазниц выпадают и белки, оставляя кровоточащие дыры. Рот удлиняется вниз и зубы, я клянусь, с характерным стуком падают на пол.

– Нет. – Качаю головой. – Нет, нет, нет. Это все неправда. Это все ненастоящее.

В ответ на это слышится скрипучий смех, от которого все тело покрывается мурашками. Сущность тянет ко мне руки, с которых свисает гниющая плоть, и я начинаю пятиться спиной к двери. Спотыкаюсь обо что-то, теряю равновесие и падаю. Телефон, который я успела достать из кармана на случай нового отключения света при этом выскакивает из рук и теряется из поля зрения. Но это уже неважно. Потому что теперь я вижу «это» прямо перед собой. Оно переключалось из зеркала и теперь нависает прямо надо мной. Я даже слы-

шу этот зловонный запах, который заполнил всю комнату.

Открываю рот, но не могу издать ни звука. Как та рыбка на суше, просто хватаю воздух и чувствую, как паника накрывает меня с головой. Из последних сил ползу к двери, но меня резко останавливают. Костлявые пальцы обхватывают мою лодыжку и подтягивают к себе. Один из пальцев второй руки, что оставалась свободной, начинает удлиняться и преобразоваться в подобие лезвия. И оно устремлялось туда, где билось мое сердце.

Это только в фильмах есть приливы невиданной силы, при помощи которой, герой сражается со злом и побеждает его в самый последний момент. А по факту у тебя просто нет шансов. Собственное тело тебя не слушается, а от страха пропадает голос. Тебе хочется закрыть глаза и оказаться дома, в объятиях родных. Сжимаешься в клубок и с прискорбием осознаешь свою беспомощность. Даже уже готов сдаться...

Как дверь позади меня распаивается и меня вытаскивают за шкуру из комнаты. Прямо вот так, волоча по полу. Сердце гулко бьется в ребра и готово выскочить оттуда, тело начинает трясти от пережитого страха. Я смотрю на своего спасителя и вместо слов благодарности, из меня рвутся рыдания.

Глава 12. Сейчас

Тем героем, который вытащил меня из лап кошмара, конечно же, был папа. Может быть ему сказала мама, что я находилась там. Может быть настоящая Ника успела сбежать за ним.

Не знаю.

Но его сильные руки в который раз крепко удерживали меня на краю этой реальности. Я до сих пор помнила, как он шептал мне «тише» и укачивал так, как это делал, когда я была совсем маленькой и когда мне было очень страшно.

Обнимаю сама себя и зажмуриваюсь, пытаюсь представить, что это делает мама или папа. Но это все не так... и все не то. Тяжелый вздох раздирает грудь и эхом прокатывается по комнате, которая утопает в ночной полутьме. Следом тут же из какой-то дальней палаты раздается протяжный вой и я, до того стоявшая на ногах, падаю на колени и зарываю лицо в ладони. Рана, которую я так тщательно зализывала снова кровоточит.

Я безумно скучаю, тоскую, страдаю без них.

Если бы я только знала, что очередное расследование отца станет причиной того, что я окажусь в психушке... В жизни бы не согласилась участвовать.

Если бы я только могла представить себе, что потеряю аб-

солютно все, что было важным для меня... Любими способами попыталась отговорить папу не браться за это дело.

Если бы меня хоть кто-то предупредил, что череда убийств студентов тесно переплетется с моей собственной жизнью... Открестилась бы и забыла как страшный сон.

Смотрю на свои ладони и разум вроде бы понимает, что на них ничего нет, что кожа чиста. Но воспоминания берут и перекрывают картинку. И вот, я тру окровавленные пальцы, пытаюсь избавиться от алого окраса. Однако кровь не только не отмывается, но и с каждым движением будто въедается в каждую пору. Даже не заметила, что падая я зацепила тот проклятый стеклянный стул и он разлетелся на куски, об один из которых я и рассекла ладонь. И ей же запятнала папину рубашку, когда в истерике сжимала ее словно она могла закрыть от всех бед. Представляете, я тогда до сих пор верила, что нас не победить. Что папина спина, будто скала выдержит любой удар. Что мамины молитвы прогонят тьму, которая после того вечера будет тянуть ко мне свои лапы.

Не прогнали, не выдержали, не спасли.

Мы ведь же не знали, что та вечеринка была на самом деле ничем иным, как знакомством.

– Идиотка, – шепчу в пустоту.

Я тогда крупно облажалась.

Я всех подвела.

По сути, обвинения в убийстве не так уж и беспочвенны. Если бы не я, все были бы живы. Так что да, на моих руках

кровь моих же родных, а сама я прозябаю в холодных стенах. И убийца до сих пор бродит где-то на свободе. А я ведь даже до сих пор не знаю, какое истинное лицо у этой твари. Ведь она всегда скрывалась под разными образами.

Но и их я не вижу.

Я вообще ничего не вижу.

Как я смогу помочь Егору? Как я смогу помочь другим людям, когда уже не являюсь той Варей Домовой, которой была раньше? Ведь та Варя была смелой, отчаянной и билась до последнего. А нынешняя только и может, что сжирать саму себя и прятаться в выдуманном мире, где ей не сделают больно.

Мое внимание привлекает тень от появившихся ног за дверью моей палаты. Будто кто-то там остановился и думает над тем, заходить сюда или нет. Это мог быть и дежурный санитар, которого привлек шум из нашего крыла.

Мог.

Но это был не он.

Я чувствую, как каждая волосинка на моем теле поднимается, будто воздух наэлектризовали. А сердце делает один спокойный удар и затем начинает разгоняться с такой силой, будто я бегу стометровку. Но я все так же сижу на полу, упираясь обеими ладонями в холодную поверхность и не свожу взгляда с полоски света, которую вижу в зазоре между дверью и полом.

– А ведь другого выхода нет, верно? – с горечью шепчу.

А в ответ мне лишь усилившийся ветер за окном и снова протяжный стон из какой-то палаты.

– Ну, давай, заходи, -выдыхаю.

Но дверь не открывается. Вместо этого тень от ног удлиняется и будто просачивается в палату через зазор. Оно бесформенным черным облаком медленно ползет в мою сторону и внутри него будто искрят молнии. И чем ближе оно становится ко мне, тем больше начинает напоминать человека. Сначала у него появляются ноги, затем тело. Верхняя часть туловища искрит еще сильнее, но и она вскоре окончательно сформировывается. Застывая на четвереньках прямо передо мной.

Нос к носу.

И теперь я вижу свое собственное лицо, глаза которого заполнены тьмой. Оно не мигая, смотрит на меня и шумно вдыхает воздух, который выдыхаю я.

– Давно не виделись, – облизываю пересохшие губы и лицо напротив повторяет это движение вслед за мной. – Думала, ты пропала навсегда.

Голова сначала склоняется на бок, будто раздумывая над моими словами. А затем отрицательно качает головой. И... улыбается. Жуткой, пустой улыбкой. У нее нет зубов, а вместо языка внутри такая же тьма, как и в глазах. И говорить эта сущность не может. Потому что ей это и не нужно. Передо мной та часть меня, которую я нечеловеческими усилиями вытравила из себя. Эта та часть меня, которая смотрела

во тьму и видела все то, что не видят обычные люди.

– Добро пожаловать домой, – расставляю руки в стороны, открывая свои объятия.

Последнее, что я вижу перед тем, как мощный толчок опрокидывает меня на спину, как моя тень группируется словно громадная кошка перед прыжком. А затем резко устремляется прямо в центр моей груди.

И вот, лежу я и смотрю в потолок, чувствуя, как слезинки медленно скатываются из глаз. Протекают по вискам и теряются где-то в волосах.

Больно.

Почти так же, как и тогда, когда я вытягивала ее из себя.

Я слышу, как она ворочается внутри, примеряется. А затем расплзается, заполняя каждую клеточку души и тела. И вместе с этим появляется давно утраченное ощущение целостности.

Наверное, это первая ночь, когда я по-настоящему засыпаю, а не нахожусь в какой-то полудреме. Постоянно ожидая невидимого удара в спину.

Глава 13. Сейчас

– Ну, Домовая, ничего не хочешь мне рассказать?

Поднимаю взгляд на заведующую и вопросительно смотрю на нее.

То, что Ольга Владимировна восплает особым интересом к моей персоне было лишь вопросом времени. Но я не ожидала, что это случится настолько молниеносно. Прошло всего три дня с визита Егора и нашей поездки в ресторан. Три дня, а по ощущениям целая вечность. И больше эта вечность не была безликой и пустой. С каждым днем, с каждым часом я убеждалась, что в этой больнице теней больше, чем пациентов. Такое чувство, будто была какая-то акция. Приведи две твари вместо одной и, возможно, получишь на одну призрачную привилегию больше. Пусть мое зрение до сих пор не восстановилось на все сто процентов и вижу я их, как размытые черные кляксы. Но они кружат повсюду, стоят почти за каждым находящимся в той или иной комнате человеком.

Егор, кстати, оказался тоже кое в чем прав. Глупо было предполагать, что имея такую силу, можно видеть только домовых. Смешно было надеяться, что эта избирательность продержится так долго. Особенно после того, как меня заметили существа куда более мрачнее, чем дедушки – домови-

ки. Еще более странной и идиотской теперь выглядела фраза о том, что пока мы никого не видим, то и нас не видят. Кто этот бред выдумал?

Это ведь только ты, закрывая крепко глаза, тешишь себя наивными надеждами. Мол, хлоп веками и ты в домике. И тебе уже больше ничего не грозит. Но ты всего лишь оттягиваешь момент встречи с неизбежным.

Они здесь. *Они* постоянно рядом.

Выжидают момент, когда ты окончательно сломаешься и не сможешь дать отпор. И плевать *они* хотели видишь ли ты их на пятьдесят процентов или всего на десять.

Я бы сейчас с удовольствием бы поделилась этим прозрением с Егором да вот только он все никак не появлялся. А мне позарез нужно было, чтобы он здесь был. Тучи сгушались все больше, времени оставалось все меньше. И это ощущение возникло не просто так. Оно лишь усилилось, стоило мне оказаться в кабинете Ольги Владимировны. Прямо сейчас, я фактически не слушаю ее ехидные выпады в мою сторону. Я не могу оторвать взгляда от огромного напольного зеркала, которое вдруг резко появилось в ее кабинете.

– Домовая, ты слышишь меня? – доносится визгливый голос и я на автомате поворачиваю голову в сторону, где стоит женщина.

– Что? – пытаюсь сфокусироваться только на ней, но выходит откровенно паршиво. Все равно взгляд магнитом притягивался обратно к зеркалу.

И это не ускользнуло от нее.

Ольга Владимировна медленно подходит к нему и останавливается у рамы, касаясь его рамы плечом.

– Я говорю о том, что прогнозы в твоем случае неутешительны. Я сделаю все возможное, чтобы ты никогда, – она вытягивает ладонь вперед и рассматривает свой свежий маникюр, – никогда отсюда не выбралась.

– Зачем вам это? – смещаюсь на самый край стула, чтобы либо дать сдачи, либо дать деру, если подвернется случай. – Деньги? Карьера? Семейное положение? Что вам из этого пообещали?

Судя по разочарованному выражению лица Ольги Владимировны и по тому, как она так же разочарованно вздохнула, все это она уже получила.

– Понятно, – сглатываю, – значит, вы просто отработываете должок.

– Ничего личного Домовая, передо мной поставлена задача и я должна ее выполнить. Обычный рабочий момент и не более. И ты бы протянула здесь чуть дальше, если бы не вздумала так плотно общаться с этими Егором.

– Но не я искала с ним встречи, а он со мной.

– Тем более. – Ольга Владимировна бережно касается рамы и поворачивает зеркало так, чтобы я оказалась в его отражении. – Я была вынуждена сообщить об этом, так как его нездоровый интерес к твоей персоне слишком опасен.

– Для кого?

Но вместо ответа, она лишь гадко ухмыляется, заставляя меня вскочить на ноги и завертеть головой по сторонам. В кабинете только я и заведующая, но даже если я с ней справлюсь, на окнах решетки и выхода никакого нет. А за дверью меня поджидает Стас, который скрутит меня в два счета.

– Когда я говорила, что ты отсюда не выйдешь, – заведующая делает первый шаг ко мне, – я имела в виду не больницу. Я имела в виду этот кабинет.

Стоит этим словам сорваться с ее губ, как зеркальная поверхность за ее спиной пошла волнами будто взволнованная водная гладь.

– Не смотри на двери, не жди чуда. Просто смирись с тем, что на помощь тебе никто не придет. Никто даже не оплатит твою кончину, потому что у тебя никого не осталось. А знаешь почему? В свое время нужно было соглашаться на сотрудничество, как я когда-то. А теперь ты ходячая угроза, которую нужно устранить.

Рябь на зеркале становится интенсивнее и вот, из серебряного омота показываются костлявые пальцы. Один за другим, они выныривают и вскоре оттуда торчит целая кисть. Сначала правая, а потом левая. Они делают поочередно пару движений, то сжимая, то разжимая пальцы и при этом на пол летят ошметки плоти. А затем хватается за раму, будто закрепляясь и готовясь явить на этот свет нечто ужасное. И у меня по факту остается всего два варианта действий. Бежать и заблокировать дверь не было ни времени, ни смысла.

Ольга Владимировна уже достала шприц из кармана халата и вколет мне быстрее, чем я подопру стулом дверь. Значит, остается...

Говорят, адреналин в стрессовых ситуациях придает сил и человек начинает творить чудеса. У меня же это был акт отчаяния без какого либо плана и надежды на волшебное спасение. Просто не хотелось погибать вот так. Не после того, что я уже пережила. Поэтому я хватаю стул и со всей силы, что у меня осталась, швыряю его в сторону зеркала.

– Нет!!!– кричит Ольга Владимировна, уворачиваясь от разлетающихся осколков.

А я не прячусь от них, наоборот, кидаюсь в эпицентр разлета и, не обращая внимания на боль, хватаю самый крупный осколок из которого так и остаются торчащими два пальца. И пока Ольга Владимировна не успевает опомниться, вгоняю эти пальцы с острыми когтями прямиком ей в левый глаз.

– ААА!!! – воет она, ослепленная кровью и теряющая равновесие. Даже падая на колени она продолжает вопить. – ААА!!!

Проходит еще пять секунд и, когда справившийся с замком Стас вваливается в кабинет, я встречаю его со вторым зажатым осколком зеркала у шеи заведующей.

– Я знаю, у вас есть его контакты, – шиплю, чувствуя, как острая грань режет мне пальцы и по ним начинает медленно струиться теплая кровь. – Вызывайте Егора, иначе она сейчас сделает последний вдох.

– Ты пожалеешь, Домовая, ты еще об этом очень сильно пожалеешь, – воеет Ольга Владимировна, но без покровителя и его помощи за спиной она быстро сдастся. – Вызывай, Стас...мы с ней еще потом поквитаемся...

Глава 14. Сейчас

Ожидание может быть разным. Томительным, радостным, мучительными, горестным.

А может таким, как у меня. Натягивающим нервы, как канаты. Когда время замедляет свой ход до сердечного ритма, который сравнивается с бегом минутной стрелки.

Тик...так...тик...так...

Кап...кап...кап..кап...

Это смешиваются звуки настенных часов и капающей крови с лица Ольги Владимировны, которая впитывается в давно уже не белый халат. Она больше не воет, не скулит, не хнычет и даже не плачет. Сидит, опустив голову и тяжело дышит. С хрипами, будто еще чуть-чуть и она умрет.

Но, нет. Не стоит на это надеяться.

Тот, кому она продала свою душу за все вышеперечисленные блага не позволит своей игрушке так просто испустить свой дух. Но и прятаться оно не намерено. Именно поэтому, осколок в глазу продолжает шевелиться в такт движениям пальцев в глазнице. Нормальный человек уже давно бы отъехал в беспамятстве, а Ольга Владимировна лишь поменялась в оттенке кожи да и только.

Передо мной сидел живой мертвец не иначе. Сине-зеленая, с помутневшим здоровым правым глазом. Потрескав-

шие губы что-то беззвучно повторяли, будто призывая кого-то. А вокруг валялись вылезшие в один миг волосы с ее головы. Наверное, это плата за все выполненные прихоти. Уточнять не хотелось, а вот желание выбраться отсюда крепло с каждой минутой.

Глупый план с мизерным процентом на успех. Но я пока жива и на том спасибо.

Дверь распахивается и я тут же подскакиваю с места, оказываясь в один шаг у Ольги Владимировны. Осколок вновь у ее шеи, а я застываю в напряжении, ожидая гостя.

То, что сюда входит Егор я понимаю на подсознательном уровне. Вроде бы тот же силуэт, то же лицо. Но все это вдруг берет и меркнет в серой дымке, заставляя меня вогнать кусок зеркала в кожу уже бывшей для меня заведующей.

– Спокойно, – тихо говорит он, – это я.

– Почему я тебя так плохо вижу? – прищуриваюсь, стараюсь настроить зрение.

– Потому что еще не до конца готова принять правду, – слышится ответ. – Но ты уже близка.

Его лицо снова стало таким же, как и было. И выглядел он крайне уставшим и будто совсем не удивленным увиденным. Пересекает пространство от двери к сидящей на коленях Ольге Владимировны и пристально осматривает ее.

– Передай ей, что мое терпение заканчивается, – цедит он, сжимая ее за подбородок и при этом будто не замечая, как кожа под его пальцами трескается и оттуда начинает сочиться-

ся кровь. – И когда я ее найду... а я ее обязательно найду, то пусть не молит о снисхождении.

– А оно ей и не нужно, – шипит она ему в ответ и даже умудряется усмехнуться, будучи в таком положении.

– Шестерка, ты слишком слепо веришь своей хозяйке. А знаешь, я передумал, ничего передавать не нужно. Она и так поймет серьезность моего посыла.

Егор даже не моргает, когда быстрым движением руки сворачивает ей шею до характерного щелчка. Затем вытирает руки об штанины и разворачивается к двери. И лишь у самого порога он удосуживается остановиться и посмотреть на меня:

– Быстрее Домовая, у нас полно работы.

На едва послушных мне ногах, переступаю бездыханное тело и бреду за ним. В коридоре на полу ничком лежит Стасик, но вроде бы дышит. Да и если бы не дышал, мне бы было все равно. Ни радостно, ни грустно, ни жалко. Может быть, это было бы и к лучшему. Часть пациентов кои-то веки вздохнуло бы спокойно. Но мы уходим все дальше из больницы так, будто нас никто не видит. Будто никто даже и не в курсе того, какая трагедия разыгралась за закрытыми дверями кабинета.

– И мы вот так просто можем уйти отсюда? – спрашиваю его как только мы садимся в машину и Егор тут же трогается с места.

– А что не так? – он крепче сжимает руль и выворачивает

на оживленную автостраду.

– Меня искать будут, – кошусь на него, – да и тебя, наверное, тоже.

– Если все сделаем быстро, – Егор газует и машина ревет, уносясь только по одному ему известному маршруту, – искать будет некого.

– И... что нужно делать? – хмурюсь и вжимаюсь от скорости в свое пассажирское кресло. – Куда мы едем?

Но Егор не собирается отвечать и мне остается лишь смириться. Не скажу, что я доверяла ему на все сто процентов. Но из нас двоих, у него единственного был какой-то план в то время, как я вообще не представляла, что теперь делать.

Хуже ведь уже не будет. Ведь так?

Но эта мысль испарилась из моей головы словно капля воды, упавшая на раскаленный камень. Молниеносно и не оставив и следа как только мы начали въезжать в до боли знакомый двор. На меня накатило все и сразу: паника, ужас, смятение, шок. Перемешалось в такой коктейль, от которого сердце то замирало, то бросалось в такой бешенный бег, который и близко не стоял с тахикардией.

– Нет, нет, нет, – мычу, подавляя рвущиеся рыдания. – Не сюда, только не сюда.

Слышал ли меня Егор в тот момент? Да.

Внял ли он моим мольбам? Нет.

– Переоденься, – он кинул в меня пакетом и затем открыл дверь со своей стороны, – у тебя есть пять минут.

– Не надо... – делаю последнюю попытку достучаться до него, но бесполезно.

Во взгляде Егора нет ни намека на жалость или сострадание. Сквозит лишь раздражение при виде слез, которые стекают по моим щекам.

– Четыре с половиной минуты, – с этими словами, дверь захлопывается.

Все происходит будто не со мной. Дрожащие пальцы вытрясываю из пакета вещи и крутят их, пытаясь дать им ладу.

Розовый спортивный костюм, мокасины, блондинистый парик и солнцезащитные очки. Не мой цвет, не мой фасон... все не мое.

А что моим-то по факту было? Больничный костюм и воспоминания, которые точно так же заляпаны кровью. И если первый я сдираю с себя без сожаления, то от вторых никогда в жизни не отделаюсь. Да и внешний мир за пределами этого авто с тонированными стеклами мне не позволит.

Блондинистые волосы волнами спадают по плечам и спине. Надо же, я и забыла, какво иметь такие длинные пряди. В больнице ведь как? Стригут покороче, чтобы ничего не подцепили и чтобы сам больной ничего не смог с ними сделать. Бывали случаи, что пациенты вырывали сами себе ключья волос прямо до кровавых проплешин и мокнущих ран. Бывало, что некоторые наедались этих волос до остановки желудка и оказывались на операционном столе. Поэтому нас всех при поступлении и затем раз в три месяца остри-

гали очень коротко. И теперь накладная шевелюра ощущалась чем-то инородным и диким. Стоило мне только открыть дверь и от легкого ветерка пряди зашевелились словно змеи на голове Медузы Горгоны. Нервно поправляю их, борясь с желанием содрать парик к чертям собачьим. Очки даже не надеваю, хватает и челки, которая спадает на глаза. Оставляю их там, поверх вороха грязной одежды. И так отчаянно хочу поменяться с ними местами, чтобы никуда отсюда не выходить. Но появившаяся в поле зрения рука, не оставляет никакой надежды. Прекрасно помню о силе хватки Егора, успеваю спустить ноги на асфальт прежде, чем меня снова вытащат, как нашкодившего щенка из будки:

– Не надо, я сама.

Ступни моментально приклеиваются к асфальту. Я вроде бы собираюсь сделать шаг, а не могу. Как в зыбучем песке стою, который засасывает меня все глубже и глубже. Еще немного и он поглотит меня, перекрыв кислород. Хотя дышать мне уже даже сейчас трудно. На каждом вдохе в горле появляется болезненный спазм.

Я смотрю на двор, на качели, где часто любила сидеть после пар. На парковочное место под дубом, где папа оставлял машину и которое теперь было занято кем-то другим. Стоит немного повернуть голову, как упираюсь взглядом в магазинчик на первом этаже соседнего дома, куда мы часто бегали за чипсами и семечками для вечернего просмотра кино. А лавочка, где обычно восседали три соседки, которых мы в

шутку окрестили «полицией нравов» и вовсе пустовала, хотя погода была хорошей. Для соседок, в целом, сошедший снег и просохшая древесина лавочек уже являлись сигналом выходить на улиц для ведения дозора и контроля чистоты палисадников.

Но сейчас их не было.

Да и людей я не узнавала. Чужие лица, чужие дети, чужие машины. Здесь все теперь было чужим.

– Любите вы люди предаваться ненужным воспоминаниям, – Егор будто читает мои мысли, – какой только толк в этом?

– Уже и не скрываешь, что не человек.

– А кто? – смотрит он на меня.

– Пока еще не вижу, – тяжело вздыхаю и поддеваю носком мокасин небольшой камешек, а затем буцаю его и тем самым поднимаю пыль вокруг.

Но через минуту большая ее часть вернулась обратно на место.

Как и я.

Которая тоже вернулась на свое место.

Глава 15. Сейчас

Я кое-как держалась, когда мы преодолевали расстояние от машины к подъезду. Сцепила зубы до скрежета и крепко сжимала кулаки да так, что если бы у меня были длинные ногти, они бы уже до крови пробили кожу ладоней. Но вот у двери я будто со всей дури с разбега влетела в невидимую бетонную стену.

До звезд в глазах, до оглушающего звона в ушах.

Я опускаюсь на корточки и обеими руками хватаюсь за голову.

– Не могу, не могу, не могу, – повторяю, раскачиваясь в такт словам.

Щелк. Три поворота вправо верхнего замка.

Не могу...

Щелк. Один поворот влево нижнего замка.

Не могу...

Я не вижу, я ощущаю, что дверь уже открыта. Потому что даже не смотря на прошедшие полгода, оттуда повеяло маминым вишневым парфюмом. Пусть аромат был едва-едва уловимым, но он был.

И квартира была.

И я была.

Уже в ней.

А ведь я даже не поняла, как там оказалась. Не удивлюсь, если Егор снова меня втащил. И вот теперь, стою посреди прихожей и гипнотизирую взглядом картину на стене. Мы привезли ее из Крыма, два года назад. Ничего особенного, просто море в память о море. Маме она не сильно понравилась, а вот папа ею просто загорелся. Он даже лично каждые выходные вытирал с нее пыль. Мог пройти мимо вазочек и других картин, а вот про нее не забывал. И вот, это единственный предмет, который уцелел. Ведь бойня в тот вечер была адская. Во всей квартире вся мебель в щепки, все милые сердцу вещицы и предметы интерьера в труху.

А сейчас...

Ничего не оставили. Пустота. Только стены и на тех, даже не смотря на уборку, до сих пор были видны впитавшиеся пятна крови. Не было смысла ходить по ней. Квартира хорошо просматривалась и так, потому то межкомнатных дверей там больше не было. Папа вынес их. С собой. Пытаясь выиграть немного времени, становясь на пути у вылезшей из зеркала твари. Если бы мы сразу догадались... Если бы мы только...

– Варя, – оказывается Егор все это время был рядом, – придется сделать полное погружение.

– Куда еще глубже?! – срываюсь на крик. – Я и так на самом дне!

– Недостаточно. – Он начинает ходить вокруг меня, попутно разбрасывая фотографии.

Мне хватило лишь одного взгляда вниз и я понимаю, что мне конец.

Мертвые лица слишком подробно и детально сфотографированы. Мертвые тела утопают в крови, которой было не просто пару лужиц. Все полы тогда превратились в один сплошной кровавый каток. Я хочу... я пытаюсь абстрагироваться, уйти, спрятаться.

Но слишком поздно.

Последний барьер сломлен и цунами боли сносит меня.

Тогда

– Я в порядке, – едва могу сдержать все эмоции и выглядеть относительно спокойнее, чем оно есть. – Правда.

– В этот раз, – строго отвечает мама, отрываясь от чтения журнала, – тебе меня не провести.

– Арррр, – рычу и бью кулаками по постели, отчего срабатывает датчик и начинает противно пищать.

– И его, – мама кивает на монитор, где отображается пульс и прочие параметры, – ты тоже не обманешь. Так что прекращай нервничать, иначе твое пребывание здесь значительно увеличится по срокам.

– Да блин...

– Варвара! – мама впервые повышает на меня голос и я морщусь, но больше не пререкаюсь.

Потому что, как показала практика, когда я слышу свое полное имя – лучше закрыть рот и вообще желательно спрятаться под плинтусом. За свою жизнь в такой ситуации я по-

бывала раз десять. Да, кому-то покажется мало. Но, поверьте, мне и того хватило. Потому что мама в гневе... как бы вам объяснить... этот как превращение маленькой машинки купе в танк, который прет напролом и сжигает напалмом все на своем пути. Зрелище интересное, если оно тебя не касается. А вот быть в эпицентре вряд ли кому-то хочется. Вот только у меня нет выбора, приходится терпеть. Обычно хватало пару дней, чтобы мама пришла в себя и перестала быть огнедышащим драконом.

В этот раз, судя по всему, мама не на шутку разозлилась. Папа забегал уже ненадолго в больницу и, пряча взгляд, неохотно поделился тем, что дома у нас холодная война.

– Мам, прошу, – вздыхаю, – хоть с папой помирись, он сильно переживает.

– Еще сильнее он должен был переживать за тебя.

– Он не причем, честно. Я его даже тогда не предупредила и сама решила провести расследование.

– И в этом он тоже виноват! – мамин голос подрагивает и я понимаю, что она едва может сдержаться от слез. – Сколько раз я его просила не впутывать тебя?

– Мам, но в итоге мы ведь всегда побеждали. – Пытаюсь успокоить ее. – Как в сказках побеждает добро над злом.

– Варя, да когда же ты поймешь, что это настоящая жизнь, а не игра? И что тебе могут нанести... да какой там... уже нанесли реальный вред. Да, вы побеждали. Но только попробуй мне сейчас отрицать тот факт, что каждый раз при поим-

ке преступника ты помимо радости и удовлетворения, чувствовала еще и азарт. И твой отец вместо того, чтобы гасить его... наоборот поддерживал и давал искру, чтобы ты пылала им.

– Ты сейчас так говоришь, будто уже не любишь его.

– Есть вещи, которые начинаешь понимать лишь став матерью, – мама быстро смахивает выступившие слезы на глазах, – можно сильно любить своего супруга, но как только у тебя появляется ребенок... любовь к нему затмевает все на свете. Это особенное чувство, которое невозможно описать словами. Оно просто живет в тебе. Ребенок растет, а вместе с ним и желание защитить его от всего на свете. И сейчас я считаю, что твой папа с этим не справился. Наоборот, он подверг тебя опасности и этого я ему простить не могу. Даже не проси, Варя, я от этого мнения не отступлюсь. Все, хватит. Больше никаких расследований, никаких погонь. Ни единого слова о преступниках в стенах дома.

– Но, если меня попросят...

– Не попросят, – мама не дает мне закончить, – отец предупрежден, что если он обратится к тебе, то это моментальный развод и мы с тобой уезжаем в Питер к бабушке. Ты меня хорошо услышала?

– Да, – отворачиваю голову к стене, чтобы не встретиться с ней взглядом.

Мне было жаль и ее, и отца. А вот себя я ругала за то, что подвела папу. И за то, что своими необдуманными действия-

ми довела ситуацию до той отметки, которая была подведена жирной красной линией. Прав был Олег, надо было подготовиться, а не бежать сломя голову навстречу неизвестности.

Время в больнице тянулось медленно. Из всех доступных развлечений у меня было: поесть, поспать и пройтись по коридору. А, ну и малоприятные процедуры, конечно же. Даже папа теперь приходил только с мамой и мы под ее чутким контролем говорили о чем угодно, но только не о работе. И знаете, когда тебе приходится постоянно думать над каждым словом и проверять каждый вопрос, чтобы он не звучал с подвохом, разговор выходит странным и натянутым. А еще мама при каждом посещении проводила рейды палаты. Заглядывала в ящики тумбочек, перестилала постельное и тщательно прощупывала подушку, заглядывала под матрас. И не найдя ничего подозрительного, удовлетворенно кивала головой. Поначалу меня это обижало, но я натыкалась на предупреждающий взгляд папы и молча дожидалась их ухода. А когда наступал глубокий вечер и можно было не бояться, что кто-то непрошено войдет, я доставала принесенные родителями сушки и чашку с киселем, которую стащила с ужина. Выставляю все на прикроватную тумбочку и три раза стучу кулаком по ней же. Где-то минут через пять передо мной на постели появляется домовой. Если вы думали, что они обитают только в квартирах и домах, то это будет для вас сюрпризом. Но я-то знала, что их можно встретить и здесь.

Это был старичок, возможно чуть старше моего Олега. Се-

дые волосы аккуратно затянуты в хвостик, борода заплетена в косичку, а сам он расхаживал исключительно в подобии медицинской униформы. Такой вот врач в миниатюре. И ведь он действительно помогал здесь, присматривая за тяжелыми пациентами, когда рядом с ними никого не было. Или развлекал маленькую детвору, чтобы они не плакали пока их родители бегали то за лекарствами, то за справками, то за настоящими врачами. Я не раз слышала в коридоре, как чей-то малыш рассказывал взрослым о маленьком враче, который корчит им смешные рожицы. Но родители зачастую лишь отмахивались или снисходительно выслушивали «фантазии» своих детей.

– Варвара, я бегом, – с лету предупреждает меня домовой, – там в пятой очень сложный пациент, постоянно падают показатели. Девочки- медсестры только и успевают забежать на пост, чтоб отметку в журнале поставить, как монитор снова показывает скачок вниз. Нужен постоянный контроль и я держу руку на пульсе. Сама как? Все нормально?

Он запихивает по карманам бублики и залпом осушает чашку, но при этом старается не сводить с меня взгляда.

– Если сравнивать с пятой палатой, то я готова к выписке.

– Она тебе не светит еще минимум неделю, – прожевав, ставит он меня в известность. – Слышал, как твоя мама договаривалась с врачом по поводу этого дела.

– Не поняла, у меня все ж зажило, панические атаки больше не накрывают, – я даже вскочила с постели. – Зачем меня

здесь держать? Я ж только место занимаю.

– На этот вопрос, увы, ответить не могу. – Пожимает он плечами. – Блокнот потом оставь в нашем месте, я под утро заберу.

– Спасибо, – благодарю его на автомате, а сама мыслями уже где-то далеко-далеко.

Что я могу сказать? Страх до сих пор сидел во мне, да и рана на ладони постоянно ныла. Но мама была права, азарт и желание, чтобы правда восторжествовала все же перевешивали. Именно поэтому, я познакомилась со здешним домовиком сразу же, как только он попал в поле моего зрения. Попросила его найти бесхозный блокнот и ручку, куда потом записала все, что помнила из дел. Благодаря работе с папой у меня сформировалась почти фотографическая память, так что за один вечер и ночь, блокнот стал огромным архивом, только без фотографий. А чтобы мама не расстраивалась, я договорилась с домовым о том, чтобы он забирал его утром и по вечерам возвращал обратно. Время с утра до заката солнца тянулось безбожно медленно. Но вот ночи пролетали, как песок сквозь пальцы. Я сидела над записями и постоянно перебирала детали в уме. Но у меня ничего не сходилось. Что могло быть общим у этих ребят? Почему они? Разный возраст, разные направления в учебе, все разное.

Кроме одного.

Странно, все убитые побывали на вечеринках перед тем, как их не стало. Но вечеринки были в разных местах, с раз-

ным контингентом. Или нет?

Понимаю, что у меня появилась какая-то странная, но единственная зацепка. Которая была пока еще слишком свежей и неточной. Как будто мне не хватало какой-то детали, чтобы все стало на свои места. Вот только как сказать об этом папе?

Целую ночь я не спала, решая, как подать ему знак так, чтобы нам не влетело. Но на следующий день мама пришла одна и выглядела она очень расстроенной. И даже какой-то чересчур нервной. Про папу вскользь ответила, что он загружен работой. О том, что мое пребывание здесь увеличилось по срокам, вообще ничего не сказала. Зачем-то скрыла и постоянно переводила разговор на разные темы. Смотрю на ее подрагивающие руки, на то, как она отводит взгляд от меня. И понимаю, что дома творится что-то странное. Или что-то страшное, о чем говорить мне не только не хотят, но и препятствуют, чтобы я что-то увидела.

– Мам, – зову ее, когда она касается дверной ручки, – принеси завтра мой красный кардиган с брошкой в виде метлы, пожалуйста. Что-то я в халате немного замерзаю.

– Ладно, – мама в таком подавленном состоянии, что даже не устраивает мне допрос и просто соглашается. – Что-то еще?

– Нет, – качаю головой, – только кардиган.

Но на самом деле, мне он не нужен.

Все из-за брошки, которая приколата справа.

В ней и был мой секрет.

Глава 16. Тогда

На том кардигане не зря прикреплена брошь в виде метлы. Я заговаривала ее специально для того, чтобы перевезти Сеню с собой. Ведь домовый не может вот так просто взять и пойти с человеком. И для этого существует множество обрядов, которые нужно провести, чтобы забрать их на новое место.

Кто-то оставляет один тапок у порога, а второй забирает в новый дом. Кто-то собирает коробку со своими мелочами и сладостями без обертки и так же дает ей постоять время, чтобы домовый согласился. Еще можно убратся накануне переезда и оставить веник на ночь, чтобы потом его заговорить и забрать с собой. Кто-то расстилает полотенце на пороге, кто-то использует для перемещения домашних животных. Но общее у всего этого одно – нужен «транспорт». И слова – приглашения, уйму которых можно встретить в интернете. Однако, как по мне, главное вложить свою душу и говорить от чистого сердца, чтобы эти существа последовали за тобой. А вот сказаны они будут в рифму или нет, дело десятое.

В моем случае с Сеней, взять кошку из дома я не могла, как и прочую атрибутику. Сами понимаете, являться на место преступления с дополнительным багажом не совсем удобно. Пришлось модернизировать и изменять прави-

ла. Тогда я положила на порог той квартиры брошку и привязала к ней Сеню заговором.

Собственно, она до сих пор являлась для него средством передвижения. А с самим домовым у меня был уговор, что если он увидит, как достают этот кардиган, то код красный и мне нужна помощь. Другого выхода не было. Мне необходимо знать, что творится дома. А лучше любопытного Арсения с этой задачей никто не справится.

В который раз измеряя палату шагами, я то и дело бросала напряженный взгляд на дверной проем, который оставила открытым. Там сновали медсестры, чьи-то родственники, новые пациенты, но моей мамы так до сих пор не было. Когда время на часах перевалило за обед, я начала нервничать. Был бы телефон, набрала бы своих и спросила, куда они запропастились. Но и его у меня отобрала мама, чтобы я хорошенько «отдохнула» без интернета. На самом деле, мы обе понимали, что делает она это ради того, чтобы у меня не было никаких шансов втихаря связываться с папой и быть в курсе дела. Как по мне, сделала только хуже. Я вся изнывала от неизвестности и переживала, что ничем не могу помочь. А когда к пяти вечера одна из медсестер занесла пакет с вещами, мне стало совсем не по себе.

– Спасибо, – благодарю женщину и закрываю дверь в палате.

А затем в два шага вываливаю все на постель, но кардигана там нет. Вместо него другой халат, потеплее и махровая

пижама. Мама снова сделала так, как посчитала нужным и мне хочется выть от этого. Знала ли она о значении броши? Нет. Она ей даже не нравилась и была чем-то таким безвкусным, мимо чего она пройдет мимо и не обратит внимания. Так что вариант того, что меня специально загоняют в тупик отпадает. Так что это тогда? Знак? Судьба? Прикусываю губу, еле сдерживая эмоции. Нельзя ничего показывать. Должат куда не надо и мое заточение в этой тюрьме продлят. Швыряю халат на пол и вдруг слышу звук откатывающегося металла. Что-то маленькое сверкает и исчезает под кроватью. Не теряя ни минуты лезу туда и слепо шарю рукой, собирая пыль и... брошь. Даже не удосуживаюсь подняться на ноги, просто сижу на полу и зачарованно смотрю на металлическую метлу размером со спичечную коробку, в рукоятке которой поблескивают три камешка. Только один человек мог спрятать ее в кармане халата. Тот, кто знает и тот, кто хочет передать мне весточку...

– Сень, все чисто, – подрагивающим голосом говорю, ласково протирая брошку, – выходи.

Проходит минута, две, три. Но в палате я по прежнему одна.

– Сень, давай без театральных выходов. – Поднимаюсь на ноги и когда оказываюсь на высоте своего роста, вижу домовенка, который без зазрения совести поедает мое желе. – Ничего не меняется, хоть потоп на улице будет, хоть цунами, но тебе обязательно нужно поесть.

– Хозяйка...я это...– чавкает он и выставляет в воздух указательный палец, – сейчас... да вкусно же как...ай! Да за что?

– Арсений, ни стыда, ни совести, ни уважения к хозяйке, – откладывая журнал с кроссвордами, которым только что легонько огрела домового.

– А что делать? Тебя дома нет, заботиться о нас некому. Никто даже тарелки с этими сухими печеньями не поставит. А я соскучился!

– За едой наверное? – скептически осматриваю Сеню.

– И за тобой, – он облизывает пальцы от желе и улыбается. – Бурчун наш, кстати, тоже привет передавал. Он остался дома, чтобы за мамой с папой приглядывать.

– Сеня, – мой голос мгновенно становится серьезным, – что там происходит?

– Беда, – честно отвечает он и его лицо мрачнеет, – мира в доме нет, холодом от твоих старших веет.

– Никак не помирятся?

– Нет. – Качает он головой. – Но это не единственная напасть, которая у нас приключилась.

– Говори.

– В квартире той, где тебя та зараза достала, мелкого хозяина не стало.

– Ты же сейчас не имеешь в виду... – промахиваюсь и вместо постели падаю пятой точкой на пол.

– То самое и имею, – Сеня держась за металлическую ра-

му, свисает сверху и смотрит на меня, – их домовой сказал, что через три дня его не стало. Нашли в остатках той зеркальной комнаты, откуда тебя вытащили.

– Видел, кто это был? – сглатываю.

– Да, – он отворачивается.

– Сень, что пришло за ним?

– Не что, а кто. – Поправляет меня домовой и снова смотрит на меня, но взгляд виноватый. – Это была ты.

– Не может этого быть, – трясую головой, будто отгоняя навязание. – Я же здесь торчу.

– Мы знаем, но оно выглядело точь-в-точь как ты. Тот пацан стрим по игре записывал и «ты» попала на видео. Так твой папа сказал, мол посреди записи зашла в комнату и...

– Только не говори, что его убили в прямом эфире...

– Не совсем, запись прервалась, когда тело с твоим лицом подошло вплотную к креслу и наклонилось, чтобы посмотреть прямо в камеру. Пацан от испуга дернулся, упал на пол и все, дальше черная пустота. Варь, зачем оно так сделало? Зачем приняло твой облик?

– Мне нужна тишина, чтобы все обдумать, – закрываю глаза и тру виски пальцами, пытаюсь отогнать нарастающую боль в них.

Знало ли то существо, что я не дома, а в больнице? Если нет, то это подстава чистой воды. Но зачем тебе сваливать на меня убийства? Даже при тщательной проверке выяснится, что из всех убитых я знала только Кирилла. Но и то, поверх-

носно. К остальным привязать меня не получится, мы даже жили в разных друг от друга районах города, где я не бывала. Обвинение обвалится на первом же допросе, потому что на руках нет весомых зацепок, кроме той, что я живу в том же доме, что и убитый.

Думай, Варя, думай.

Смысла в «моем» появлении не было, оно лишь превращало это дело в очередной «висяк». Который... Стоп. Смысл проявлялся, но только если сместить акцент с меня на папу. По-любому его попытаются отстранить от расследования, ведь здесь, как и у врачей. Нельзя вести дело, если оно связано с кем-то из родственников. А здесь самый близкий, самый родной в жизни человек – дочь. Это мигом делает его профнепригодным и у папы забирают все допуски к документам, связанным с делом. Значит, папа близко к чему-то очень для тебя неприятному, да? Поэтому ты убираешь его таким методом?

И вроде бы логичное объяснение всему происходящему, но что-то все равно не то. А что, если ты знаешь, что я в больнице? И ты знаешь, что все врачи с медперсоналом подтвердят мое железобетонное алиби. Да, на это потребуется время. Плюс папа уж точно запросит проверку видеофайла на подлинность. И пока они будут опровергать мое якобы нахождение в квартире в день убийства, родителям нужно держать меня максимально дальше от этой шумихи. Вот откуда это продление моего лечения, вот откуда запрет на телефон.

Чтобы я не мешалась под ногами и чтобы не лезла в расследование. И ты об этом, конечно же, тоже подумала. Что ты готовишь, что так оттягиваешь время, путая следствие? Какая тебе выгода из того, что я отсутствую?

– Сеня, – мой голос хрипнет от жуткого предчувствия, – нам нужно срочно попасть домой...

Глава 17. Тогда

Жаль, что я не Джеймс Бонд и даже не Джейсон Борн. Я даже до Васьки из лагеря не дотягивала, который мастерски улизнул из нашей комнаты девчонок аккурат за минуту до появления вожатой. Не подумайте, мы ничего ужасного не делали, а просто вызывали в полночь духов. Ну, знаете, когда расчерчиваешь на листе круг с буквами, а затем вдеваешь нитку в иглу и острием той самой иглы упираешься в центр круга. Проговариваешь три раза имя известного умершего человека и игла начинает сама вертеться, свисая на нити и указывая на ту или иную букву. Своего рода доска Уиджи для спиритического сеанса, только в русском и детском исполнении.

Так вот, возвращаясь к насущным проблемам, я откровенно говоря уступала по всем параметрам мастерству известных всем нам шпионам. И выбраться из больницы оказалось не так уж и легко, как я себе представляла. Мое отделение было на третьем этаже, так что вариант побега через окно отпадал сразу. Во-первых, боюсь высоты. Во-вторых, связав постельное, я бы получила веревку максимум до середины второго этажа. А ломать руки и ноги было бы больно и нежелательно. В-третьих, от больницы до дома очень приличное расстояние по карте. А я в пижаме и без денег. Да

еще и холод стоит собачий, без такси пока добегу, околою до самых костей. Ну и не стоит забывать о том, что на выходе какая ни какая, но охрана стоит. Вряд ли они мне помашут ручкой на прощание и пойдут пить чай. Да и моя пропажа обнаружится либо на вечернем обходе, либо на утреннем. Своим побегом я лишь усугублю ситуацию и добавлю проблем своим родителям. Что же делать тогда?

Бесцельно брожу по коридору, сосредоточенно догрызая ноготь на большом пальце правой руки. Дурацкая привычка, которая выдает высшую степень моей нервозности. Я настолько углубляюсь в мыслительный процесс, что не слышу происходящего хаоса в больнице, который обычно бывает после ужина. Медсестры готовят таблетки к вечернему приему, кому-то ставят капельницы, кого-то привезли из операционной и он отходит от наркоза, выдавая громкие стоны. Дед Саня из шестой палаты всегда матерился, когда к нему заходили делать уколы. Но сейчас я ничего из этого шума не слышала. Да и фактически ничего не видела, двигалась по привычному маршруту почти по памяти. Пока внезапно не врезаюсь в кого-то, кто недовольно толкает меня в ответ.

– Эй! Куда прешь? Глаза разуй!

– Прости... – фокусирую на говорящей девушки и в мозгу что-то щелкает. – Милана?

Лицо дочери мэра мрачнеет, она явно не довольна тем, что ее узнали.

– Ты кто? – грубо спрашивает она, скрещивая руки на сво-

ей груди.

– Я – дочь следователя, который расследует убийства. – Многозначительно произношу и наблюдаю за ее реакцией. – И в твоём доме в том числе.

– Не понимаю, о чем ты говоришь. – Девчонка бледнеет, но разворачивается в другую сторону и начинает быстро шагать куда-то только в её известном направлении.

– Постой, – догоняю ее и дергаю за руку на себя, – я была в тот вечер в твоей доме и видела твою подружку своими собственными глазами.

– Ага, – вырывает она свою руку из моей хватки, – и кто ж тебя пустил туда, а? Хватит молоть чушь, знаешь, сколько вас таких появилось после случившегося? Я уже задолбалась от вас отбиваться.

– А те другие, были в курсе, что у твоей подружки содрали лицо? – произношу тихо, но этого хватает, чтобы Милана застыла на месте. – И что твой ковер под кроватью полностью пропитался кровью. Его, скорее всего, уже выбросили и положили новый. А шкаф купе с тем здоровым зеркалом, наверное разобрали по твоему приказу. Да и вообще все зеркальное убрали из вашего дома, да?

– Откуда ты знаешь? – шепчет она.

– А ты думаешь, по какой причине я здесь? – смотрю по сторонам и улыбаюсь медсестре, которая сегодня будет здесь дежурить ночью. – Но разговаривать нам лучше не в коридоре. Твоя палата или моя?

– Моя, – бросает Милана и снова начинает идти по коридору, а следом за ней.

Как оказалось, она лежала в противоположном крыле больницы. Привезли с нервным срывом три дня назад, когда она перебила все зеркала в доме. Теперь прекрасное юное лицо было покрыто мелкими шрамами, некоторые из них заживут бесследно, а некоторые так и останутся тонкими белесыми полосами в качестве напоминания.

– Сама себя так или помогли?

– Издеваешься? – хмыкает Милана в ответ. – У меня уже был заключен контракт с модельной школой, стала бы я сама себя так уродовать?

– Вряд ли, – бегло осматриваю ее палату, но ничего интересного не нахожу.

Милана, как и я, намеренно ее ничем не заполняла и держала все по сумкам. Это как прямой вызов вселенной, себе и всем вокруг, что в этом месте ты задерживаться не планируешь.

– За кем оно увязалось? – Решаю не тратить время и начинаю опрос, как говорят «в лоб». – За тобой или за твоей подружкой?

– За Настей, – девушка опускает взгляд на свои трясущиеся руки, которые она сцепила в замок, но это не помогло скрыть ее нервозность. – Эта дура во всем виновата. Я ей говорила, что шляться по всем этим ведуньям, колдуньям и прочим шарлатанкам пустая трата времени. И моих денег в

придачу. Что ты так на меня смотришь?

– Ты оплачивала?

– Естественно, – фыркает Милана. – У меня, как это и полагается в свите подружки либо страшненькие, чтобы не затмевали мою красоту. Либо бедные, как церковные мыши. Таким кинул подачку и они готовы идти за тобой хоть на край света. Но ладно там подбрасывать бабки на шмотки или косметику, это еще куда ни шло. А потом Настька влюбилась в какого-то мажора, добилась его расположения, он стал ее первым... ну ты понимаешь о чем я, да?

– А он?

– А он, как я ее и предупреждала, сделал с ней то же самое, что делают с использованным презервативом. – Милана закатывает глаза. – Постарался выбросить и забыть. Тогда эта дура и начала бегать по всяким бабкам да приворотами страдать. Только ж это все хрень и ничего не действовало. Мажорчик тот блохой как прыгал по бабам, так и продолжал это делать.

– Милана, ты можешь назвать точно, когда все началось?

– Да, – кивает она, – мне было скучно и я решила пойти на одну виповскую вечеринку, ну и Настя увязалась за мной. Я ж не знала, что тот мажор там тоже будет. Точнее, мне вообще фиолетово на этого типа. А вот Настя в сталкершу превратилась, инфу собирала о нем. Где он, что ест, чем увлекается. Не удивлюсь, если размер его трусов наизусть знала. Так вот пошла она у меня дома в ванную лицо подкрасить,

а потом выходит такая вся довольная, светится от счастья. И говорит, что все, заключила сделку с кем-то и мажорчик скоро с ней останется. Я тогда у виска покрутила, назвала ее поехавшей и даже подробности не стала узнавать. Но, знаешь в чем прикол?

– Они действительно сошлись?

– Да, буквально через пару дней после вечеринки. Он стал заваливать ее цветами, подарками, ходить за ней словно пес. Да только Настя сначала порхавшая, как бабочка, вдруг стала на себя не похожа. Нервная, дерганная, от зеркал шарахающаяся. Начала жаловаться, что ей что-то мерещится. Что будто кто-то ее по ночам по имени зовет. И все приговаривала, что ее обманули. Что заключенный договор – ошибка. И что она не может на это пойти. Постоянно приговаривала «не могу это сделать».

– Что же она не могла сделать? – задаю вопрос не Милане, а скорее всего самой себе, пытаюсь понять логику погибшей.

– Я не знаю, – голос девушки становится злее, – но, чтобы она там не натворила, исход этого дела отразился на нас двоих. Мажор ее кинул, пропал. Настя рыдала в трубку и просилась прийти. Я подумала, что от меня не убудет. Может удастся мозги ей вправить и наконец-то привести в чувство. Только вот... ничего у меня не вышло. Дура эта теперь под землей, а я здесь. И что самое страшное, она тот договор в моей ванной заключила, представляешь? Плакала на плече, ставя меня в известность, мол, что я тоже в опасности. А я

ведь еще так тогда удивилась, когда на утро после вечеринки, меня наша уборщица спросила можно ли смывать какие-то ступеньки с зеркала.

– Ступеньки? – переспрашиваю Милану.

– Ну да, типа лестницы вверх и открытая настежь дверь. – Девушка вдруг всхлипывает, а потом начинает реветь. – А я ведь... я ж... понимаю, что эта дверь так и осталась открытой, раз эта сущность так спокойно может у меня появляться. И я не знаю, как закрыть ее обратно...

Глава 18. Тогда

Закончить разговор с Миланой не получилось. Девушка впала в истерику и меня выгнали из ее палаты. Не знаю, что еще она бы смогла рассказать, но и полученной информации хватало с лихвой, чтобы я почти на негнущихся ногах до поста медсестер.

– Домовая, что случилось? Почему бродишь так поздно? – Дежурная Виктория отвлеклась от заполнения журнала и бросила недовольный взгляд на часы. – Скоро отбой.

– Мне нужно позвонить, – прошу ее, – пожалуйста.

– Уже поздно, никаких звонков, – она качает головой. – ты же знаешь правила.

– Но мне очень нужно, правда. Я быстро, никто даже не заметит.

– Нет, Варя, нарушать мы ничего не будем. Дождись утра и спроси разрешения у своего врача. А теперь иди в свою палату.

– Ладно, – неохотно соглашаюсь с ней и даже шагаю в том направлении.

Однако до палаты не дохожу, а прячусь за углом и наблюдаю оттуда за постом. Медсестра делает еще заметки, затем отвлекается на подошедшую санитарку. Та что-то ей говорит и они вместе спешат куда-то. Не теряя драгоценного време-

ни, несусь туда хватаюсь за стационарный телефон. Номер, на который я делаю звонок известен только троим: мне, мама и крестному.

– Слушаю, – коротко отвечает папа и по голосу слышно, как он напряжен.

– Это я.

– Варька, – с облегчением вздыхает он.

– Спасибо за Сенью, я теперь в курсе дела. Смысла в том, чтобы удерживать меня здесь, больше нет. – Оглядываюсь назад, слыша голоса из коридора. – Вытащите меня отсюда, мне нужно быть дома.

– Еще день дочь, мы почти все сделали.

– Пап, мы потеряем время, если я здесь застряну хотя бы на еще один проклятый день. Сделай что-нибудь, пожалуйста.

В ответ слышу тишину. Папа колеблется, взвешивает, ищет правильный выход из сложившейся ситуации. При этом, доверяет мне и даже не задает лишних вопросов. А еще мы оба знаем, что по телефону, пусть даже по специальной линии, лучше многое не обсуждать.

– Жди, – наконец-то бросает папа.

Мы даже не прощаемся, я просто кладу трубку и успеваю юркнуть за спасительный угол как раз до появления медсестры. А оттуда перебежками добралась до палаты. Может быть, я была бы более послушной и терпеливой. Может быть, я бы и не тревожила папу своим звонком. Особенно на тот теле-

фон, который используется для экстренных случаев. Но мне крайне беспокойно. Внутри все заходится крупной дрожью только от одной лишь мысли, что мы опоздаем.

Или уже опоздали.

Именно это слово набатом звучало в моей голове.

– Как дома? – задаю этот вопрос раз тридцатый за прошедший час после звонка.

Сеня окидывает меня хмурым взглядом:

– Холодом веет.

Не смотря на то, что он здесь, домовый даже будучи на расстоянии прекрасно чувствует свой дом. Ведь их связь с этим местом сильнее, чем у человека. По сути, именно домовый является душой и сердцем дома, а не живущая там семья. И когда он говорит, что чувствует холод – это не про окно, которое открыли на проветривание и забыли закрыть.

– Пап, ну где же ты? – возвожу глаза к потолку, прекращая свое бесцельное скитание по периметру палаты.

Не знаю, чудесное ли это совпадение или нет, но стоит мне это произнести, как я слышу знакомый и такой спасительный голос в коридоре. Тут же хватаюсь за ручку и чуть не вырываю ее, дергая дверь на себя.

– Постойте, но так нельзя! – Виктория судорожно выхватывает смартфон из кармана халата и тычет по нему пальцами. – Главврач не разрешит...

– Уже разрешил, – деловито басит мой крестный и его тон не меняется даже когда он видит меня, – Варвара у тебя есть

пять минут на сборы.

Говорит он это, естественно, больше для окружающих. Хотя сам прекрасно знает, что мои вещи уже давно собраны. Но мы продолжаем отыгрывать положенные роли, где я не его крестница, а подозреваемая.

– Да, но как так-то? – в недоумении смотрит медсестра то на меня, то на крестного и при этом прижимает телефон к уху. – Еще и все запрошенные бумаги подготовить? В таком-то часу? Да... Я все поняла. Нет, повторять не нужно.

Судя по крикам доносящимся из телефона и пунцовому лицу медсестры, главврач был очень убедителен в своих доводах. А до этого с ним так же убедительно пообщался мой папа. Мне даже как-то становится немного не по себе, когда я только успела выйти с сумкой в коридор, а крестный уже стоит с папкой и Виктория отворачивает от меня свое лицо.

– Всего доброго, – прощаюсь из вежливости, но ответа не слышу и спешу следом за Лешей.

– Мелкая, – обращается он ко мне, сидя уже в машине, – ну и шороху пришлось навести из-за тебя.

– Когда я просила папу вытащить меня, то не думала, что это будет чем-то таким масштабным. – Морщусь.

– Ну, а как ты хотела? – Леха выруливает с больничной стоянки и вклинивается в небольшой поток машин. – Просто прийти и сказать «здрасьте, мы за Варей» тут не прокатило бы. К тому же, отчасти это правда. Помимо вот этих бумажек, нужны еще и твои показания. Видишь ли, для полной

картинки не хватает понимания в каких ты отношениях была с убитым парнишкой.

– А какие отношения могут быть у соседей? – Кошусь на него. – Ну, здоровались при встрече, могли пару вопросов друг другу задать да и все.

– Но при этом ты оказалась у него на вечеринке. А это уже порождает вопросы у вышестоящего руководства. – Крестный тяжело вздыхает и качает головой. – А у нас с твоим отцом по этому поводу бессильная ярость. Варь, ну как так-то? Зачем пошла охотиться в одиночку и даже не посоветовалась с нами?

– Признаю, что это полностью моя вина. – Смотрю на него. – Прости.

– Да к чему теперь это... дело-то уже сделано. – Он отрыгает взгляд от дороги и грустно смотрит на меня в ответ. – Рассказывай уже, это того хоть стоило?

– Пока не уверена.

– Варь, ты угораешь?

– Ладно, – набираю в грудь побольше воздуха и выпаливаю, – крестный, а ты когда-нибудь вызывал Пиковую Даму?

Глава 19. Тогда

Представим, что расследование – это огромный пазл. А добытые улики – его детали. Причем не цветные, а чисто черные. То есть в итоге тебе нужно собрать что-то на подобии квадрата Малевича. И вот ты крутишь эти детальки, пытаешься их собрать в единое целое, но они постоянно друг другу не подходят. Но ты продолжаешь усердно рыться в куче таких же, пытаешься выцепить ту самую, которая идеально подойдет к той, что у тебя в руках, чтобы твоя картинка не разваливалась. Казалось бы, дело нереально сложное и не выполнимое. И мы бы еще долго мучились, если бы Милана не дала нам, образно говоря, уже сложенную окантовку этого пазла. От которого мы могли теперь отталкиваться.

Еще тогда в больнице, как только она упомянула нарисованную лестницу и открытую дверь, я уже смутно понимала с кем мы имеем дело. Постепенно складывая в уме все фрагменты, начинала вырисовываться весьма неприятная картина. Теперь все стало таким понятным... И наличие зеркал, и слова домовых о том, что существо вышло оттуда. Да и все мои встречи с ним или с ней были тоже в присутствии тех же зеркальных поверхностей. Об этом я и поспешила поделиться с папой и крестным сразу же, как только мы справились с допросом и сидели в папином кабинете.

– Серьезно? – Крестный взъерошивает пятерней волосы и смотрит на нас ошалевшими глазами. – Детская страшилка?

– Как видишь, не такая уж и детская выходит.– Папа задумчиво постукивает кончиком карандаша по листу бумаги на котором записывал все наши предположения и сформировал некую таблицу.

– Ладно... Допустим, это не байки, которые рассказывают у костра. – Неохотно отзывается Леша. – Зачем она тогда приходит? Простите, не силен в этой всей чертовщине, так что вам сейчас придется мне все тщательно разжевать, чтобы я был хоть как-то в теме.

– Думаешь, мы каждый день с таким сталкиваемся? – фыркаю и опускаю взгляд на папин телефон, бегло пробегая по открытой странице в браузере мобильного интернета. – Так, вызывают при помощи колоды карт, свечей...о, помады и лестницы на зеркале... так... вот, нашла. Пиковая дама исполнит самое сокровенное желание, но в обмен заберет что-то ценное для вызывавшего ее человека. Это могут быть жизненные силы и человек начнет чувствовать лишь пустоту внутри, теряя желание жить. Что еще... по сути она лишь подталкивает людей к неким действиям, но лично вреда не наносит.

– Это уже не совсем вяжется с нашей теорией, – крестный мрачнеет, – в наших делах это точно не шалости и не доведения до суицида, а реальные убийства. Причем совершены они были с особой жестокостью.

– Лех, ты же понимаешь, что информация в интернете совсем отличается от того, что происходит в жизни? – Папа встает из-за стола и подходит к окну. – Есть отдел кибер – безопасности, который вряд ли пропустит что-то откровенно жесткое в сеть. Да и взять хотя бы всякие советы. Помнится ни хрена у нас не получилось по ним отремонтировать твою колымагу.

– Да, а мама постоянно смеется с «А сейчас мы приготовим блюдо за пять минут из продуктов, которые всегда есть в холодильнике. Берем омаров, авокадо и свежие мидии». – Усмехаюсь, вспомнив мамины возмущения.

– Уж лучше бы там писали так, как оно есть на самом деле, – бурчит крестный и закуривает, – чтоб неповадно было всякую дрянь в наш мир тянуть. Экспериментаторы хреновы.

– Однако, вырисовывается еще одна нестыковка, – папа тоже тянется за сигаретой, но не подкуривает ее. – Из нашего детства помнится, что кого бы ты ни вызвал, нужна банда. А из ужастиков, которые так любит смотреть Варька следует, что чертовщина всегда начинается со всеми участниками вызова духов. Но у нас абсолютно незнакомые между друг другом люди. А это значит, что...

– Они вызывали ее самостоятельно, – продолжает крестный.

– Но к этому их кто-то подталкивает и дает наводку на обряд. – Заканчиваю мысль я. – Но опять-таки, общего вра-

га у неизвестных людей быть не может. Они просто случайные жертвы, которых выцепили из толпы на вечеринках. Все убитые накануне были на разных мероприятиях, так что к ним мог подойти кто угодно и это бы не смотрелось как-то подозрительно.

– Да и кто услышит через музыку, о чем шепчутся молодые люди, – папа понимает мой посыл и продолжает развивать это направление. – Наш подозреваемый одного возраста с убитыми и легко втирается в доверие. А почему?

– Потому что молодежь вечно переживает какие-то драмы. – Подсказывает Леха. – А еще они берут пример со взрослых и пытаются загасить все мысли алкоголем, думая, что это им поможет.

– Логично, – киваю, – бросил парень и подружки тянут брошенку в клуб. Какие-то терки между пацанами, все тоже решается на вечеринке. Есть какие-то непорядки дома или на учебе и ты идешь туда, где тебя не будут дергать и где можно отвлечься, развеяться.

– А там тебе предлагают чудесное решение всех твоих проблем. – Папа пристально смотрит на меня. – Надеюсь, Варь, ты так не поступала?

– Да ну, конечно, сейчас она возьмет тебе и расскажет, – хмыкает крестный.

– Нет, пап, вы настолько идеальные родители, что не даете мне даже повода на вас обидеться и как следует где-то затусить, – пытаюсь отшутиться, но мигом становлюсь серьез-

ной. – Пап, а мы можем запросить видео с тех клубов, где побывали жертвы?

– Там где были камеры, наши ребята уже поработали. Из пяти случаев записи есть только в трех местах. Имея новую информацию, можем их пересмотреть.

Мы дружной троицей перемещаемся в другой кабинет со множеством мониторов и необходимой аппаратурой. Крестный выуживает нужную флэшку и запускает запись. На экране вспыхивает картинка и на ней виден бар.

– Видео без звука, – предупреждает он, – и копии сделаны с трех разных камер.

У бара много людей. Кто-то танцует прямо у стойки, кто-то выпивает, кто-то просто о чем-то разговаривает. Типичная атмосфера таких заведений, ничего особенного. Люди, получив желаемое, постоянно меняются. И вот, где-то на пятнадцатой минуте, в кадре появляется пара молодых людей. Один что-то усердно доказывает другому, активно размахивая руками. Но второй будто не хочет слышать его и отталкивает, усаживаясь на за бар и таким образом, оказываясь спиной к говорящему.

– Тот, что сейчас за баром – первая жертва. – Подсказывает папа.

Парень остается один, что-то самостоятельно заказывает и пьет. Потом ракурс съемки меняется и мы видим, как он пытается танцевать на танцполе с какой-то девушкой, чье лицо не видно из-за постоянно развевающихся от танцев волос.

Потом их снимает камера, но уже за столом. Девушка сидит спиной к нас, а будущая жертва что-то рассказывает и буд-то...

– Он что, плачет? – не отрывая взгляда от экрана, спрашиваю.

– Очень на то похоже. – Папа приближает картинку и мы видим, как парнишка вытирает ладонями лицо, а девушка будто успокаивающе его похлопывает по предплечью.

На последней записи видно, как она остается за столиком, а парень фактически сразу же после беседы покидает клуб.

– Странно как-то все, – протягиваю. – Он будто сбежал после разговора.

– Ну, если бы я разрыдался при девушке, то тоже бы поспешил свалить. – Поддакивает крестный. – И неважно, знакома она мне или нет.

– Что же его так расстроило?

– Мы этого уже не узнаем. – Отец включает вторую флешку на втором экране. – Здесь дочка мэра.

Другое место, другие люди, но суть та же. Все веселятся и что-то празднуют. Милану я узнаю сразу же, как только она появляется в кадре. А вот лицо ее подруги приходится поставить на паузу и пару минут изучать, потому что в наше с ней знакомство, она была уже без него. Миловидная девчонка, но все же уступающая по красоте дочке мэра. Милана то пропадает из кадра, то появляется рядом с ней вновь.

– Девушка куда-нибудь перемещается? – спрашиваю у

старших.

– Нет, – слышится ответ, – она весь час стояла как приклеенная к тому месту.

– Она как будто кого-то пасла, – крестный тычет пальцем по экрану, – мы были там и с ее места открывается обзор на вот те места для вип-персон.

– Это не то видео, – озаряет меня мысль, – смотрите, она не грустит и постоянно улыбается. И к ней кроме Миланы больше никто не подходит, а значит, это тот вечер, когда она уже вызвала Пиковую даму.

Мы поворачиваемся к третьему экрану и там запись вечеринки в квартире Кирилла.

– Зачем он это сделал?

– У стримеров и блоггеров есть одна болезнь, – папа присаживается на рядом стоящее кресло. – Снимать, как они дышат, спят, едят и прочее. Видимо, Кирилл решил потом выложить это в своем блоге, но не успел.

– Кроме моего феерического представления там по-моему больше не случилось ничего запоминающегося. – Морщусь, когда вижу себя и Нику на экране.

В принципе, ничего нового я там не увидела. Да и Кирилл, как и полагается хозяину вечеринки общался почти с каждым пришедшим гостем. Потом все застывают на месте, видимо в тот момент я уже кричала в зеркальной комнате и в кадре появляется папа. Он, расталкивая, несется через все помещение и через десять минут выносит меня на руках. Са-

мое удивительное было то, что недоумение и ступор у всех присутствующих пробыл крошечную долю минуты. А затем все вернулось на круги своя и все продолжили веселиться. Я вижу, как Ника подошла к Кириллу и что-то говорит ему. Он с чем-то ею сказанным соглашается и кивает. А потом она берет и хлопает по его предплечью. И что-то в этом жесте мне кажется таким знакомым. Я пытаюсь сообразить, где я это видела и перевожу взгляд на первый монитор. Там ведь девушка тоже так же утешала парня. Я даже специально перематываю видео на тот момент. Да, движение один в один. Потом скольжу взглядом на второй монитор и на застывшем кадре помимо Миланы с подружкой виднеется кто-то, кто застыл к нам спиной, но надел брюки с безумно безвкусной бахромой. Лица не видно, но мне оно и не нужно. Я и так знала, кому принадлежала эта вещь.

Нет, нет, не может этого быть.

– Варь, мы сегодня отлично поработали, – вклинивается в мое сознание голос папы, – пора домой. Если бы не Ника, наша мама мне бы голову открутила.

– Что? – почти шепотом спрашиваю его, отрывая взгляд от экранов.

– Я говорю, у нас в гостях Ника сегодня с ночевкой. Если бы она сейчас не отвлекала внимание мамы, мы бы тут так долго не смогли сидеть. Поехали, а то влетит. По дороге проинструктирую, что будем говорить.

Глава 20. Тогда

Говорят, что нет ничего хуже, чем испытать на себе предательство. И до сегодняшнего вечера я была всецело с этим согласна. Да что говорить, у меня было совершенно другое мышление и абсолютно иное понимание добра и зла. А теперь я поднималась на свой этаж и впервые в жизни не знала, что теперь делать. Но, что еще хуже, у меня не хватило сил рассказать папе о своих чудовищных предположениях. А вдруг я все-таки ошиблась? Ника же моя подруга и я не могла поверить в то, что она так поступила.

Не могла? Или не хотела?

Да кого я обманываю?

Не хотела я верить. Как тот пациент, которому предстоит ампутация конечности, а он все надеется, что завтра сможет бегать как ни в чем ни бывало на своих двоих.

– Смотри, маме известна почти вся правда. – Говорит мне папа у лифта.

– Кроме?

– Кроме того факта, что мы обсуждали дело.

– Думаешь, поверит в это?

– Будем говорить, что задержались из-за допроса на котором настояло мое руководство. Если начнет задавать вопросы, я выкручусь, а ты скажи, что устала.

– Ты понимаешь, что это отсрочка неизбежного ровно до утра?

– А вот когда утро наступит, тогда и будем действовать по ситуации и решать проблемы по мере их поступления. Вот же черт, телефон оставил в машине. Варь, ты поднимайся и подожди меня у двери, я быстро.

Папа выныривает из подъезда, а захожу в лифт и нажимаю кнопку своего этажа. Да вот только не ожидала я увидеть Нику на пороге квартиры, а она стояла и придерживала открытую дверь, будто чувствуя мое приближение.

– Привет, – на ее лице появляется улыбка. – А я увидела машину внизу и сразу помчалась открывать дверь. Ты чего так долго поднималась? И где дядя Сережа?

– А, он телефон забыл, сейчас придет. – Стараюсь не слишком подозрительно ее рассматривать.

– Чего застыла? Все в порядке?– Прищуривается Ника.

– Вполне. А ты чего здесь?

– Да я позвонила твоей маме узнать, как твои дела и она сказала, что тебя сегодня привезут домой. Ты не рада меня видеть?

– Да нет, – вымученно улыбаюсь, – рада. Устала просто, допрос знаешь ли, штука энергозатратная.

Протискиваюсь мимо нее и сразу же попадаю в объятия мамы. И мне сразу же становится так легко, что я зажмуриваюсь и стараюсь не разреветься. Все же я девочка, а не стальной камень и мне не хватало этого тепла. Ловлю себя на мыс-

ли, что даже лгать не придется, я действительно очень вымотана. Но рада, что теперь наконец-то дома. Но стоит мне только распахнуть глаза и меня будто пронзает тысяча ледяных игл. Прямо за спиной мамы на стене висит зеркало в какой-то старой раме.

– Что это такое? – отстраняюсь от мамы.

– Зеркало, – мама удивленно смотрит на меня, – прелесть не правда ли? Его Ника принесла недавно.

– Да я как всегда гуляла на барахолке и обнаружила эту красоту, – улыбается «подруга», – и сразу же вспомнила, что твоей маме нравится все старинное.

– Уберите это, живо, – еле сдерживаюсь, чтобы не закричать.

– Что? Почему? – мама напрягается.

– Да как бы поздно уже, Варь, – вклинивается Ника и как-то странно улыбается, а затем добавляет, – ты время видела? Двенадцатый час уже как ни как.

Но что-то мне подсказывает, что под обозначением «поздно» она имела совсем другое. А еще мне становится понятно, зачем продлевали мое содержание в больнице из-за шумихи, которую специально создала та нечисть. Им нужен был доступ в нашу квартиру и они его теперь получили. Так что да, я опоздала и от этого у меня опустились руки.

– Мам, нам надо поговорить, – голос мигом становится севшим.

– Ника права, время позднее. Солнце, я же вижу, что ты

уставшая и вся на нервах из-за допроса, так что идите отдыхать. Завтра уже все как следует обговорим и ты мне все расскажешь. – Мама отставляет мою сумку подальше и подталкивает меня к комнате. – Я вам уже постелила.

–Но...

– Не заставляй меня нервничать, как твой папа, – она будто не слышит мой протест и накидывает теплый кардиган на плечи, – который все никак не поднимется домой. Сейчас спущусь за ним, а вы, марш в постель.

– Пойдем, – Ника берет меня за руку и про себя я отмечаю, что кожа ее ладони может посоперничать по холоду с морозильной камерой.

И она об этом прекрасно знала, но ладонь не убрала. Тянула меня слишком по-хозяйски в мою же комнату, а когда мы оказались внутри за закрытой дверью, я сразу выдергиваю свою руку из ее хватки и пячусь назад на два шага, но при этом не сводя с нее взгляда. Вариантов для действия всего два: попробовать достучаться до Ники или же дожидаться папу и скрутить ее, попутно объясняя причину.

И я проявила слабость вместо силы.

Она же все-таки пока оставалась моей подругой.

А еще я не до конца отдавала себе отчета в том, что на самом деле собственными руками открываю пресловутый ящик Пандоры.

– Зачем? – задаю ей вопрос, который мучил меня все это время. – Зачем ты все это делаешь? Что стало причиной та-

кой жестокости?

Но вместо ответа она тяжело вздыхает и опускает голову так, чтобы я не видела ее лица.

– Ты же знаешь, что я тебя не обижу и помогу. Но только, если ты сама этого захочешь. Ник, не отворачивайся от меня, не надо. Мне можно доверять, слышишь? Мы справимся со всем, только помоги мне.

Ника вдруг резко вскидывает голову и я вижу ее глаза. И там плещется столько боли, которой хватило бы на несколько жизней.

– Ну же, я ведь твоя подруга, – не оставляю попыток перетянуть ее на свою сторону. – А друзья не оставляют друг друга в беде.

– Да, а еще они могут сделать очень больно. – Цедит де-вушка. – Хватило с головой тех, что были в выпускном классе, чтобы убедиться в этом.

Ее губы подрагивают, а на ресницах маячат слезы. Видно, что она борется сама с собой.

– Знаешь, – наконец-то слышится ее надломленный голос, – я была не очень популярной девчонкой в классе. Что-то среднее. Что можно не замечать до поры до времени. Помочь с контрольными – да. Прикрыть при прогулах – еще раз да. Поплакаться в мою жилетку – всегда пожалуйста. И я знала, что меня используют в тот момент, а потом снова забудут. А знаешь, почему я продолжала приходить на помощь даже после этого? Потому что в этом была какая-то большая

удовлетворенность. Я ведь была нужна им. Я. Девчонка из бедной семьи. И никто другой. До последнего верила, что они меня рано или поздно оценят по достоинству. Как идиотка надеялась на их снисхождения и дождалась в итоге, но совсем не то, на что заслуживала.

Она затихает, набирая новую порцию воздуха.

– Хочешь понять, насколько мои руки погрязли в крови? Что ж, начнем по порядку. Была у меня такая же подружка, как ты. Аней звали. Всегда приходила ко мне, когда ей было плохо. А когда случалось что-то радостное, она делилась этим с кем-то другим, но не со мной.

– И ты убила ее по этой причине?

– Нет, не по этой. Она уговорила меня прийти на вечеринку. Говорила, мол, будет весело. Ребята постарше, немного алкоголя и может, чего поинтересней. Плюс Слава. Красавец из параллельного класса, на которого, засматривались все девчонки. И я в том числе. А за красивой-то обложкой оказалось червивое нутро. Но об этом я узнала уже чуть позже. А сначала мы веселились, как это бывает на вечеринках. В очередном стакане с выпивкой, который принесла Аня, вкус пошла был странный. Но я не предала значения. Подумала, что алкоголя там чуть больше, чем в предыдущих.

– Тебя накачивали. – Подмечаю и присаживаюсь на край стола – И ты это понимала. Почему не отказалась?

– Зачем? Я ведь только влилась в их компанию и не хотела быть белой вороной. Подумаешь, новость какая. Там все

были кто под чем, так что я просто выдохнула и поплыла по течению. Было весело. Сначала.

– А потом?

– А потом я не помню, как... но я была уже рядом со Славой. Мы просто в какой-то момент оказались танцующими под медленную песню. Его слова, объятия... он обещал так много и я, на мгновение, разрешила себе поверить в эту сказку. Будто оказалась в каком-то фильме, где главный герой наконец-то замечает простушку. А дальше они «жили долго и счастливо».

– Что пошло не так? – натыкаюсь взглядом на свой телефон, который мама поставила на зарядку, но быстро закрываю его своей спиной, чтобы Ника его не заметила.

– Его друзья предложили сыграть в детскую игру. Знаешь, когда кого-то там вызываешь. Злого гномика или Пушкина. Первые попытки не задались и мы так смеялись с этого. А потом кто-то сказал, типа, все фигня. Надо попробовать что-то пострашнее. Типа Пиковой дамы. И все так загорелись этой идеей, что и комната быстро нашлась, и зеркало. И все по очереди начали заходить туда. А выходя, рассказывали разное. Кто-то видел неясный силуэт в зеркале. Кто-то чувствовал присутствие.

– А ты?

– А я не хотела туда заходить. – Ника вытянула вперед ладони и посмотрела на свои дрожащие пальцы. – Не хотела. Но меня заставили.

– Кто?

– Слава.

– Он сделал это насильно?

– Нет. – Она быстро качнула головой. – Это больше походило на то, как тебя проверят «на слабо». Типа, бояться только малыши и все в том же духе. А потом он наклонился ко мне и сказал, что я там пробуду одна всего минуту, а потом он присоединится ко мне. Ведь эта такая возможность побыть наедине со мной. И я... поверила. Зашла, встала перед зеркалом, где были нарисованы помадой ступеньки и дверь. Полутьма делала свое дело и в комнате было жутко. Поэтому я быстро проговорила трижды призыв к Пиковой Даме, как меня учили. Но это лишь для галочки. И стала ждать. Не мистику, а Славу. Который все не приходил и не приходил. Тогда я решила, что с меня хватит. Но дверь оказалась запертой. Я билась в нее, орала, срывала ногти, царапая деревянное полотно. Но меня не слышали. Они так громко смеялись и я вдруг четко осознала, что моя истерика их порядочно повеселила. А потом наступила тишина. Звенящая. Оповещающая, что я совсем одна. Они оставили меня там, в той комнатушке. Больше похожей на кладовку, где уместилось громадное зеркало и я.

От этих слов, у меня кожа покрылась мурашками. На Никку вообще было страшно взглянуть. Бледная, как мел. И с обезумевшим взглядом, который уже невидяще скользил по периметру комнаты. Это был сигнал того, что девушка по-

грузилась на самое дно своих воспоминаний. Она заново их проживала в данную минуту. А еще это было шансом для меня. Я завожу руку за спину и медленно тяну шнур зарядки на себя, подвигая телефон ближе.

– Я звала на помощь до тех пор, пока не сорвала голос. Не знаю, правда, зачем. Умом-то понимала, что в доме больше никого нет. Но страх делал свое дело. Особенно, когда начали гаснуть свечи. Одна за одной. А потом я услышала скрип, который донесся из зеркала. И знаешь, что я увидела? Как нарисованная дверь открылась. И из темноты, по ступенькам, ко мне спускалась какая-то фигура. Она уже была там. Она заговорила со мной!

– Что она тебе говорила? – делаю одно движение пальцем и экран разблокирован, но как же мне было горько увидеть, что симки в телефоне нет. Кто-то уже предугадал мои действия и вытащил ее, превратив телефон в бесполезный кирпич. Хотя, нет, польза в нем была в виде диктофона, иконку которого я и нажала для записи ее чистосердечного признания.

– Она обещала мне помочь и наказать обидчиков так, как они на это заслуживали. А еще предложила исправить мое незавидное материальное положение. Варь, думаешь я бы смогла учиться в престижном университете, когда меня тянула одна лишь бабушка? Думаешь, вот эти все переделки вещей от нечего делать? У нас едва хватало денег, чтобы сводить концы с концами и новые шмотки я видела только в

витринах магазинов. Поэтому пришлось вертеться, выдумывать, перешивать и перекраивать.

– И ради этого ты решилась на такое?

– Нет. Я тогда испугалась и успела стереть последние ступеньки. Это же вроде должно было оборвать обряд. Но это не помогло. – Ника устраивается на кровати и проводит по мягкому пледу рукой. – Меня нашли без сознания на утро следующего дня, когда пришли хозяева дома, который снимал кто-то из ребят для этой вечеринки. Едва смогла объяснить им, что все в порядке. И что я просто напилась до чертиков. Они поверили и отпустили меня домой. Еле успокоила бабушка, которая подняла панику и собиралась созывать наряд для моих поисков. Пришлось соврать, что заночевала у подруги. У Ани. Наказание в виде домашнего ареста было как нельзя кстати. Не хотела никого видеть и пыталась забыть все, как плохой сон. Вот только он все никак не хотел заканчиваться. А потом я поняла почему. Ведь оттуда я вернулась не одна.

Глава 21. Тогда

– Она стала являться каждую ночь. В напольном зеркале, что стоит в моей спальне. Я боялась засыпать, потому что даже там, я видела ее. А если не так, то она давала понять о своем присутствии несколько иначе. В доме начала твориться полная неразбериха. Посуда билась, двери на шкафчиках сами собой захлопывались. Знаешь, что бывает там, где появляется зло? – Девушка задает вопрос даже не мне. А куда-то в пустоту и сама же на него и отвечает. – Оно выживает все хорошее вокруг. Доканывает тебя и в какой-то момент подминает под себя, потому что у тебя не остается сил для сопротивления. – Я любила бабулю. Правда. Именно она первой поняла, что со мной творится. Но была уже слишком слаба, чтобы помочь мне противостоять этому. Она уже тогда уходила от меня тяжело, в муках. И я на тот момент так погрязла в той боли. В своей, в бабушкиной... Что просто хотела, чтобы это поскорее все закончилось. Так что, очередные взывания из зеркала показались мне многообещающими. Она обещала дать бабушке покой и я согласилась, но не думала, что помощь будет вот такой.

– Какой?

– Такой, когда ты ничего не помнишь, но стоишь с зажатой у лица подушкой. И понимаешь, что стоит убрать ее, то

ты увидишь мертвое лицо. Я не хотела, чтобы бабушке было больно. Но не так же жестоко. Однако вернуть все вспять было поздно. Я пыталась, правда. Но бороться с ней нереально. Ты даже не представляешь себе, каково это жить и... не зная, когда ты вновь проснешься самой собой.

– Что ты имеешь в виду? – внутри меня все холодеет, я была не готова к такому повороту событий.

– Она уже внутри меня, – внезапно переходит на шепот девушка. – У нас установилась такая связь, что однажды ночью проснулась и обнаружила ее, выползающей из зеркала. Меня тогда парализовало от страха и я не могла даже пискнуть. А она доползла до моей постели и улеглась рядом. Нежно поглаживая меня своими длинными пальцами с синюшной кожей. Лица не видно, их постоянно скрывали длинные темные волосы. Наверно, это к лучшему. Мне хватало и того холода, который она источала. И эти пальцы... она, будто играя, вышагивала по моему телу, пока не остановилась на груди. А потом ее рука взяла и начала в меня проваливаться. Ты понимаешь? Пока у нее нет собственного тела из плоти и крови в этом мире, она пользуется моим.

Я смотрю на лицо девушки и пытаюсь соединить все фрагменты разговора. И где-то внутри что-то щелкает.

– Через убийства она получает свою силу для своих деяний. И ты приводила к ней жертв, с которыми она заключала сделку. Ты стала ее глазами, руками, верным псом.

– Я стала ее заложницей. – Возражает Ника.

– Да какая теперь разница кем ты являешься? Ты привела ее в мой дом! – срываюсь на крик.

– Ты сама виновата, не надо было попадаться ей на глаза, – обреченно отвечает она и снова отворачивается к окну так, чтобы я не видела ее лица. – Пиковая дама почти окрепла. Я сдерживаю ее настолько, насколько могу. Но и мои силы на исходе. Я чувствую, что ты с отцом единственные, кто может мне помочь. Терять мне больше нечего и некого. Прошу, упекуйте меня в больницу. Сделайте так, чтобы меня держали на сильнейших препаратах. Чтобы я и она были овощами. Не дайте ей выбраться. Потому что для совершения обряда осталось убить еще пятерых. Если она сделает это, то здесь воцарится ад.

– Сколько у нас времени? – Я вопреки всему, почему-то безоговорочно верю ей. – Ника?

Проходит минута. Две. Три. Пять минут той тишины, которая тяжелым ватным одеялом накрывает нас с головой. А потом слышится голос:

– Ники здесь больше нет.

Я больше не могу назвать подругой то, что теперь сидело передо мной. Черты лица Ники стали какими-то смазанными. Будто я смотрю на картину, которую облили растворителем и сквозь поплывший верхний слой стала проглядываться неприятная подложка. Черные глаза фактически не мигая, буравили меня. Пальцы рук с противным хрустом то выгибались в обратную сторону, то становились на свои места.

Перелом за переломом. И так, я думаю, что она наказывала Нику, глубоко запертую внутри себя.

– А может быть и есть, – она играет со мной. – А может быть уже никогда и не будет.

– Чего ты хочешь?

– Заключим сделку? – ухмыляется она. – Это тело поизносилось и мне нужна достойная замена. Плюс твои способности мне пригодятся.

– Можешь не продолжать. Я не нахожусь в таком отчаянном положении, как те убитые, чтобы соглашаться на что либо с твоей стороны, – качаю головой.

– Но это же временное явление, – скалитесь она, – слышишь? Лифт наконец-то заработал и твои родители уже поднимаются домой. Твоя опора и защита станет твой же слабостью. Думаю, рыдая над их телами, ты будешь более сговорчивее. Я заставлю тебя согласиться со всем, чтобы я тебе ни предложила.

– Только через мой... – не успеваю договорить, как она с грацией пантеры бросается на меня.

– Как знаешь, – рычит то, что теперь было вместо девушки и толкает меня так, что я отлетаю и бьюсь спиной об шкаф.

Перед глазами пляшут звездочки, в груди ощущение того, что легкие разрываются при попытке сделать вдох.

– Хозяйка, вставай. – Олег появляется с одной стороны, а Сеня с другой. Они хватаюсь за мои руки и пытаются помочь подняться. Даже сгруппироваться и встать на четвереньки

выходит не с первого раза. Да еще в затылке печет так, будто там теперь ссадина.

А в это время из коридора слышится звук открывающейся двери и возглас мамы:

– Ника, о боже! Что с тобой? Где Варя?!

– Оля, в сторону! – кричит папа и я только успеваю проследить глазами за тем, как тело Ники пролетает мимо моей комнаты и приземляется в конце коридора, разбивая собой другое зеркало, висевшее на стене.

– Мам, пап, нам надо запереть ее здесь и бежать отсюда, – хриплю и кое-как добираюсь до порога, но застываю на месте.

Существо, лежащее под осколками, медленно оживает. Оно переворачивается на спину и затем из позы «мостика» поднимается и принимает вертикальное положение.

– Что это, Сереж? – мама пятится в мою сторону.

– Я не знаю, – папа вытирает кровь с пореза на своей щеке, – Варь, ты как?

– Кажется, ушибла ребра, – морщусь, когда опираюсь на маму.

Втроем, мы не сводим своих взглядов с неподвижно стоящей к нам спиной фигуры. Затем папа без слов привлекает наше внимание движением руки. Он указывает на нас, а затем на дверь. Мама кивком головы будто спрашивает у меня готова ли я бежать? И я коротко киваю в ответ, что да. Папа начинает отсчет на пальцах.

Один... два... три...

Мы несемся к двери в то время, как папа дергает за дверную ручку вниз. Но дверь не поддается. Он пытается выбить ее плечом, но безрезультатно.

Мы оказалась в ловушке в собственном доме.

– Это было бы слишком просто, – слышится смешок со стороны. – Не правда ли?

Папа первым приходит в себя и начинает действовать. Он толкает нас в кухню и закрывает за собой дверь.

– Сережа, нет! – мама дергается вперед, но останавливается как только слышится первый удар об древесину.

– Оля не выходи! – ревет голос отца из коридора и дверь снова содрогается, срываясь внутрь с одной из петель.

Затем следует нечеловеческий вой, снова звук борьбы и хруст, от звука которого в наших жилах застывает кровь.

Внезапно наступившая тишина оглушает, но ненадолго. Еще одним ударом дверь окончательно выбивают внутрь кухни и мы едва успеваем отскочить к окну, чтобы она нас не задела. А сверху нее приземляется папа.

Точнее, то, что от него осталось.

То, что он мертв становится понятно по неестественному положению шеи. Само лицо напоминает квашню. Кажется, у него нет руки и что-то с ногой. Я едва успеваю отвернуться в угол, куда меня тошнит.

Воздух... мне не хватает воздуха...

Дергаю окно, но тоже намертво сцепилось с рамой. Мама

же коротко вскрикнув оседает рядом с ним. А та тварь затаивается где-то в недрах квартиры, наслаждаясь той болью, которую нам принесла.

– Сережа, – всхлипывает мама, – родной... Сережа...

– Варь, – слышится тихий голос домового сбоку и Олег протягивает мне содранную штору с окон, – мы тоже не можем выйти. Она не оставила ни единой лазейки даже для нас. Боюсь, Сеню мы тоже... потеряли.

Сил хватает лишь на короткий кивок. Из-за слез почти ничего не вижу, но все же делаю шаг в сторону от окна. Затем трясущимися руками накрываю шторой папу и помогаю маме подняться на ноги. Она обезумевшим взглядом скользит по кухне, будто что-то ищет. А потом хватается тонкий нож, которым обычно резала фрукты для выпечки и вжимает мне его в ладони.

– Соседи слышали звуки борьбы и крики, – шепчет она, – они обязательно должны вызвать полицию. Ты только выдержи, солнышко, слышишь?

– Мам...

– Помнишь, как папа учил тебя, а я на него постоянно за это ругалась? – Она одной рукой вытирает слезы с моего лица.

– Подпусти ближе, а затем нанеси удар. – Еле слышно повторяю его слова и невольно смотрю на накрытое тело шторой. Кремовая ткань теперь вся в бурых пятнах. Под остатками двери тоже скапливается вязкая лужа.

– Варя, – утробным голосом зовут меня из полутемного коридора. – Для тебя этого достаточно или нет?

– Молчи, – приказывает мама и закрывает меня своей спиной.

– Варя, неужели ты хочешь, чтобы и с ней что-то случилось?

– Молчи, – повторяет мама.

А я... я теперь понимаю, о чем говорила Ника. Физические травмы и рядом не стояли по сравнению с тем, что я ощущала, слыша этот голос.

Страх, отчаяние, беспомощность.

– Чтобы оно не предложило, не смей соглашаться. – Мама будто читает мои мысли. – Иначе... папина смерть будет напрасной.

Она хочет еще что-то сказать, но какая-то невидимая сила сбивает ее с ног и тянет в коридор. Я едва успеваю выронить нож и схватиться одной рукой за шиворот ее кардигана, а второй рукой уцепиться за батарею.

– Твоя смерть тоже будет напрасной, – слышится дикий смех.

Рывок и я обезумевшими глазами смотрю на кусок ткани, оставшийся в моей зажатой ладони.

Короткий вскрик и мама, царапая ногтями пол, цепляется за угол и смотрит на меня. Этот взгляд, полный понимания того, что сейчас произойдет...это немое прощание... я никогда его не забуду.

Еще рывок, маму утаскивают и в коридоре вдруг становится так светло, будто мощность софитов выкрутили до предела. А затем слышится звук рассекаемого воздуха и обои заливают первая полоса крови. Затем еще раз, и еще, и еще. Тело падает на пол с глухим стуком, словно сломанная игрушка и яркий свет тут же гаснет, будто специальное шоу окончено.

И я ведь не сразу понимаю, что тот вой, который слышится вокруг, принадлежит мне. Разум окончательно отключается, я перестаю понимать где я и что происходит. Мой мир окончательно превратился в одно сплошное кровавое месиво.

– Твоя взяла, – шепчу онемевшими губам, когда «Ника» появляется в поле моего зрения, играючи перебрасывая из рук в руки что-то отдаленно похожее на маленькую голову.

– Я знаю, – она отбрасывает ее в сторону и, схватив меня за горло, поднимает с колен. – Все было бы иначе, если бы ты сразу согласилась на сотрудничество.

– Лжешь, – хриплю в ответ, болтаясь в воздухе и цепляясь одной ладонью за ее руку, – ты бы их все равно убила... Но знаешь, я ведь тоже ...

– Что «тоже»?

Но вместо ответа, вгоняю ей нож, который я успела подхватить с пола и до этих пор прятала в рукаве. Сталь мягко входит в подбородок и устремляется вверх, пробивая все жизненно важное тому, что совсем недавно было моей по-

другой. Проворачиваю рукоятку, делая так, чтобы рана не закрывалась и сущность открывает рот, извергая на меня каскад крови. А затем резко отпускает мое горло и с воплями ползет по стене, а оттуда на потолок. Но силы, как жизнь покидают это тело и гравитация тоже вносит свои поправки. Оно падает с высоты и приземляется на ножку перевернутого стола, пробивая тем самым грудину.

И снова наступает эта оглушающая тишина. Но теперь она не пугает, а лишь констатирует тот факт, что все закончилось. На всякий случай с противным хлюпаньем вытягиваю нож из Ники и бреду в коридор. А там, среди разрухи и щепок мебели, падаю на колени у тела мамы. Убираю с ее лица слипшиеся от крови пряди и поглаживаю по голове.

– Ты полежи, отдохни, – говорю в пустоту, – а завтра мы пойдем в магазин и купим то ужасное платье, которое ты так хотела, чтобы я носила. И папа ради такого дела даже не пойдет на работу и возьмет свой первый отгул за этот год. Верно, пап?

Но ответа нет .

И больше никогда не будет.

Я не успела... Я опоздала.

И я кричу.

Кричу изо всех сил, вкладывая всю свою боль и срывая глотку.

Глава 22. Сейчас

– Я думала, что убила ее, – шепчу, – я ведь убила ее.

В отличии от воспоминаний, сейчас слез не было. Наверно, уже успела все выплакать до этого. И глаза мои сейчас сухие, как тот песок в известной пустыне. Только чувство пустоты внутри полностью совпадало с пустотой, что меня окружала. А я ведь даже не прошла в другую часть квартиры. Так и осталась в коридоре. Лишь незаметно для самой себя оказалась на коленях ровно в том месте, где лежала мама и откуда меня потом забрала полиция.

– Посмотри на меня, – слышится голос и я повинуюсь.

Поднимаю глаза и все слова теряются. Теперь я понимаю, чего добивался Егор. Эта встряска...она была необходима, чтобы я окончательно пришла в себя. Перестала избегать и прятаться от боли и приняла ее всю без остатка.

И только после этого, я наконец-то все «увидела».

Ярко, четко, до мурашек пробирающее зрелище.

Егор – не человек.

Безобразное лицо было покрыто шрамами и имело темно-серый оттенок. Неестественно желтые глаза без ресниц и бровей смотрятся жутко, но еще хуже выглядит рот. Губ почти невидны, они по цвету сливаются со всем лицом и только когда он усмехается, поняв, что я его рассматриваю

с нескрываемым отвращением, обнажаются кривые острые зубы с грязным налетом.

В свое время я читала много рассказов, фанфиков и разных историй, где главным героем выступал демон. И почти в каждом втором, этих существ идеализировали. Делали красивыми, чтобы в них влюблялись читательницы. Но в реале, их образ тошнотворен. И тебе не хочется его обнимать, тебе хочется сбежать от него подальше.

– Почему ты такой? – спрашиваю его.

– Потому что в аду красивая плоть стораает, обнажая настоящую сущность. И чем ужасней ты был при жизни, тем уродливее будешь потом без иллюзии и прикрас.

– Справедливо. – Прислоняюсь спиной к стене и обхватываю руками колени. – Не зря я еще в самом начале говорила, что ты не похож на штатного работягу. Только вот ошиблась, принимая тебя за себе подобного.

– От чего же? Если человек попросит меня о чем-то, то я тоже вряд ли откажу ему.

– Но я творю добро, а ты сеешь зло и хаос. И не откажешь ты лишь по той причине, что возьмешь в уплату за выполненную работу душу, не так ли? Так что как ни крути, мы по разные стороны баррикад.

– Были, – соглашается со мной демон. – Но теперь все иначе. Как ты уже поняла, ты тогда убила не Пиковую даму, а временного носителя. И чтобы тебе было легче, просто считай, что ты избавила свою подругу от долгих мучений.

Ее ведь так просто никто бы не оставил в покое. Запомни и почаще себе это напоминай.

– Что-то еще? – отрешенным взглядом брожу по кровавым разводам на обоях.

– Судя по всему, Пиковая дама перевела дух и обратно принялась за свое. Два трупа тому подтверждение. Значит, она не отказалась от своей затеи получить физическое тело.

– Почему же вы не рады этому? Вам же должно это быть на руку. Больше бед будет, больше душ загубите.

– Я может быть и согласился с тобой, но у нас тоже есть свои правила. И есть уговоры с оппонентами.

– С ангелами что ли?

– Да, – кивает Егор своей лысой головой, – неважно на чьей ты стороне, но равновесие должно быть соблюдено. Мы не мешаем работе друг друга и вмешиваемся только при острой необходимости. Да, Варь, мы научились сосуществовать в этом мире.

– А я думала, что между добром и злом вечные войны.

– Поверь, люди и без нас прекрасно находят повод для вражды. Ты не представляешь, насколько по своей злости, жестокости, подлости, неверности и алчности человечество превосходит даже нас.

– Не все, – возражаю.

– Не все, но большинство, – стоит на своем демон.

– Ладно, тебе виднее.– Меняю тему разговора и снова смотрю на Егора. – Для чего же аду понадобилась я?

– Я предлагаю тебе сделку, – с этими словами он щелкает пальцами и к моим ногам падает лист бумаги. – Ты будешь работать на меня, сможешь поймать мне Пиковую даму, а я дам тебе возможность начать новую жизнь.

– Я не доверяю тебе, – поднимаюсь на ноги и даже не посмотрев на договор, впечатываю лист бумаги демону в грудь. – И я не доверяю этому. Жизнь научила меня тому, что всегда есть в чем-то подвох.

– Его нет. – Как-то просто звучит его ответ. – Я же не обещаю тебе легкую и беззаботную жизнь дальше. Каждый день ты будешь просыпаться с теми же тяжелыми воспоминаниями, что и все это время в больнице. А по ночам к тебе будут приходиться кошмары, от которых ты будешь просыпаться в холодном поту и почти до самого утра рыдать от горя. Да и просто исчезнуть не получится. Придется умереть для всего мира. Хотя ты таковой уже являешься для всех вокруг. Оставшиеся знакомые открестились от тебя после случившейся трагедии. И предпочитают увидеть некролог о твоей смерти в газете, а не тебя лично на своем пороге. А я не волшебник, Варь, назад все не могу вернуть и отбелить твою репутацию и не могу вернуть к жизни твоих родных. В моих силах поймать Пиковую даму, но только с помощью твоего зрения. Вот если бы твои глаза могли функционировать без тебя, выдрал бы не задумываясь. А так приходится с тобой носиться.

Озвученная реальность неприятно царапает нутро. Но бы-

ло бы глупо ожидать от демона доброты. Да и все, что он сейчас сказал, попадало прямо в цель. Так что мне нет смысла над чем-то долго думать. Я внутри уже давно почти нежилец, осталось только убрать свое имя с бумаг.

– Поднимайся, – демон в одно мгновение оказывается рядом и в его руке появляется небольшой клинок.

– Что ты собираешься делать? – При виде поблескивающей стали меня прошибает холодный пот и я стараюсь не упускать его из поля своего зрения.

– Заключать договор. – Обыденно отвечает Егор. – И нет ничего действеннее, чем скрепить его кровью. Протяни руку, Варя. И учти, что твои действия должны быть добровольными.

Отступить некуда, позади стена и пространства для маневров фактически нет. Да и смысл говорить нет, если ты уже в одном шаге от неизбежного. Вздыхаю и протягиваю ему руку ладонью вверх. Демон действует молниеносно, не успеваю даже ахнуть, как появляется алая полоса разреза, которая тут же болезненно начала пульсировать. Затем он проделывает то же самое с собой и обхватывает мою ладонь так, будто у нас рукопожатие и наши раны соприкасаются. Больно сдавливают их до того момента, пока его темная, фактически черная кровь не смешивается с моей. Помимо боли возникает ощущение, будто руку пронзает сотня острых игл. С каждой минутой, боль нарастает все больше и больше, устремляясь вверх. Голова кружится, в глазах темнеет, но я в сознании.

– Довольно, – шепчу и пытаюсь освободиться от хватки, но не выходит.

Демон сдавливая наши ладони сильнее и я сгибаюсь пополам, судорожно втягивая в себя кислород. Боль уже достигла ключиц и распространяется на грудь. Сердце, которое до этого билось в бешеном ритме, делает один резкий удар об грудную клетку и замирает.

Как замирает и все вокруг. Прямо на моих глазах капля крови, которая собиралась упасть вниз, зависла в воздухе почти у самого плинтуса. Я перестала слышать все звуки, будто очутилась в каком-то вакууме. Я перестала чувствовать боль и даже умудрилась выпрямиться в полный свой рост. Егор удовлетворительно хмыкает и щелкает пальцами. Капля крови с ускорением размазывается по полу и в ту же секунду с улицы послышался звук автомобильного клаксона.

– Что это сейчас было? – провожу пальцами по ладони, растирая кровь и не вижу даже и намека на порез.

– Тебя не стало для этого мира. – Демон бросает взгляд на часы. – Минуту назад в кабинете заведующей обнаружено два обезображенных тела. Через час после вскрытия и взятия необходимых анализов, в картотеке больницы появится запись, указывающая дату и время, когда сердце Вари Домовой перестало биться.

Если бы меня спросили, тяжело ли было прощаться с той жизнью? Мой ответ был бы явно отрицательным.

Если бы меня спросили, что я чувствую в данный момент?

Я бы сказала, что странное облегчение.

Глава 23. Сейчас

– Где мне теперь жить? – прерываю затянувшееся молчание с тех пор, как мы вышли из той квартиры и сели обратно в машину.

Первый глобальный вопрос, с которым я столкнулась в новой действительности и который требовал решения.

– Можешь вернуться к себе, как дальняя родственница. Кем ты теперь и являешься для всех и которая получила эту квартиру в наследство.

– Нет, – ответ получается резковатым.

– Почему? – Егор не смотрит на меня, сосредоточившись на вождении.

– Потому что я не могу там находиться. Пусть там не осталось ни мебели, ни мелочей, но я закрываю глаза и все это воскресает в моей памяти. Мне мерещатся запахи, звуки родительских голосов. Но самое страшное, что будучи в той квартире, я не помню родителей в живых. Передо мной ужасные кадры с их телами. Перед моими глазами их мертвые лица. Ты ночью меня разбуди и я скажу, как выглядели их раны. И я не могу от них избавиться, понимаешь? Хотя, кого я спрашиваю...

– Ты права, я не заостряю внимание на таких мелочах. – Демон заворачивает на парковку у знакомого ресторана. – И

все, что ты сейчас говоришь меня не особо как-то впечатляет.

– Для людей, смерть их близких далеко не мелочь. Это страдания, которые мы будем испытывать до конца нашей жизни.

– Вас никто и не заставляет этого делать, – Егор глушит мотор и разворачивается ко мне всем корпусом тела. – Никогда об этом не задумывалась? Вам же только дай повод и вы выходите из строя. И это я не имею в виду болезни. Потеряли работу, вас бросили, не сдали на права с первого раза, отчислили за проваленную сессию, потеряли питомца или любимую бабу. И это лишь верхушка айсберга, так можно продолжать до бесконечности. Я все-таки склоняюсь к тому, что вам нравятся это состояние. Иначе бы вы были бы более хладнокровными и безучастными. И не тратили так бесполезно свой короткий человеческий век.

– Такие качества присущи только монстрам и садистам, – выскакиваю из машины и оборачиваюсь к нему, – в этом и есть наше с вами главное отличие. Мы знаем, что такое страдания и сострадание. И мы их не боимся проявлять и чувствовать.

– Так себе преимущество, которое равным счетом вам ничего не дает. – Егор выходит следом. – И не пытайся меня переубедить, я прожил дольше, чем ты. Видел больше, чем ты. У меня и знаний тоже...

– Больше, – еле успеваю догнать его почти у самых дверей

ресторана. – Хорошо, мы закрываем эту тему и возвращаемся к тому, откуда начали. Где я буду жить?

– А это разве моя проблема? Свою часть сделки я вроде бы выполнили. – Демон схватился за ручку двери, но застыл на месте, чтобы окинуть меня раздраженным взглядом. – Преведняя жизнь с ее тягостями теперь в прошлом. Осталось лишь немного подправить внешность, чтобы она сходилась с тем, что указано в новых документах. К подлинности которых никто и никогда не придерется.

– А говорил, что подвоха не будет. – Качаю головой. – Но вот в чем проблема, Егор. Жизнь человека – это не просто кусок бумажки с новой фоткой. Человеку нужен дом, нужна работа, чтобы зарабатывать себе на пропитание и прочие нужды. Если этого всего не будет, о, какой кошмар, он начнет страдать. Да, да, Егор, твое нелюбимое человеческое состояние. А без крыши над головой он замерзнет, заболеет и умрет. В принципе, без еды его ждет тот же итог. Так что, как ты уже понял, тебе придется еще немного напрячься, чтобы обещанное полностью соответствовало тому, что я должна получить.

– Мне кажется или ты сейчас хочешь поставить мне ультиматум?

– Пока что у меня на это нет сил. Я просто хочу где-то отдохнуть, принять по-человечески ванну и побыть одной. Ты можешь решить этот вопрос или для демона это чересчур сложное дело? Кстати, я теперь тебя всегда буду видеть

таким? Или можно как-то сменить картинку?

– Смотрю, ты окончательно отошла от своего горя раз стала такой борзой? Или хамством ты пытаешься прикрыть бреши в своем еще пока нестабильном положении?– Егор все же открывает двери и шагает первым внутрь помещения.

– Зачем интересуешься, если тебе по факту наплевать? – следую за ним и упираюсь взглядом в администратора ресторана, а затем и в официантку, которая нас обслуживала.

Если в прошлый раз они мне показались просто красивыми, то сегодня я вижу как от их облика исходит переливающееся свечение. Что-то в них было неумолимо завораживающее, притягивающее. Бездонные глаза, идеальные черты, красивые фигуры. Чем больше смотришь, тем сильнее зависаешь.

– Добрый день, – мило улыбаются они Егору.

– Все готово?

– Да, все как и приказывали. – Следует синхронный ответ.

– Пойдем, – он тянет меня за собой, заставляя оторваться от разглядывания девушек.

– Кто они? – моргаю несколько раз, пытаюсь сбросить наваждения.

– Суккубы.

– А почему они не выглядят так же паршиво, как и ты?

– Потому что они созданы для того, чтобы совращать людей и выпивать их жизненную силу, – Егор резко останавливается на месте и я чуть не влетаю ему носом в спину. – Они

обязаны быть красивыми, но их красота действует только на человеческий вид. Учти, сами люди у нас появляются только к вечеру, а до этого времени остальные скучают и кто его знает, что им взбредет в голову в отношении тебя. Так что постарайся с ними пореже контактировать.

– Если люди будут вечером, то это тогда кто? – смотрю в зал и едва сдерживаюсь от громкого возгласа.

Я помню, как в прошлый раз демон тащил меня и все посетители тогда сделали вид, будто меня здесь нет и они ничего не видят. Но сейчас, они отложили газеты в сторону, прекратили поглощать пищу и пить напитки. Все, как один, перестали говорить и теперь смотрели только на меня. Да и выглядели все в этот раз совершенно иначе. Я вижу всех такими, какие они есть на самом деле. И в лицезрении демонических лиц без прикрас нет ничего приятного. Особенно, когда они смотрят на тебя не то как на свой обед, не то как на будущую жертву. Кто-то даже скалится, обнажая острые клыки, будто подтверждая мои мысли.

– Господа, – громко обращается к ним Егор, – в нашем ряду пополнение. Попрошу не трогать эту юную особу, так как она мне необходима. И свыкнуться с мыслью, что она будет здесь частым гостем.

– И как долго нам надо терпеть ее? – Шипит нечто с ядовито-зеленой кожей.

– Пока мы не найдем Пиковую даму, которую вы постоянно упускаете.

– Мы опустились до того уровня, когда нам нужна помощь человека? – Второй, с клыками вампира так и не сводит с меня глаз. А затем втягивает с шумом в себя воздух и облизуется. – Да уж, теперь понятно. Порченная кровь.

– Что он имеет в виду? – тихо спрашиваю у Егора, но видимо недостаточно.

– У людей возникает дар не просто так, – вместо демона отвечает все тот же вампир. – У вас поломка в ДНК. Вы как инвалиды, только дефект не физический, а внутренний.

– А, – только и могу ответить, когда Егор подхватывает меня под руку и не особо церемонясь, снова тащит в сторону отдельных залов.

Однако попадаем в подобие комнаты с небольшим диваном, письменным столом и миниатюрным шкафом.

– За той дверью туалет и душевая, – демон указывает на вторую дверь. – Чувствуй себя как дома. Вы ведь так любите говорить? Ну, что ты так смотришь на меня?

– Я буду жить здесь? – Протягиваю, опасливо косясь на закрывшуюся и отгородившую нас от остальных посетителей дверь. – Рядом с ними?

– А что не так? Ты просила решить жилищную проблему и я это сделал. К тому же, тебе тоже нужно быть для меня в быстром доступе. И не надо этого страдальческого выражения лица. Для того, чтобы поймать Пиковую даму, тебя одной не хватит. Я окружаю себя всеми подвидами, кто может мне хоть как-то упростить это дело. И есть тебя никто

не собирается. – Егор задумывается на секунду. – Пока что не собирается. Но если будешь их выводить из себя, я защищать тебя не стану.

– Мне сейчас так полегчало после твоих слов. – Прохожусь по комнате и останавливаюсь у дивана. – Если что, это сарказм.

– Если что, я понял. – Паритует демон. – Да ладно Варь, мы почти такие же, как и твои домовые. Ростом только повыше да силы побольше.

– Уж лучше я б и продолжала видеть только их. – Бурчу себе под нос, устало опускаясь на мягкую поверхность.

– А знаешь, почему ты нас раньше не видела? Потому что не хотела. Сузила круг до минимума, игнорировала присутствие остальных. Думаешь, тебя спасало именно это? Нет, Варя, это у нас просто не было надобности в том, чтобы вступить с тобой в контакт.– Егор раздраженно фыркает. – Все необходимые вещи ты найдешь в шкафу и на столе. Собрание будет в восемь утра, не опаздывай.

И он исчезает из комнаты, видимо, устав носиться с человеком. А может быть по своим делам, как демон. Уточнять не хочу, просто закрываю дверь на замок и возвращаюсь к дивану. Усталость берет вверх и я даже не рыпаюсь в сторону ванной. Обещаю себе полежать буквально полчаса, но проваливаюсь в тяжелый и крепкий сон, так даже и не раздевшись.

Глава 24. Сейчас

Вырваться из плена кошмаров удастся лишь с пятой попытки. Я просыпаюсь на самом страшном моменте, перевоорачиваюсь на другой бок и сон тут же затягивает меня обратно. И так по кругу, будто меня насильно заставляют смотреть сериал, который мне не нравится. И вот, наконец, разлепляю тяжелые веки и понимаю, что в комнате уже слишком темно.

Интересно, который час?

В больнице с этим было проще, так как я ориентировалась по обходам охраны. Отбой был в девять, а затем каждые три часа по коридорам раздавались гулкие шаги. Восемьдесят девять в одну сторону и столько же в другую. Плюс сто двадцать четыре шага при обходе обеденной зоны, душевых и туалета. Когда ты заперт в небольшой комнате и у тебя бессонница, вариантов для развлечения не так уж и много. Либо смотреть на небо сквозь зарешеченное окно. Либо счет шагов, который заменяет пересчет барашков. В сон от этого не клонило, но хоть как-то занимало время до наступления утра.

Я ловлю себя на мысли, что почему-то сравниваю это место с больничной палатой. Хотя здесь и решеток нет, и помимо койко-места есть еще и другая мебель, и в душ я могу пойти в любое время. Да я вообще могу отсюда просто взять

и выйти на улицу.

Я...я...свободна?

До сих пор не могла в это поверить. Даже ущипнула саму себя за руку, чтобы убедиться в правдивости всего происходящего и тут же ойкнула от боли. Но боль на этот раз приносила с собой то, что я уже давным-давно похоронила на дне своей души.

Надежду.

Если бы крылья за моей спиной не были обломаны, я бы взлетела. А так, обрубки дернулись и заставили спуститься с небес на землю.

Это еще не финал, так что радоваться будем потом.

А сейчас время привести себя в порядок, что я и принялась делать. Делаю воду настолько горячей, насколько могу вытерпеть и долго стою под хлесткими струями. Жаль, что под ними нельзя смыть все, что накопилось внутри. Мне кажется, что в ванной я провела вечность. Красная, как рак и завернувшись в мягкое полотенце, возвращаюсь в комнату. Прохладный пол приятно холодит ступни после горячего душа, в теле чувствуется легкость, а в голове царит пустота. Зажмуриваюсь и разрешаю себе побыть в этом состоянии еще немного прежде чем реальность заново покажет свои зубы. В дверь коротко стучат и это заставляет меня вздрогнуть.

– Кто? – спрашиваю, не сдвигаясь с места и крепко цепляясь за край полотенца, которое так и норовит сползти с сильно исхудавшего тела.

– Это Софья, – слышится звонкий и смутно знакомый голос, – администратор этого заведения. Хозяин попросил передать тебе кое-что. Ты откроешь или оставить у порога?

– Оставьте у порога, – прошу ее и, помедлив, добавляю, – спасибо.

Отсчитав про себя до ста, достигаю двери и с осторожностью выглядываю в небольшую щелку, убеждаясь в отсутствии кого-либо за ней. И только потом вытягиваю руку и поддеваю пакеты из крафтовой бумаги, затягивая их внутрь. Первый пакет с известным брендом магазина нижнего белья и я очень сильно надеюсь, что отоваривалась там Софья, а не Егор. Второй пакет с тремя коробкам, в которых я нахожу разную обувь. А вот третий пакет оказался достаточно увесистым и набитым чем-то, что невозможно разглядеть с первого раза. И только вывалив все на диван, я понимаю, что это такое.

Мои вещи.

Не новые, а именно те, что лежали в моих шкафах. Да, мятые, да кое-какие в пятнах, да их будто неаккуратно смели одним махом и затромбовали в этот пакет. Но они мои. Пробегаюсь по ним дрожащей рукой и не верю своим глазам своей еще одной находке.

Брошь в виде метлы.

– Господи, – выдыхаю и сжимаю ее так, что она больно режется своими краями в кожу. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Опускаюсь на край дивана, потому что ноги перестали меня слушаться. Мечусь безумным взглядом по комнате в надежде, что сейчас увижу...

– Сень, – шепчу, – Сенька, где ты?

Я помню, как Олег тогда сказал, что мы его потеряли. Но в то же время я хватаюсь за безумную идею того, что он мог и ошибаться. И вкладываю в свои мольбы все свои силы и душу, однако в комнате по-прежнему остаюсь одна. Зачем ее тогда сюда положили? Без домового эта брошка теперь стала обычной безделушкой. Бросаю ее на диван и выуживаю из вороха одежды джинсы и относительно чистую футболку. Сборы в ванной занимают несколько минут и оттуда я выхожу уже одетой и с высушенными волосами, которые из-за неудачной больничной стрижки торчат рванными отросшими прядями в разные стороны. Остальную одежду собираю обратно в пакет и задумываюсь над тем, что нужно снова отыскать администратора. Во-первых, стоит узнать о наличии стиральной машинки, чтобы все перестирать и привести в божеский вид. А во-вторых, мой желудок вдруг внезапно громко заурчал, напоминая мне, что я еще жива и мне нужна еда.

– Ты сможешь, – говорю сама себе, а затем делаю глубокий вдох и выхожу из комнаты.

И если внутри моего временного убежища стояла гробовая тишина, то здесь меня накрывает паника из-за громких голосов, музыки и прочего шума, от которого я отвыкла. Пя-

чусь обратно и снова оказываюсь в спасительной тишине. Но стоит приоткрыть дверь заново и звуки музыки влетают в комнату так, будто у меня на пороге играет целый оркестр. Я проделываю манипуляцию «закрыл-открыл» несколько раз, поражаясь и восхищаясь степени шумоизоляции.

– Что ты делаешь? – раздается вопрос справа от меня и это выходит настолько внезапно, что я даже подпрыгиваю на месте.

– Эмм... – пытаюсь вспомнить имя администратора.

– Софья, – услужливо подсказывает она и прищуривается, рассматривая меня.

И я ее понимаю, момент выдался удачный. В коридоре только она и я, смотри – не хочу. Вот только я помню предупреждения Егора и быстро опускаю глаза в пол, чем вызываю у нее смешок.

– Да не бойся, тебя я трогать не собираюсь. Меня больше привлекают здоровые и сильные мужчины. В них хоть есть чем поживиться, а на тебя смотришь и диву даешься, как ты еще держишься? В тебе же жизненной энергии как у человека, который вот-вот испустит свой последний вздох.

– И как же ты это увидела?

– В отличии от тебя, суккубы не видят, а чувствуют. В достатке жизненная энергия обычно похожа на вулкан. От человека волнами исходит тепло и сила. Ты же фактически ничего не выделяешь. Если бы не мои глаза, которые видят твою человеческую оболочку, как суккуб, я бы прошла мимо

и даже не заметила бы тебя. Потому что ты сливаешься... хм, дай подумать, с этой дверью или стеной по степени наполненности энергией. Так что рядом со мной можешь не напрягаться, ты мне не интересна от слова совсем.

– А другие?

– А вот других лучше без ведома Егора не трогать. – Софья поправляет рукава блузы и проводит руками по юбке, будто разглаживая ее. – Вообще не понимаю, зачем он тебя сюда притащил.

– Это временное решение.

– Нет ничего постоянного, чем временное. – Парирует девушка. – Хотя бы у тебя есть понимание, что это место тебе не подходит? Или ты из тех, кто наивно предполагает, что демоны с людьми дружат и вместе ходят на дни рождения?

– Честно говоря, я вообще не имею представления, что это за место. Было бы неплохо, если бы хотя бы ты мне рассказала. А еще мне интересны чисто бытовые моменты: где можно постираться и поесть.

– Ну, если ты наконец-то отлипнешь от двери и перестанешь держаться за нее так, будто она тебя в случае чего спасет, – Софья указывает рукой куда-то вперед, – я все тебе покажу.

И не дожидаясь моего решения, она начинает двигаться в указанном ею направлении, так что мне ничего не остается делать, как следовать за ней.

– Если бы не приказ хозяина, я бы с тобой не нянчилась.

Дел у меня много, а времени мало. Я и так слишком долго с тобой вела пустую болтовню. Так что Варвара, слушай меня внимательно и не перебивай. Это место – многофункционально. В первую очередь оно для нас как подобие дома. Обрати внимание на акцент, который я сделала на слове «подобие». В отличие от людей, мы в доме не нуждаемся, но нам тоже нужно место, где бы мы могли отдохнуть и восстановить силы. У каждого из нас есть такая же комната, как у тебя. Но увидеть ее или тебя в ней никто не сможет без твоего же позволения. То есть, если я вдруг захочу зайти к тебе без приглашения, то увижу пустое помещение с голыми стенами. Вот поэтому я сначала к тебе постучалась и тем самым вызвала тебя на контакт. Таким образом мы защищаем себя и свои владения от любопытных глаз.

– А если я все же буду там в тот момент, когда туда решат заглянуть без моего ведома? Меня все равно не увидят?

– Нет. – Качает головой Софья и сворачивает за угол. – Потому что коридор находится в человеческом мире, а комнаты в потустороннем. Не хочу вдаваться в долгое описание и отмечу лишь то, что тот мир очень многообразен. Если не знаешь конкретного места, то можно угодить куда угодно. Просто не суй свой нос туда, куда не стоит, ясно?

– Более чем.

– Так же это место является нашим рабочим местом. Сразу оговорюсь, что здесь ничего страшного не происходит. Никого не пытаются, никого не убивают. В основном работа-

ют суккубы и инкубы, развлекая пришедших по своей воле людей. Энергию мы забираем тоже только на добровольных условиях. Плюс есть заработок и в виде денег. Все же мы находимся в вашем мире и финансовые вопросы нас не обходят стороной.

– Я думала, что вам достаточно щелкнуть пальцами и у вас появляется все, что вам нужно, – останавливаюсь, чтобы перевести дыхание.

Пока Софья рассказывала основу, мы успели пройти два коридора и остановились у лестницы ведущей вниз.

– Подожди, – упираюсь руками в колени и приподнимаю голову, чтобы увидеть лицо суккуба, – я точно помню, что мы были на первом этаже, когда Егор привел меня сюда.

– Он хозяин этого места и может менять его так, как ему удобно на тот или иной момент. Дом сам по себе очень отзывчив на силу, точнее, он и держится только на ней. Мы тоже отдаем часть полученной энергии на поддержание этого дома. Так сказать, арендная плата за возможность жить здесь. Ты этого, конечно же, не чувствуешь, но даже дом противится твоему появлению здесь. Дать тебе нечего, а ресурсы на тебя тратятся. Знаешь, он как живое существо, а ты для него как блоха, которая пьет из него кровь, но избавиться от тебя пока нельзя. Потому что хозяин не разрешает.

– Довольно, я все поняла, – выпрямляюсь, – мне здесь не рады и это чувство у нас взаимно. Я не пробуду здесь дольше, чем это потребуется. Справлюсь с поставленной задачей и

мой договор будет закрыт. Уйду, а вы забудете обо мне, как о недоразумении, пробывшем в вашем окружении.

– Детка, – Софья фальшиво смеется в то время, как ее глаза так и остаются серьезными, – ты глубоко заблуждаешься. Демоны не договариваются с людьми, а заключают сделки, которые выгодны только одной стороне и это явно не ты. И то, что тебе пообещали взамен может быть выполнено с погрешностями или совсем не исполнено. Тут уж как дело пойдет. Глупо было доверять словам того, чья сущность двуличная и лжива.

– Что ж, в таком случае я и тебя слушать не стану. Что-то мне подсказывает, что все вы демоны на одно лицо.

– Первая здравая мысль от тебя за сегодня, – администратор пару раз ударяет в ладоши, будто аплодирует мне. – Может быть я поторопилась и зря записала тебя в расходники.

– Не поняла.

– Все вы люди в сделках с демонами ни что иное, как расходный материал для достижения цели. – Бросает она мне через плечо и ускоряет шаг, звонко постукивая каблуками по плитке. – Ускоряйся, Варвара, тебе пригодится этот навык. Придется побегать для демонов. Или от них. Тут уж тоже как повезет.

Глава 25. Сейчас

Дальнейшее знакомство с этим местом проходило в ускоренном режиме. Мне разрешили украдкой посмотреть на зал, где находились посетители и строго запретили показываться здесь в вечернее время.

– Не распугивай нам клиентов, детка, – Софья поманила пальцами еще одну официантку и заботливо расстегнула на ее блузе одну пуговицу, оголяя еще больше ее грудь. – Тебе показывать тут нечего, как и ловить тоже. Алиса, не забудь, у тебя сегодня есть план и ты должна его выполнить. Больше кокетства, милая.

Последнее, естественно, говорилось подошедшей девушке. В свою очередь она лишь мазнула по мне скучающим взглядом и фыркнула.

Что-что, а унижать здесь любят, практикуют и умеют. Со слугу, если скажу, что меня не задевает это. Мягко говоря, среди этих красавиц я чувствовала себя гадким утенком со своей похудевшей и ставшей угловатой фигурой. Хоть я и поспала, но лицо не стало менее уставшим. Наоборот, синева под глазами могла посоперничать с черными кругами панд. Да и волосы эти...они были на той длине, когда заколоть их как-то по-человечески еще нельзя. Поэтому они безобразно торчали в разные стороны. Но потом я вспомнила, что здесь

водятся те, у кого кожа имеет разнообразные оттенки цветовой палитры. У кого-то есть волдыри, а у кого-то чешуя. От одного несет болотной тиной, от второго серой, а третий вообще воняет, как ходячий труп. И все мои внутренние переживания мгновенно улетучивались. Если уж они никак не чувствуют себя ущербными, то и я не должна. В конце концов, не всем повезло стать суккубами и иметь такую внешность.

Что я еще узнала? Что с семи вечера до пяти утра этот ресторан предназначен для людей. И в обратном порядке он становится домом для демонов и прочих существ.

– Без хозяина лучше тебе здесь тоже не находиться. Да, он предупредил о твоём присутствии, но у нас бывают и залетные гости. А они Егора могут и послушаться.

– Мне нельзя спускаться сюда ни утром, ни днем, ни вечером. Где же мне тогда можно быть, если повсюду для меня установили ограничения? – присаживаюсь на высокий стул на кухне, куда мы наконец-то добрались и где от витающих в воздухе ароматов у меня закружилась голова.

– Саш, сделай этому ребенку что-нибудь сытное, – просит Софья повара. – Только без приколов, не хочу получить выговор от хозяина в первый же вечер, если с ней что-то случится.

Тот кивает и через пару минут передо мной оказывается дымящаяся тарелка с мясом под каким-то мне неизвестным соусом. А следом такая же по объему пиала с салатом.

– Ешь, – приказывает она мне, а сама опирается спиной об стену и скрещивает руки на груди. – Блюда Александра хвалят во всех социальных сетях и журналах. Все наши гости в восторге, да только он им сказать спасибо не может. Да, Саш?

– Почему? – дую на вилку, на которой наколот кусочек мяса и перевожу взгляд на повара.

– Потому что Саша у нас был не в меру болтлив и чуть не выдал свой секрет успеха, когда перебрал с выпивкой. Еще чуть-чуть и сюда бы нагрязнули те, кого мы видеть здесь не хотим. Но мы исправили ситуацию, лишив его того органа, каким он так любил трепать. Кстати, как язык по вкусу? – Софья ехидно ухмыляется.

А я давлюсь куском мяса и закашливаюсь. По спине кто-то несильно стучит и Александр ставит передо мной стакан с водой, а затем грозит кулаком Софье. От чего она заходится неприятным смехом.

– Да что? – Девушка театрально поправляет макияж от якобы выступивших слез. – Я же просто пошутила. Нельзя что ли? Не переживай, детка, язык говяжий. А по поводу того, где тебе быть... да хоть на улице броди. Это тебе не тюрьма, отсюда можно выходить и заниматься своими делами.

– У меня их нет.

– Придумай что-нибудь. Запишись на курсы, сходи в салон и приведи себя в порядок.

– На все это нужны деньги, а их у меня тоже нет. И по-

ка я зависла с вами, нормальная человеческая работа мне не светит. – Как бы ни старалась медленно есть, уплела содержимое тарелки в мгновения ока. – Давно так вкусно не ела, спасибо, Александр.

Он хмурится и затем что-то говорит на языке жестов. Софья сначала отрицательно качает головой, но он упорно ей что-то доказывает, даже мычит, кивая в мою сторону.

– И за что ты свалилась на мою голову, а? – она поднимает обе ладони вверх. – Ладно, сдаюсь. И то, лишь потому, что идея неплохая. Ты, Варвара, с сегодняшнего вечера будешь работать на этой кухне посудомойкой. Во-первых, вот тебе и заработок. Во-вторых, ты всегда накормлена. В-третьих, у тебя не будет времени бродить по дому и, соответственно, ты никому не попадешься на глаза. И, в-четвертых, хоть чем-то будешь полезна. Как по мне, идеально. А вот твое мнение меня не интересует, так что можешь даже не пытаться его озвучить. Отказ не принимается, в случае неповиновения накажу и тебя, и Сашу. Доела? Становись за свое рабочее место, у нас полные залы клиентов, хватит терять время.

– Спасибо? – какой-то неуверенной выходит моя благодарность, когда администратор оставляет меня на этой кухне посреди суетящихся рабочих.

Вот так, неожиданно даже для самой себя я внедрилась сюда еще глубже, чем хотелось бы. С непривычки работа дается тяжело. Одно дело перемыть посуду после семейного ужина. А другое, когда она прибывает в геометрической про-

грессии. И на место двух стеклянных бокалов тебе ставят четыре сотейника, а после кипы тарелок на очереди столько же кастрюль. Около четырех утра кожа пальцев напоминает сморщенные огрызки. Спина и ноги соревновались за звание кто из них отвалится быстрее.

Со мной не разговаривали толком, ко мне присматривались. Оно и понятно, в отличии от зала, здесь работали в основном люди. Половина из них была должниками демонов, вторые ничего не знали и были временными наемными работниками. Но все, как один, избегали меня. Наверное, думали, что я засланный казачок, который свалился им словно снег на голову. Поэтому на контакт никто не осмеливался. Да и я им не навязывалась. Пряталась в закутке среди разнообразия посуды и ожидала закрытия ресторана. И как только нас оповестили о конце рабочей смены, еле волоча ноги, добралась в свою комнату. Сил не хватило ни на раскладывание дивана, ни на смену одежды. Я снова буквально падаю на него и проваливаюсь в сон.

– Хозяйка, хозяйка, просыпайся...

Я будто снова очутилась в прошлом. Зажмуриваюсь крепче, стараясь растянуть этот сон. Ведь сейчас на дворе раннее утро, я нежусь в своей постели в то время, как мне пора в институт. Олег уже приготовил мою одежду и сумку с учебниками, мама хозяйничает на кухне, а Сеня... Сеня как сейчас, пытается разбудить меня, чтобы я не проспала.

– Сеня! – подрываюсь и стискиваю домового в объятиях. –

Боже... Живой!

Стоит мне только это произнести, как дом сотрясается от толчков, будто мы в эпицентре землетрясения. Но продлилось все недолго и через секунду стало спокойно.

– Пожалуй, лучше здесь кое-кого не упоминать, – шепчет он мне.

– Как ты выжил? – провожу ладонью по его неряшливой шевелюре.

Сенька и раньше не сильно жаловал аккуратный строгий вид и всегда ходил, как модный бомжик. Но сейчас видно, что домовый был некоторое время бесхозным. Он выглядел таким, каким я когда-то забрала к себе. Худой, с запутанными волосами, в грязных вещах. А еще с перепуганными глазами, которыми он смотрел на меня.

– Прости, хозяйка, я подвел тебя, – он опускает взгляд на порванный рукав своей кофты, – я должен был защищать наш дом и всех домочадцев, но мне стало так страшно. И я... я спрятался в брошке.

– А Олег?

Арсений отрицательно качает головой и вытирает тем же рукавом слезы со своих щек.

– Она разорвала его на части. – Всхлипывает он. – Я собрал как мог и упокоил. А потом стал ждать тебя, но ты не возвращалась.

– Меня не отпускали, Сень, – тяжело вздыхаю, – я была заперта в больнице все это время. Если бы Пиковая дама не

вернулась, там бы я и осталась.

– Она снова здесь? – Домовой встрепенулся.

– Не в этом доме, но где-то бродит и планирует закончить начатое.

– Я помогу тебе! На этот раз, никуда не сбегу и буду биться с ней до последнего! За тебя, за родителей, за Олега... – пылко тараторит Сеня и вырывается из моих рук. – Я ей покажу! Да я ее... вот так вот и вот так...

– Сень, остановись, – успокаиваю его, – кромсать ее будут те, с кем я заключила договор. Нам же надо ее выследить и постараться самим не попасться ей на глаза.

– Разве ты сама лично не хочешь отомстить?

– Хочу, – соглашаюсь, – но реально понимаю, что я ей не ровня и даже не смогу нанести смертельного урона. И если для полной победы над ней мне нужно будет побыть инструментов в чужих руках, я им буду.

– А мы можем выбрать другие руки? – он поеживается. – Место плохое, оно будто соткано из зла. Нам точно здесь безопасно находиться?

– У нас нет выбора да и времени в обрез. – Встаю с дивана и хватаю полотенце. – Остался один человек. Если она успеет его убить, то завершит ритуал и я даже не хочу думать о том, что здесь тогда будет. Спасибо, хватило и того, что она уже продемонстрировала.

Глава 26. Сейчас

– Опоздала, – сухо бросает Егор, стоит мне только появиться на пороге зала, куда меня проводила Софья.

Можно было бы огрызнуться и напомнить, что во всем ресторане, как и в комнатах часов не наблюдалось. Еще можно было бы добавить, что он ни словом не обмолвился ни о времени собрания, ни тем более о месте. К моему счастью, когда я блуждала по залам, меня встретила Софья и, как будто делая огромное одолжение, сопроводила. Попутно, не забывая проехаться по человеческой забывчивости, ветрености и непостоянству. Забавно было слышать это от представителя той расы, которой больше всех были присущи все вышеперечисленные черты. Я даже не понимаю, на сколько задержалась и опоздала ли вообще. Но вместо хоть каких-либо возмущений, отодвинув свободный стул и сев за стол, я спокойно обратилась к демону:

– Мне бы получить телефон.

– Он тебе не пригодится. – Егор отрывается от изучения каких-то фото и смотрит на меня. – Родители мертвы, подруг у тебя не осталось, знакомые отвернулись и вряд ли захотят говорить с тобой. Остался крестный, но и его отстранили от дел, когда тот стал слишком рьяно копать, пытаюсь раскрыть твое дело. Поверь мне на слово, в его нынешнем состоянии,

он тебе не ответит.

– В...каком... – сглатываю вязкую слюну, – в каком состоянии?

– Он в коме. – Обыденным тоном говорит Егор, будто озвучивая мне погоду за окном.

– Она постаралась? – цепляюсь пальцами за резной подлокотник и чувствую, как деревянные грани неприятно впи-
ваются в костяшки.

Мне даже не надо называть ее имя вслух, мы и так понимаем, о ком речь. Егор кивает и кидает фотографии в папку, которую захлопывает и швыряет в мою сторону. Она скользит по столешнице пока я не останавливаю ее рукой, припечатывая к столу, но не спеша ознакомиться с содержимым.

– Мне нужен мой телефон, – не сдаюсь. – Я знаю, у тебя есть возможность его достать точно так же, как и мои вещи.

– Даже так, – прищуривается тот в ответ. – Зачем он тебе? Чтобы рыдать по ночам, просматривая семейные фотографии? Снова упиваться жалостью? Убиваться по тому, что потеряла? А потом быть бесполезной для нашего дела?

– Нет.

– Тогда зачем он тебе? – не унимается демон и снова повторяет свой вопрос.

– Буду на время смотреть, чтобы больше не опаздывать, – не удерживаюсь от колкости и по залу пронесли тихие смешки остальных демонов. – И мне надоело уже напоминать, но ты по-прежнему мне кое-что должен.

Возможно, вышло немного дерзко, чем я рассчитывала. Хотя, нет. Судя по вытянувшимся лицам других присутствующих, вышло даже чересчур.

– Забавная.

– Интересная.

– Наглая.

Гул голосов нарастал. Кто-то был восхищен, кто-то счел меня нахалкой, кто-то посоветовал Егору свернуть мне шею и не быть пешкой у человека.

– Хватит! – рявкает он и в зале тут же образовывается гробовая тишина. Почти все старались не смотреть ему в глаза и старательно делали вид, будто их интересует все, что угодно, но только не Егор.

И не я.

– Будешь и дальше развивать эту тему? – холодно уточняет он. – Или мы можем приступить к работе?

– Оставим это на потом, – еле слышно бурчу себе под нос и открываю папку, но меня слышит один из демонов и в его взгляде отлично читается мнение обо мне.

Самоубийца.

Что ж, он фактически прав. А как еще можно назвать ту, что решалась на сотрудничество с демонами?

На фото, как я и предполагала, были места убийств. Рассматриваю снимки и при виде окровавленных трупов на них, внутри даже теперь ничего не екает. Первый убитый – старик. Глубокие морщины избороздили его лицо, точнее, его

верхнюю половину. Все, что ниже носа, включая челюсть, вырвали. Глаза с поблекшими радужками широко распахнуты, будто застыли в самый пик страха. Вторая жертва – женщина средних лет. Тело несчастной лежало посреди комнаты и было изломано и вывернуто под неестественным углом так, будто...

– Ее швыряли, – подсказывает Егор, – вверх и вниз, вверх и вниз. Пока не перемолотили все органы и кости.

Его слова подтверждают и другие фото, судя по которым, из женщины пытались сделать отбивную прямо на потолке. Помимо крови, там остались и ее волосы, и даже кожа с каких-то частей тела.

– Почему не студенты? – откидываюсь на спинку кресла, но взгляда от фотографий не отрываю. – Побоялась снова с ними связываться?

– Пиковая дама никого не боится, деточка, – хихикает кто-то слева от меня. – Никто из нас не боится вас.

– Да, люди заблуждаются, считая, что могут нанести нам вред, – поддакивает позади Софья.

– Ага, – хмыкаю, не удивленная ее словами, – но в то же время, вы без нас не справляетесь. Мы являемся вашей едой, работой, приятным досугом и источником силы...

На последнем слове запинаюсь и снова тянусь к фотографиям. Выживаю из общей кипы две с самым дальним ракурсом, который захватывает всю комнату. И две с самым близким, где четко сфокусировались на телах жертв. Судя

по обстановке и по одежде убитых, они были бедны. Если не сказать, что на грани нищеты. Стены с остатками обоев, скудная мебель, гора каких-то коробок у старика и тряпье в углу у женщины.

– Что ты увидела? – голос Егора раздается настолько близко, что от неожиданности я вскакиваю на ноги и опрокидываю кресло.

Настолько углубилась в изучение материала, что не заметила, как он оказался вплотную ко мне.

– Чем питается Пиковая дама? – делаю шаг назад, увеличивая расстояние между нами. – Страхом?

– Нет, ей по вкусу больше боль. А что?

– Я могу ошибаться, – сглатываю, – но эти жертвы выбраны не просто так. Она тратила много сил на студентов. Еще больше сил она вложила, убивая мою семью. Но я стала для нее большой проблемой и преградой на пути к желаемому. Эти полгода она потратила на зализывание ран после нашей битвы. Но восстановилась она не до конца и поэтому выбрала самую незащитную категорию жертв. Кто бы ей дал отпор? Старик или незащитная женщина? К тому же, она выбирала максимально бедных людей.

– И что это означает? – спрашивает меня демон с обуглившимся лицом.

– А то, что они нуждались в самой примитивной помощи и открыли дверь тому, кто ее предоставляет. – Перевожу дыхание, чувствуя, что как никогда близка к разгадке. –

Сил для путешествий через зеркала у нее нет, как и времени. Убийства совершены неподалеку друг от друга?

Слышится шуршание бумаг и один из присутствующих за столом, подает голос:

– Нет, разница существенная. Между ними шесть остановок метро.

И это в миг разрывает всю цепочку моих размышлений и отбрасывает меня в самое начало расследования. Но я почему-то не сдаюсь и не отказываюсь от своей первоначальной мысли.

– Здесь что-то не так. – Качаю головой. – У них должно быть одно общее звено. Человек, которого Пиковая дама подмяла под себя и заставила исполнять ее прихоти. В моем случае, проводником была Ника. Для них же им должен был стать социальный работник.

– Это разные районы, соответственно, разные люди, которые обслуживают их. А это не логично, если следовать твоей версии. Ты утверждаешь, что у нее мало сил и она вынуждена убивать слабых. – Во взгляде Егора тонна скептицизма. – Значит, она не может управлять двумя людьми. Выходит слишком энергозатратно.

– А я не говорила, что она должна ими управлять. Хватит и заманчивых обещаний кого-то вернуть или вылечить, чтобы человек таскал ее зеркало на нужные места. Бьюсь об заклад, в описи моей квартиры, которую делали сотрудники полиции после трагедии, вы не найдете небольшое зеркало

в старинной оправе.

Судя по вновь раздавшемуся перелистыванию бумаг и затянувшемуся молчанию, в этом я оказалась права.

– Это только на первый взгляд кажется нереальным и непонятным, почему она выбрала жертв на таком расстоянии, – нахожу точку в стене и гипнотизируя ее, погружаюсь и раскручиваю озарившую меня мысль дальше, – но таким образом, она путает следствие в человеческом мире. Такие убийства расследуются дольше, так как мотивы не ясны и улики они не найдут. Мы это уже проходили с папой. Еле тогда связали все в одно целое и, как вы уже знаете, сделали это с большим опозданием. И поменяла она жертв тоже не просто так. Если бы это были снова студенты...

– Все бы мигом бы свели новые убийства к тем, что были полгода назад, – Егор наконец-то понимает, куда я клоню и продолжает вместо меня, – и к расследованию быстро бы подключили специалистов из особого отдела твоего отца.

– Я же говорю, что она оттягивает время не просто так. Она затаилась и восстанавливается для последнего рывка. Посмотрите на убитых, Пиковая дама будто выжимала из них боль по максимуму. И в этом ее просчет. Да, они отпор ей не дали. Но и силы как таковой тоже. А сколько ее нужно, чтобы закончить этот обряд?

– Тебе лучше вообще не знать, что для этого нужно. А нам желательно поймать ее до того, как она найдет и займется последней жертвой.

– Вот поэтому я и прошу вас найти и проверить всех, кто ходил к этим двум несчастным. У них есть кто-то общий, кто хранит это зеркало.

Егор смотрит на меня еще минуту и затем, не проронив и слова, щелкает пальцами. Сидящие в зале демоны, один за одним начинают испаряться отсюда в неизвестном направлении. Будто они получили немой приказ и тут же бросились его исполнять.

– Получается, мне только и нужно, что опознать зеркало? – задаю назревший вопрос. – И наши дороги разойдутся?

– Да, но пока этого не случилось, не высовывайся на улицу. – Демон бросает взгляд на часы.

– Почему? Убийства были совершены далеко от нас, значит, в этом районе ее приспешников нет.

– Знаешь, минуту назад, признаюсь, я был восхищен твоим интеллектом. А сейчас поражаюсь той тупости, которая присуща людям и тебе в том же числе. А ты не думала, Варя, что тебя увидят другие существа и молва о тебе быстро дойдет до той, которая считает тебя умершей?

– Я...

– Опомнись, Варя, нечисть между собой не только не дружна, но еще и любит предавать за солидное вознаграждение. А я не сомневаюсь, что Пиковая дама уже успела обезопасить себя и дала клич о том, чтобы ей сообщали обо всех телодвижениях на нашем уровне. Выйдешь отсюда и все полетит к чертям.

– Так измени мне внешность наконец, – завожусь и начинаю повышать тон, – тогда я могу спокойно покидать эту тюрьму! Софья сказала...

– Нашла кого слушать, – огрызается Егор, – младшего по званию демона, у которого в крови обманывать, создавать иллюзии и говорить то, что хотят слышать его жертвы. Да как ты не понимаешь? Изменение внешности действует только на окружающих тебя людей. Но для нечисти ты как была огромным сияющим пятном, такой и останешься. И только эта, как ты выразилась тюрьма, глушит своими стенами твой дар. Я тебе еще в самом начале сказал, чтобы ты была аккуратна в этом доме. Тебе здесь не рады. Ты для нас всех – раздражающий элемент. Который мы терпим лишь потому, что у нас есть общее дело. Учитывай это и не забывай.

Глава 27. Сейчас

Знаете, что я поняла за последнее время?

Чудесного освобождения не произошло.

Я променяла одну клетку на другую. С такой же отдельной комнатой – палатой, в которой даже не было окон, но имелся шкаф и ванная. И вместо сумасшедших людей вокруг меня сновали демоны. И вроде бы двери не запирались на замки и охраны не было, но выйти я по-прежнему никуда не могла. У меня был определенный маршрут следования, чтобы не попадаться никому на глаза и изредка, он дополнялся петлей в кабинет Егора. Чаще всего эти встречи заканчивались спорами на повышенных тонах. Потому что мои доводы казались ему по-человечески глупыми. А я настаивала на том, что демоны слишком самоуверенны. Может быть некоторые вещи и происходят по щелчку их пальцев, но что-то такого же эффекта нет в расследовании.

– Две недели прошло с момента моего заселения и первого собрания. – Скрещиваю руки на груди. – Две, Егор. И вы с вашими возможностями до сих пор ничего не нашли? Да мой отец и то усерднее работал.

– Да? – Без особого энтузиазма отозвался демон. – Тебе напомнить, где он сейчас?

– А вот это было сейчас очень жестоко с твоей стороны, –

у меня даже дыхание сбивается, будто он только что ударил в центр моей груди. – За что? И, главное, к чему это сейчас сказано?

– К тому, что он настолько усердно копал и хотел, видимо, выслужиться перед начальством, что даже собственную дочь впутал.

– Он не...

– Все верно, Варя, он не пощадил тебя. А затем вы вдвоем так же не пощадил твою маму. Вы могли остановиться, вы могли обратиться за сторонней помощью, но не сделали этого. Что же это? Ваше хваленое усердие или же все-таки человеческая глупость?

– А что мешало вам заняться этим делом?– Закипаю и чувствую, что будет нелегко загасить яростное пламя внутри. – Вряд ли суматоха в кругу домовых осталась незамеченной. Я готова поспорить, что вы обо всем догадывались. Но ждали, когда люди сделают вместо вас почти всю грязную работу. И вмешались бы под конец, чтобы снять сливки. Но, увы, что-то пошло не так. Кто-то просрал нужный момент и все полетело к чертям. Скажи, это из-за вашего хваленой надменности и веры, что вам все подвластно?

Демон спокойно выдерживает этот выпад. Даже позволяет себе зевнуть, показывая, что я не только не зацепила его. Но и откровенно говоря, наскучила.

– Что, даже сказать нечего, да? – Не унимаюсь.

– Отчего же, – он кривит губы, – есть. Знаешь, в чем меж-

ду нами разница? Если демон допускает ошибку, то он признает ее и всегда готов понести наказание. А вот вы, люди, очень любите винить всех подряд, но только не себя. Вы называете нас гордецами и лжецами, но при этом сами же нас в этом и переплевываете. Вот только скажи, Варь, все же близится к финалу. Не станет Пиковой дамы, я исчезну из поля твоего зрения, все закончится и ты останешься один на один сама с собой. Хоть тогда ты найдешь в себе смелости признаться, что ты причастна к убийству родителей?

– Я не делала этого.

– Отчего же? Все твои решения были приняты только тобой. Все твои действия совершены по доброй воле. Так что твои руки в прямом и переносном смысле тоже по локоть в крови.

– Нет! – отталкиваюсь от его стола и начинаю пятиться назад.

– Да, Варя, да. Ты и сама прекрасно понимаешь, что твои упреки бессмысленны. Но вам, людям, так проще существовать, когда можно переложить вину за совершенную ошибку на кого-то другого. О, а еще вы обожаете злиться на всех подряд, кроме себя. Что ты сейчас и делаешь. Как странно, вы приписываете демонам все, что вам взбредет в голову в то время, как сами являетесь воплощением всех адских грехов.

Каждое последующее слово, что срывается с его губ давит сильнее, чем предыдущее. Оно бьет наотмашь, внедряется так глубоко, что мне невыносимо больше находиться с ним в

одной комнате. Пусть потом мне это еще аукнется, но я сбегая. Лечу почти бездумно туда, куда глаза глядят и даже не обращаю внимания на окрики тех, в кого по пути умудряюсь врезаться.

Даже оказавшись на улице, не останавливаюсь. Быстрым шагом преодолеваю пару улиц и заворачиваю на какую-то детскую площадку. Вот там силы покидают меня и я опускаюсь на пустующие качели. Я не плачу, нет. Мне кажется, что это умение атрофировалось во мне. Отталкиваюсь ногами от земли, начиная раскачиваться вверх и вниз.

Прямо, как моя жизнь.

Вот я наверху, почти достигла пика. У меня есть все, о чем можно только мечтать. А вот я ухожу вниз, теряя абсолютно все заработанное. Одно неверное соскальзывающее движение и ты вообще разбиваешься. Судя по всему, я как раз в миллиметре от этого шага.

Я в растерянности.

Я очень расстроена.

И я не знаю, на кого из нас больше злюсь. То ли на Егора, то ли на саму себя за то, что...Его правда оказалась слишком горькой, но такой нужной что ли. Отрезвляющей. Такой, которая наконец-то заставляет откинуть все чувства и другим взглядом посмотреть на всю ситуацию. И там я не жертва, а соучастница. Можно, конечно, заняться самобичеванием. Но только кому это пойдет на пользу? Только время потеряю, а его у нас ничтожно мало. Где-то ходит приспешница Пи-

ковой дамы. Ходит и выбирает новую жертву, которой они закроют обряд.

Перестаю раскачиваться и даю себе обещание побыть на свежем воздухе еще пять минут, а затем вернуться в уже так надоевший ресторан. Прикрываю глаза и наслаждаюсь теплом, которое исходит от солнца. Наслаждаюсь таким же теплым ветерком, который нет-нет, а возьмет и взьерошит мои отросшие пряди. Я так устала быть заточенной в четырех стенах, что уже и забыла каково это быть свободной и каково все это ощущать. Но сладость момента омрачается стойким ощущением чужого взгляда на себе. Как противная мошка он перемещается по мне и кожа лица начинает зудеть. Я открываю глаза и вижу что на расстоянии нескольких метров напротив меня застыла какая-то женщина. Толпа прохожих вынуждена обходить ее, словно выросший посреди дороги столб.

Прищуриваюсь, рассматривая ее в ответ. Ей около пятидесяти, одежда простая, но вполне ухоженная. Среднестатистическая внешность жительницы мегаполиса, которая прожила половину своей жизни без особых изысков. Судя по кипе газет в ее руках, она либо раздает их бесплатно. Либо работает на почте и раскладывает их по почтовым ящикам. Но почему она до сих пор так неподвижна? Чем я ее так заинтересовала?

Вдох. Выдох.

Гляделки продолжают.

Вдох. Выдох...

Последний получается протяжный, будто я спортсмен, готовящийся к финальному прыжку. Отчасти так оно и есть, я делаю рывок и несусь на оживленную часть дороги. Женщина тут же спасается бегством, думая, что я собираюсь ее преследовать. Но я научена горьким опытом и действовать в одиночку больше не собираюсь. Нарушаю правила, когда врываюсь в ресторан и под возмущения Софьи, пересекаю один из залов.

– У него важное дело, – хватает она меня за руку, пытаюсь остановить. – Не влезай, пожалеешь!

– Это срочно, – успеваю вывернуться из цепких пальцев и толкаю дверь внутрь, попадая...

На казнь.

Одновременно с тем, как я застываю на пороге, сначала в воздухе блеснула сталь. А затем раздался рассекающий звук и на меня брызгает что-то горячее и липкое.

И это не кровь.

Это кислота.

С ужасом смотрю, что ею заляпаны фактически все оголенные участки моего тела. Адское жжение усиливается с каждой секундой везде, куда попала желтая жижа. Она проедает ткань одежды, она сжирает мою плоть до мяса. Преодолевая боль, я сдираю футболку и пытаюсь стереть все с лица, но было уже слишком поздно. Кусок щеки приклеивается к ткани и отдирается следом за ней.

– Ааааа, – у меня вырывается почти крик и я падаю на колени.

– Егор, – слышится обеспокоенный голос Софьи где-то надо мной, – позволь...

–Нет, – обрывает ее просьбу демон.

– Она человек, – будто напоминает ему администратор, – а люди могу умереть от болевого шока. Ты сам говорил, что она нам еще нужна. Но будет ли Варя так полезна, если потеряет свое драгоценное зрение? Посмотри, больше всего досталось именно лицу.

Я бы подтвердила, но уже ничего не могу сказать. Губ не чувствую, вместо них что-то вязкое и желеобразное. Вспышки боли настолько сильные, что у меня не хватает сил даже стонать. Просто заваливаюсь на бок и мысленно молюсь, чтобы все скорее прекратилось. Тем временем Егор что-то пинает и соизволяет прошествовать в мою сторону. Пока демон вальяжно шагает, на уровне моих глаз останавливается отрубленная голова, которая пару раз моргает и вываливает посиневший язык наружу. Егор пинает ее еще раз в сторону и теперь перед глазами носки его ботинок. Мне кажется, что он собирается меня добить с ноги, чтобы я не мучилась.

– Это будет тебе уроком, Варя, – говорит он, а затем обращается уже к Софье, – излечи ей руки и проверь глаза. А вот лицо оставь изуродованным.

– Почему? – недоумевает она.

– Я же обещал ей изменить ее внешность и я свое слово

ВЫПОЛНИЛ.

Глава 28. Сейчас

– Дура, – цедит сквозь зубы Софья, размазывая мне по лицу что-то отвратно пахнущее от чего возникают рвотные позывы. – Эй, терпи, у тебя губы слиплись. Если сейчас решишь блевать, то можешь и захлебнуться.

О какой-либо аккуратности в ее движениях, естественно, не могло быть и речи. Софья наносила вонючую жижу по лицу резко и особо не церемонилась, заставляя меня слабо постанывать в ответ на грубые прикосновения к моим ранам.

– Предупреждала же, что не нужно лезть, – шикает она, – а ты? Не послушала? Вот теперь терпи эту боль. И скажи спасибо, что Верховный еще достаточно быстро разрешил помочь тебе. Иначе бы все проело до костей и спасать было бы нечего. А так... что ж, красавицей тебя назвать будет уже сложно, но зато живая останешься.

Я быстро моргаю, чтобы согнать накопившиеся слезы и Софья тут же реагирует на это:

– А не поздновато ли рыдать ты удумала? Если бы ты раньше усвоила где твое место и не рыпалась с него, то ничего бы и не случилось. Я не стану уклоняться от приказа хозяина и залечу тебя ровно настолько, насколько это нужно. Мази больше нет, так что лежи смиренно и не вздумай даже переворачиваться на бок.

На этом сеанс лечения и нравоучений был наконец-то окончен. Насколько это возможно, я даже выдыхаю с облегчением, когда дверь за Софьей захлопывается. Не знаю от чего мне было дурнее: от боли, от запаха мази или же от голоса суккуба. С каждой секундой голова становилась тяжелее, веки едва удерживались открытыми. Мое сознание плавало на границе между реальностью и почти бессознательным состоянием. Даже не сразу поняла, что в комнате появился Сеня и теперь он сидел возле меня, осторожно поглаживая меня по волосам.

– Ничего хозяйка, ничего, – шмыгнул он носом, – все будет в порядке. Ты поспи немного, окрепни.

Он плакал.

А я лежала и думала, что наш мир никогда уже не будет прежним после того, что выпало на нашу долю. Мы будем уродливы и изранены внутри и внешне даже после успешного завершения дела. А дальше что? Как жить дальше, когда у тебя ничего не осталось? Ни интереса, ни смысла...

– Варя, мы справимся, – Сеня обеспокоенно всматривается в мое лицо, будто считывая мои мысли. – Слышишь? Мы обязательно справимся, иначе к чему все это было, верно? Не смей опускать руки, нам наши на небесах не простят.

Я «соглашаюсь» с ним глазами, медленно моргнув.

Да, Сень, справимся. Ради всех, кто теперь смотрит на нас сверху. Но для этого нам нужно донести до демонов то, что я увидела. А как это сделать, когда сил хватает лишь на ды-

хание? Медленно поднимаю руку и под возгласы домового, тянусь к губам.

– Что ты делаешь? Нет, нельзя! – он мечется по постели. – Варя, ты сделаешь только хуже!

На этом я даже умудряюсь взглянуть на него с долей усталости и скептицизма.

Ну и куда еще хуже?

А затем зажмуриваюсь, часто-часто вдыхая воздух через нос и двумя уцелевшими пальцами касаюсь того места, где у меня должны были быть губы. Подушечки утопают в чем-то мягком и я очень сильно стараюсь представить себе, что это мазь, а не плоть. Надавливаю и сначала один, а потом второй палец ныряет в образовавшийся зазор и я начинаю ими разрывать слипшуюся субстанцию. Мир тут же окрашивается в черный цвет от боли. Я задыхаюсь от нее, от крови с примесью вонючей жижи, которая заполняет рот. Сеня подталкивает меня под спину, помогая повернуться и меня все же тошнит.

– Сейчас, сейчас, – домовый вытирает все полотенцем, – сейчас, хозяйка. Ну вот скажи, зачем все это?

– Найди листок и ручку...пиши...пиши...это почтальонша...

Слабеющим голосом я диктую ему то, что видела и то, что поняла. Хватает меня совсем на немного. Покрывшаяся испариной, переворачиваюсь обратно на спину и успеваю дать последнее наставление прежде, чем потерять сознание:

– Отнеси Егору и... не попадись никому на глаза...

Хочется верить, что у него все получится.

Забутье по моим меркам продлилось недолго. Мне казалось, что вот я закрыла глаза и меня тут же кто-то настойчиво принялся будить обратно. А я не хотела просыпаться, потому что здесь было тихо, спокойно и комфортно. Зачем мне возвращаться туда, где постоянно причиняют боль? Где меня никто не ждет? И где у меня ничего не осталось? Сопровивляюсь зову, но кто-то по ту сторону уже принялся тормозить мое тело.

– Варя, ну же, открой глаза – слышится отдаленный голос. – Она не просыпается! Она не дышит! Это вы во всем виноваты!

– Отойди, – кто-то приказывает и я даже догадываюсь кто именно. – А теперь слушай меня внимательно Домовая, наш контракт вот так не прервется. Даже не надейся на это.

На это я лишь усмехаюсь.

Ну-ну, попробуй достать.

И бреду себе дальше в этой темноте, углубляясь в нее все больше и больше. А затем раздается хлопок и слышится звук тянущейся цепи. Резкий толчок и, опустив глаза, я вижу что внутри груди торчит что-то похожее на крюк. Боли не чувствую, только изумление.

– Что за...

Не успеваю договорить, как кто-то тянет цепь обратно и меня дергает следом за ней. По сути это очень похоже на то,

как рыбак вытягивает рыбу на поверхность.

Только вот рыба не очень этому рада.

– Ну, здравствуй, – на роже демона появляется самодовольная ухмылка, – неужели ты думала, что сможешь сбегать даже таким образом?

Морщусь от ноющего ощущения в центре грудины. Раны там нет, но вот чувство будто мне со всей силы туда ударили вполне присутствует. Бегло смотрю на руки, кожа которых покрыта едва заметной сеткой шрамов и тянусь к лицу. Правда, сама же и останавливаюсь в нескольких миллиметрах, не решаясь прикоснуться. Лицо стягивает так, будто перекроено и перешито в нескольких местах. Сеня отводит глаза и я даже не хочу представлять, насколько все паршиво.

– Сколько я была в отключке?

– Три дня в беспомощности, – осторожно говорит домовая, – и ты почти умерла. А этот... этот даже не сразу поверил мне.

– Но прискакал, когда дело запахло жареным, – подытоживаю, – я даже не удивлена. Сень, дай воды пожалуйста.

Жадно выпиваю два стакана и только потом смотрю на Егора.

– Судя по тому, что ты и Сеня здесь, – сглатываю, – он передал тебе записку. И?

– И мы все проверили. Ты оказалась права, это почтальонша стала связующим звеном. Уйма кредитов, болеющие старые родители, сын – алкаш. Как говорится, полный набор, который заставил ее сотрудничать с Пиковой дамой. Она жи-

вет неподалеку от первого адреса и работает рядом со вторым, где убили мужчину. По словам соседей, она часто заходила к ним и помимо работы. Вроде бы помогала с продуктами и оплатой счетов. Ну или просто оставалась поболтать.

– Прощупывала почву?

– Все возможно. – Хмыкает демон. – Но размышлять над этим сейчас это уже нет никакого смысла. Те уже мертвы, а у дамы появилось три новых потенциальных жертвы. Мы пасем ее на третьем адресе, где она стала часто появляться и не только в связи с работой.

– Почему вы до сих пор ее не обезвредили?– Опускаю ноги с постели, но встать пока не решаюсь.

– Потому что дома у нее зеркала нет, как и с собой тоже.

– Так подловили бы ее, сломали бы что-нибудь и заставили бы отдать его вам.

– Ты помнишь Нику, когда она была под контролем Пиковой дамы? – Егор встает с постели вместо меня.

Конечно, я помнила, как подруга выгибалась в другую сторону, будто ее тело не имело костей и ничего не чувствовало.

– Единственный вариант, – продолжает демон, – дождаться момента, когда она снова начнет обряд и в процессе ее обезвредить.

– И как мы пойдем, кого она решит убить? Какая-то кнопка загорится или смс придет?

– Нет, я заманю ее, – он качает головой, – последняя жерт-

ва должна быть наполнена болью до краев и мне есть кого ей предложить.

Глава 29. Сейчас

Есть одно очень хорошее выражение, которое великолепно подходит под сложившуюся ситуацию.

«Когда я думал, что достиг дна, снизу постучали»

Вот так и я, вроде бы уже добралась до самого ада и ниже опускаться некуда. Казалось бы и удивляться подлости демонов уже не стоило бы. Как и отсутствию у них каких-либо моральных ценностей. Но то, что я сейчас осознала...переходит все границы. Цинизм зашкаливает настолько, что не хватает воздуха для вдоха. Комната сужается до микроскопических размеров, того и гляди, что расщеплет на молекулы и даже никакого упоминания о нашем присутствии не останется.

– Ты, – выдыхаю и цепляюсь пальцами за край постели так, будто в нем мое спасение, – ты не просто так меня изуродовал, верно?

– Что? – непонимающе смотрит на меня Сеня, а затем и на Егора. – Разве это не несчастный случай?

– Отчасти, – спокойно отвечает демон. – Варю никто не заставлял врываться в разгар моей работы, но раз так получилось, то почему бы нам не воспользоваться этим?

– Ничего не понимаю, – домовый нервничает, – чем здесь пользоваться-то? Тем, что она сейчас на себя не похожа?

– И этим тоже. – Прикрываю глаза и запрокидываю голову назад, пытаюсь сдержать эмоции. – Я стала идеальной при- манкой.

А он даже не отрицает этого и никак не старается сгладить острые углы, которые как шипы впиваются в меня со всех сторон. Для него выходит все идеально и просто. Ему нужен был такой человек, который затмил бы всех и по уровню силы, и по уровню боли. И у него была я, которую Пиковая да- ма знала в лицо. Изуродовав меня, он решил несколько задач одним махом. Добавил мне страданий и боли, что является лакомым куском для дамы и сделал для нее же неузнаваемой. Вот так по взмаху его руки я превратилась из помощницы, которая должна была лишь только «увидеть» в ту, что станет непосредственной целью. Я даже спрашивать не хочу о том, был таков его план изначально либо же он действует исходя из того, что имеет на руках в данный момент. Отчитываться он не станет, правды всей не расскажет. У демона есть цель и он к ней идет всеми доступными способами.

Люди ведь, как расходники.

Всплывает в голове фраза Софьи и ты теперь понимаешь, что они говорят это не для красивого словца. А потому что мы таковыми для них и являемся. Другие бы, узнав о сво- ей незавидной роли, устроили бы скандал. Кто-то закатал бы истерику. А кто-то проклинал или пытался учинить распра- ву. Но не бездействовал и сделал бы хоть что-нибудь, но не сидел с отрешенным выражением лица, как я в данный мо-

мент.

А демон смотрит на меня не мигая, будто ожидая чего-то. И я даже подозреваю чего именно.

Осознания.

Осознание того, что какой бы путь я ни выбрала, он не приведет ни к чему хорошему. Ведь если так разобраться, то что меня ожидает, если мы расправимся с Пиковой дамой? Жизнь без каких-либо перспектив из-за уродства и травмированной психики. Кто возьмет такую на работу? Кому нужна девушка/жена с таким багажом проблем, как у меня? Я вижу впереди лишь существование в полной тени, избегая всех и вся. Возможно, придется доживать здесь в доме демонов или быть затворницей среди людей. А если все пойдет еще хуже? А что если Пиковая дама будет сильнее и победит? Я стану сосудом, который привнесет хаос в этот мир. На меня объявят охоту и Рай, и Ад. В итоге кто-то обязательно доберется до моего тела и добьет его.

Понимая все это, мне ничего уже не хочется. Ни плакать, ни спорить, ни торговаться.

Внутри пугающая пустота и спокойствие.

Так бывает, когда человек окончательно сломлен и просто течет по течению.

– Я так понимаю, что план кардинально изменился? – наконец-то подаю голос.

– Да. – Он соглашается со мной. – Готовься к переезду и ознакомься со своей слезливой историей, которую тебе нуж-

но будет рассказывать всем вокруг. Особенно почтальонше.

С этими словами, он бросает папку, которая приземляется рядом со мной. Неохотно открываю ее и действительно вижу новую биографию, которая по содержанию короче, чем аннотация к любому антибиотику. Исходя из прочитанного, травма лица получена в далеком детстве, семья неблагополучная, живу одна. У меня нет ни парня, ни хобби, ни друзей и от этого я очень страдаю. Настолько, что готова пойти на крайние меры и воззвать к Пиковой даме.

– Варь, может есть какой-то другой выход? – Сеня крутится под ногами, то и дело бросая злой взгляд на дверь за которой скрылся Егор. – Это же верная погибель, на которую толкает тебя этот урод.

Мне хочется его успокоить и как-то ободрить, но нужные слова куда-то подевались. Я только и могу, что смотреть на расхаживающего домового, который как-то резко взял и постарел. Вместо молодого и шепутного весельчака, я вижу хмурого старичка. Волосы его теперь седые, на лице полно морщинок. Но это и не удивительно, жизнь засунула нас в мясорубку и пытается перекрутить, но у нее это не выходит. Мы как та жила, которая наматывается на основу и все никак не измельчится в фарш. Но не смотря на все это, мы не сдаемся. Хотя от этого упорства нам еще больше.

– Мой герой, – тихо произношу, но этого достаточно, чтобы он остановился и взглянул на меня. – Я отпускаю тебя.

–Хозяйка...

– Нет, Сеня, хватит с тебя мучений. Тебе нужна нормальная семья и хороший дом, где тебя будут ждать с теплым молоком и улыбкой. Там должен слышать смех, а не видеть слезы.

– Нет.

– Что, прости?

– Нет, Варя, – домовый запрыгивает на постель и берет меня за руки, – не нужен мне ни новый дом, ни хорошие условия. Ты моя хозяйка и я буду с тобой до конца. И даже не надейся избавиться от меня. Я спрятал брошку так, как это умеют делать только домовые.

– К чему эта жертва? – недоумеваю. – У тебя же появиться возможность жить нормально. У тебя есть шанс вырваться из этой западни, так что не тупи, Сеня.

– Я не туплю, а верю в то, что мы справимся и вместе начнем все с чистого листа. Это люди могут оставлять домовых словно ненужную вещь в старой квартире. Но сам домовый никогда не бросит своего хозяина, особенно, если тот попадает в беду. – Сеня замолкает, переводя дух и затем добавляет. – Этому меня Олег научил и отступить от правил я не стану.

И вот что интересно. Даже зная о так называемой поддержке демона и его свиты, я даже и на сотую долю не чувствовала того, что вызвали сейчас слова домового. Впервые за долгое время внутри вместо привычного холода разливалось тепло и страх хоть и немного, но отступил.

Я не одна в этой тьме. Рядом есть преданный друг, на которого я могу положиться и который не предаст меня в отлучии от демонов.

– Спасибо, Сень, – крепко сжимаю его ладони в ответ, – я ценю это. До конца так до конца. Но только хочу предупредить тебя, что он ближе, чем ты думаешь.

– Да это и так понятно, – вздыхает тот в ответ, – у тебя хоть план действий есть?

– Есть.

– Он похож на то, что собираются делать эти чудовища?

– Нет, – качаю головой.

– Что ж, – Сеня поджимает губы, – это хорошо. Я жду подробностей, но не здесь.

– Не здесь, – соглашаюсь с ним и мы обмениваемся понимающими взглядами.

Глава 30. Сейчас

Все пошло не по плану.

Все вышло из под контроля.

Я понимаю это, смотря в глаза почтальонши, где вижу до боли знакомое мерцание. А ведь как хорошо все начиналось...

Мне понадобилось всего две недели после переезда, чтобы наладить с контакт с местными бабушками на лавке. Сначала я просто сидела с печальным лицом, потом имитировала трудные разговоры по телефону и обязательные слезы после них. Вопросы от доброжелательных соседок не заставили себя ждать. Я не скупилась на подробности, сетуя на свою тяжелую судьбу. И вскоре их праздное любопытство переросло в желание помочь сиротке. Они делились со мной крупами, чаем, испеченными бисквитами из серой муки, которые по вкусу и рядом не стояли с мамиными пирогами. Меня посвящали во все сплетни, которые собирались в течении дня. Взамен я помогала им с придомовой территорией, наводила порядки в подъезде, ходила вместе с ним за покупками и таскала пакеты к их квартирам. Тем самым окончательно влилась в ряды тех немногих соседей, которые по мнению бабушек были добропорядочными и на которых можно было положиться. Вскоре мои усилия дали свои плоды и однажды

в обед, в моей квартире ожил звонок. На пороге стояла улыбающаяся Татьяна с которой мы жили на одной лестничной площадке, а рядом с ней маячила почтальонша.

– Вот, Любочка, познакомься с нашей хорошей девочкой Настей, – соседка указывает на меня, называя мое фальшивое имя.

К которому я скрипя зубами до сих пор пыталась привыкнуть. Каждое утро у меня начиналось не с кофе, а с того, что я «переламывала» себя и стоя перед окном повторяла одну и ту же фразу.

Меня зовут Настя.

Вот так раз пятьдесят произнесу и это помогает мне обращаться каждый раз, когда слышу это имя. А не проходить мимо будто обращаются не ко мне.

– Здравствуйте, – широко открываю дверь и пропускаю их внутрь, – проходите.

Специально медлю, заваривая чай и тем самым даю дамочками осмотреть мое жилище. Старый ремонт, мизер мебели, скудное наполнение квартиры без лишних слов и объяснение показывало, что я нахожусь в весьма затруднительном положении. Нет, демоны с их возможностями могли с легкостью создать здесь подобие уюта, но я не захотела. Не видела смысла украшать чужую квартиру такими же чужими вещами, которые никогда не станут моими. Все «мое» было уничтожено дома и замену им я не искала.

– Нда, не густо, – произносит почтальонша, когда я захо-

жу в зал с двумя дымящимися чашкам самого ужасного дешевого чая.

– Люб, я же тебе рассказывала, что у Настюшки все очень... – соседка замолкает, подбирая слова, – сложно. Девочка она у нас умная, добрая, никогда нам не отказывает. Что ж мы не люди что ли? Не сможем ей помочь в ответ?

– Отчего же, можем, – прищуривается Люба, пристально осматривая меня. – Я так понимаю, с трудоустройством беда?

– С таким лицом от меня все шарахаются и даже в дворник и не берут, – отворачиваюсь, старательно отыгрывая заранее отрепетированную роль.

– А живешь на что?

– Это не моя квартира, меня пустила знакомая пожить бесплатно, пока она ее на продажу готовит. Ну, почти бесплатно. За коммуналку плачу деньгами из пособия, но и оно тоже мизерное. Мне повезло, что здесь люди добрые живут, они мне то продуктами помогают, то копеечку за уборку подъезда подкидывают. Но если квартиру продадут, то мне снова придется идти в общежитие. А там условия ужасные, да и отношение такое же. Все злые какие-то. Мне бы только работу найти и не более, а дальше я сама справлюсь. Главное, чтобы было за что новое место снять да хлеба купить.

Замолкаю и опускаю взгляд на носки затасканных тапочек. Надеюсь, я не переиграла и смогла зацепить ее.

– Ох, – слышится глухой возглас соседки, – не могу Люб,

так жалко девчонку. Сил нет смотреть, как страдает. И сирота, и увечья эти...

– Да, согласна, немало выпало на ее долю страданий, – судя по тону почтальонши, она клюнула на наживку. – Что ж, попробуем устроить ее ко мне на почту. Если подойдет начальству, то на приемку станет. Работа пыльная, немного грязная. Придется возиться не только с письмами, но и с тяжелыми посылками. Но работать будешь в закрытом помещении с минимумом людей. Да и по зарплате не обидят. Подходит тебе такая помощь?

– Да. – Соглашаюсь почти сразу, как это бы сделал любой человек, если бы очень в этом нуждался.

– Вот и славно, – Люба протягивает мне свою руку, – закрепим сделку рукопожатием и чашкой чая.

– Золотой ты человек, Любаша! Как хорошо, что ты у нас здесь есть. Стольким уже помочь успела. Ой, так это надо дело отпраздновать, – спохватилась соседка, – у меня там еще блинчики остались, сейчас принесу.

Я не успеваю возразить, как мы остаемся один на один с почтальоншей. И моя ладонь все еще находится в ее крепком захвате. До этой секунды я даже не задумывалась над тем, что что-то может пойти не так. Во-первых, сейчас день и вряд ли бы Пиковая дама пришла бы по мою душу именно сейчас. Во-вторых, у меня не было ни единой зеркальной поверхности, через что она могла явиться. И в-третьих, ее зеркало было достаточно крупногабаритное и уж никак не мог-

ло поместиться в маленькую сумку, что болталась на плече этой Любы.

– Ты же понимаешь, что она не вернется? – голос женщины меняется и в нем проявляются нотки кого-то другого.

Я медленно скольжу взглядом по нашим сжатым ладоням, а затем поднимаюсь все выше и выше, пока не сталкиваюсь с мерцающими глазницами почтальонши.

Словно разряд тока, меня пронизывает мысль.

Она переиграла нас.

Не я заманивала ее в свои сети все это время, а она ожидала момента, когда сможет прийти и в чужой личине заключить со мной договор. Горько усмехаюсь, когда понимаю, какую ошибку совершила. Да, я только что лично согласилась на помощь Пиковой дамы и скрепила все рукопожатием. Планы демонов летят к чертям, как и мои собственные. Мы недооценили Пиковую даму, мы хотели ее обмануть, но в итоге сами остались в дураках.

– Вот и увиделись, Варя, – она победоносно улыбается в ответ, – вижу, тебе пришлось несладко за это время? Ну ничего, я подправлю это лицо и оно снова станет красивым.

– А ты хороша, – вздыхаю, – сразу поняла, что это я?

– Можно на любой лад изуродовать сосуд, но наполнение останется тем же самым. И даже твой так называемый побег из больницы меня не сильно впечатлил. Я прекрасно знала, что ты жива и что в объявленной на меня охоте, для тебя будет отведена весьма важная роль. Мне оставалось лишь на-

копить сил и дожждаться, когда тебя выведут на арену действий. Ты ведь в курсе, что нужно сделать, чтобы не попасться в расставленную ловушку?

– Опередить противника?

– Умница, – хвалит она меня.– Схватываешь на лету. Жаль, что мы по разные стороны баррикад и мне придется тебя убить. Из тебя бы вышла первоклассная нечисть. Странно, что демоны не только не перетащили тебя на свою сторону, но еще и сделали пушечным мясом.

– Приманкой, – поправляю ее.

– Ты ошибаешься, – качает она головой, – приманки в большинстве случаев выживают. А тебя послали на верную смерть. Чтобы убить меня, они ведь должны были дожждаться в обряде той тонкой грани, когда я перемещусь в твое тело, но оно еще будет смертным. Там буквально считанные минуты, но если ими воспользоваться, то одним ударом можно упокоить сразу нас двоих.

– Что же с Никой так не вышло?

– Я использовала твою подружку, как использует кукловод свою марионетку. Просто тело, которое служило временной оболочкой. Я не связывала себя с ней. Но на тебя, как я уже и говорила, у меня особые планы и от них я не отказалась. Я запрю тебя в твоем же теле без возможности что-либо предпринять. Я буду питаться твоей силой и сеять зло на этой земле. Но этот вариант лучше, чем просто гнить в земле, верно? Ах, да, вот это вот тебе тоже не поможет.

С этими словами, она одной свободной рукой выуживает из кармана моего халата брошь с метлой. А другой все так же продолжает удерживать мою ладонь в своей хватке.

– Я чувствую, что в ней кто-то спрятан, – женщина располагает брошь прямо перед моими глазами. – Твой приспешник? И что же вы надумали делать?

Но я не отвечаю и стараюсь смотреть куда угодно, лишь бы не металл на ее ладони.

– Согласна, незачем тратить время на уже ненужные объяснения. У вас ведь и так уже ничего не получится.

Брошка медленно поднимается вверх и зависая в воздухе, начинает гореть. Металл плавится, превращаясь в капли, которые падают ей на ладонь и прожигают кожу до кровавого мяса. В нос тут же ударяет запах горелой плоти. Но она не морщится, а лишь скалится в ужасной ухмылке.

– Слышишь?

Слышу.

Я слышу отдаленные крики, которые издает Сеня, сгорая заживо в той броши.

И я ничем не могла ему помочь.

Это было расплатой за бездействие, за впустую потраченное время, за неидеальный план и за глупую веру в то, что можно обмануть существо, возраст которого исчисляется столетиями. Мне остается лишь крепче сжать зубы и сдерживать наворачивающиеся слезы.

– Наверное, при помощи домового вы планировали найти

вот это?

В освободившейся ладони появляется зеркальце. Маленькая копия того, что я видела у себя в доме. Но это за счет своего уменьшенного размера, оно теперь легко могло уместиться и в карман, и в косметичку. Получается, что никто ничего не прятал и оно всегда было с ней.

– Я же говорю, что нужно быть всегда на один шаг впереди своего противника. – С этими словами, она дожидается, когда из зеркала высунется что-то похожее на жало пчелы в множественном количестве и втискивает его между нашими ладонями. – Твое последнее слово, Варя?

– А оно тебе нужно? – Морщусь, чувствуя, как пробивается иглами кожа. – Что ж, ладно. У тебя ничего не получится.

– Да нет, уже получилось.

Она взглядом указывает мне на мою руку и я не удерживаю возгласа при виде вен под кожей, которые наливались чернотой. Она как отрава, расплзлась по телу, заставляя задыхаться. Сначала накатила жар, будто под кожей разливался кипяток. По инерции дернулась в сторону, чтобы вырваться из захвата, но рука хрустнула и я взвыла, падая на колени.

Я чувствовала, как Пиковая дама сантиметр за сантиметром впивалась в каждую клеточку. Натягивала сухожилия, выламывала и сращивала кости в один момент. В какой-то момент то ли от боли, то ли по ее желанию, мое зрение пропадает. Есть только ледяная рука, которая вцепилась меня и твердость пола под коленями. И даже ту темноту, которую

принесла слепота прорезают какие-то ярко-красные вспышки. Если бы я сейчас и захотела закричать, то не смогла. Потому что она добралась до моих голосовых связок и забрала мой голос. Судя по всему, осталось потерпеть совсем немного и все будет кончено.

Со стороны могло показаться, что я слишком легко сдаюсь.

Но это не так.

Папа всегда говорил, что у человека должен быть план «Б» и запасные пути отхода. К сожалению, такой путь у меня был всего один и его финал я знала еще с того момента, как очнулась с изуродованным лицом. Своими мыслями не делилась, все держала в себе. Веры демонам больше не было, а Сеню не хотела расстраивать. Если уж так мне суждено, то я имею полное право самостоятельно решать, как именно покину этот мир. А не быть пешкой, приманкой или случайной жертвой. Но в собранной мною информации был пробел, который только сейчас удалось заполнить. И все благодаря надменности и самолюбию нечисти.

Пиковая дама поделилась тем, когда именно она ослабеет полностью. И сделала она это лишь потому, что была уверена в моей никчемности. Для всех них мы жалкие существа, которые умоляют о пощаде и которые безропотно отдадут все, что от них потребуют. Она уже ликовала, заполняя мое тело. Праздновала удачный трюк с опережением и готовилась к своим подвигам. Но не учла она одного.

Не все люди слабы духом.

Поэтому, когда зрение вернулось, у меня было несколько секунд пока Пиковая дама еще не до конца погасила мою волю и конечности мне подчинялись. Тело почтальонши уже лежало у моих ног без признаков жизни, а рядом с ним обнаружилось и зеркальце. Без раздумий я схватила его и швырнула об стену, разбивая на сотни кусочков и наслаждаясь воплями внутри. За то, что я уничтожила ее основную реликвию и дом, дама наказывает меня дикой головной болью с кровотечением из носа. Затем наступила полная потеря координации и вот, я лежу на полу. А кровь хлыщет не только из носа, но и из ушей и рта так, что я захлебываюсь ею. Нашупываю осколок зеркала и слабеющей рукой провожу им по своей шее, делая кривой надрез по всей ширине горла. Но перед этим успеваю прошептать:

–Егор...

Вот и все, история заканчивается. Я заберу ее с собой в могилу и Пиковая дама больше никого не побеспокоит.

И в этот момент в комнате появляется демон. Он окидывает помещение взглядом и качает головой.

– Варя, Варя, что же ты наделала... – Слышится голос надо мной и поскрипывают остальные осколки под его ногами, когда он присаживается а корточками рядом. – Это должно было случиться, но не так.

А я лежу и смотрю на призванный козырь для этой битвы и во взгляде была лишь одна просьба.

Добей нас.

Он понимает все без слов.

И прекращает мои мучения тем самым пресловутым одним ударом.

Глава 31. Потом

Пустота.

Она вокруг меня.

Она внутри меня.

В голове, в сердце, в душе.

Винила ли я Егора в произошедшем?

Нет. Я ведь прекрасно понимала все риски, заключая договор с ним.

Злилась ли я на него? Скорее нет, чем да. Зная и помня, что люди для демонов расходники, глупо было бы надеяться на другой исход событий.

Жалела ли я о своем выборе? Нет. Когда твое тело собираются использовать, чтобы сеять зло, самопожертвование кажется не таким уж и ужасным.

Хотела ли я что-то изменить?

Наверное, да.

Но темнота, которая обволакивает меня со всех сторон, не дает сосредоточиться на том, что же именно я бы вернула и сделала по-другому. Она убаюкивает, накрывая меня с головой и обещает долгожданный покой.

А я ведь действительно так устала от всего...

От борьбы, от боли, от страданий, от предательства. Мне надоело бегать от чудищ и искать спасения. Кажется, я нашла тот выход, который полностью устроил всех. Так что те-

перь, вечный покой уже не только не страшит, но и выглядит довольно привлекательным. И та улыбка, которая мелькает в последний раз на моем лице выглядит наконец-то умиротворенной.

Ворочаюсь, устраиваясь удобнее и готовясь раствориться в пустоте. Хваленного света на той стороне, о котором трубят во всех мистических историях здесь нет. Может я не заслужила его? Все таки работа с демонами вряд ли работает в плюс твоей карме. И странно было бы ожидать, что в конце тебя будут встречать ангелы с распростертыми объятиями. Сойдет и темнота с постукивающим по стеклам дождем.

Стоп...

Разве такое возможно? Ведь буквально...

Зависаю и задумываюсь над тем, сколько именно по времени я нахожусь в таком состоянии? Несколько минут? Часов? Дней? Месяцев? Попытки подсчета даются мне крайне тяжело. Я ведь уже со всем попрощалась, а тут внезапная мысль не дает мне спокойно уйти, заставляя мозг шевелиться и думать. И дождь этот... Я слышу вполне реалистичный ливень, который нарастает по интенсивности и яростно барабанит по всему, куда ему удастся попасть. Такое чувство, будто меня кто-то специально вытягивает из лап тьмы, нарушая нашу с ней связь. Неохотно морщусь, но глаза все еще не открываю.

Не сейчас. Не хочу. Прочь.

Я прогоняю странные ощущения. Но чем сильнее я пыта-

уюсь остаться во тьме, тем сильнее идет воздействие.

А затем раздается он.

Раскат грома будто над моей головой разверзлись небеса. И действует он на меня не хуже дефибриллятора, заставляя сердце бешено колотиться. А еще распахнуть глаза и сделать очень болезненный вдох. Горячий воздух врывается в легкие и я закашливаюсь почти до слез.

Ничего не видно, повсюду та же тьма.

Меня действительно что-то обволакивало, но теперь от этого было слишком жарко. А еще тесно и тяжело, будто сверху кто-то уселся. Я барахтаюсь в этом коконе и куда-то падаю вниз. Полет был секундным и по окончании весьма неприятным.

– Ай, – шпилю сквозь сжатые зубы и наконец-то побеждаю в схватке с ... одеялом.

Моим одеялом, которое всегда лежало на моей кровати.

В моей комнате.

Я так и застываю, пребывая на четвереньках. Ошибки быть не могло, я свои вещи узнаю из тысячи, как и всю обстановку. Была ли это игра разума? Вряд ли. Все слишком реалистично и натурально. Даже запахи и те, не были плодом моего воображения. Я слышу аромат своих духов от прикроватного коврика, куда они разлились благодаря Сене. Я чувствую свежесть дождя, который льет сейчас на улице благодаря открытому на проветривание окну. Я дергаюсь, отшатываюсь назад и снова ударяюсь, но на этот раз затылком об

прикроватную тумбочку, когда слышу голоса:

– И кто в такой холод решил открыть окна?

– Да жарища стоит, дай проветриться.

– Ага, так я тебе и поверил. Сеня, ты сам виноват в том, что здесь теперь так воняет. Не надо было кошку гонять и не скинули бы открытый пузырек с духами.

Зажмуриваюсь и считаю до пяти.

Раз...

Я сошла с ума?

Два...

Почему я вижу это?

Три...

Это ад меня так встречает, чтобы мои мучения были вечными?

Четыре...

Или рай дает мне побыть с родными?

Пять...

– Варь, ты чего здесь? – раздается голос у левого уха и я на автомате вжимаюсь в тумбочку.

– Варечка, что с тобой? – обеспокоенно спрашивает меня Олег и я даже не понимаю, когда именно начинаю плакать.— Да что случилось? Что напугало тебя так?

– Может, гроза? – Сеня тоже рядом, чувствую, как он берет меня за руку и я распахиваю глаза.

– Живые...– до конца не веря шепчу. – Живые...

Домовые переглядываются.

– Варь, кошмары да? – Олег быстро перемещается от письменного стола обратно ко мне и протягивает стакан с молоком, который обычно я им оставляю на ночь.

Но я только и могу, что качнуть нервно качнуть головой и лязгая зубами по стенками стакана, сделать глоток молока.

– Тебе холодно? – Старший домовый хлопочет вокруг и не забывает даже о подзатыльнике младшему. – Я тебе что говорил, дурья твоя башка? На улице не май месяц, а он проветривает видели те! Мало того, что хозяйку вон заморозил, так еще и потоп на подоконнике устроил. Иди, убирай теперь. Варь, не сиди на полу, поднимайся. Не хватало еще, чтобы ты простыла из-за этого балбеса.

– А чего сразу-то обзывать? – бурчит Сеня, размазывая набежавшую лужу моим же полотенцем.

Во мне бушует такое количество эмоций, что даже трудно определить, что именно сейчас лидирует.

Мне радостно, мне страшно, мне не верится.

Если это какое-то испытание, прошу, остановитесь. Я не вынесу настолько реальные иллюзии. Я не хочу даже мимоходом возвращаться сюда, потому что боль внутри меня от их потери до сих пор разрывает на части мою душу. Выберете другое наказание, но только не это.

Слишком жестоко. Слишком глубоко бьете.

– О, хозяин вернулся! – радостно сообщает Сенька.

Стоит этим словам прозвучать, как сердце ухает и пропускает удар. Я промахиваюсь и ставлю стакан мимо тумбочки,

который тут же падает вниз и молоко разливается по полу. На ватных ногах я подхожу к двери и замираю у нее, не в силах даже взяться за ручку.

А в прихожей уже звучат два до боли родных голоса.

– *Серезж, все очень плохо?* – *обеспокоенно спрашивает мама.*

– *Это мягко сказано, Оль.* – *Тяжело вздыхает папа.* – *Мне нужна наша Варька.*

– *Что? Нет, Серезж, даже не вздумай!*

– *Оля, без нее никак.* – *Стоит на своем папа.* – *У меня нет другого выхода.*

– *Этого просто не может быть,* – *фыркает она в ответ,* – *а ты придумай что-нибудь. Наша дочь – не подопытная зверушка. Ты вспомни, что было в прошлый раз. Помнишь?*

– *Естественно, я помню.*

– *Вот поэтому, я против!*

– *Оль, пожалуйста...*

Постойте, это же тот самый разговор, когда папа только начал расследовать убийства Пиковой дамы.

Один в один.

Я вываливаюсь в коридор, тем самым пугая родителей не только своим выходом, но и внешним видом.

– *Милая, что с тобой?* – *охает мама.* – *Да на тебе лица нет!*

– *Варька, ты чего?* – *даже папа срывается с места и заключает меня в свои объятия.* – *Бледная, как стена. Случилось*

что?

Я не знаю, откуда берутся силы, чтобы не зареветь. Цепляюсь за папину куртку, которая промокла насквозь и лишь могу отчаянно качать головой. Спиной чувствую, как мама подошла и обняла нас двоих так, что я оказалась зажатой между ними.

Теплые.

Живые.

Живые!!!

Бьется у меня внутри эта мысль и я прикусываю губу до крови, ощущая противный привкус во рту.

– Сереж, – предупреждающе шепчет мама и я даже знаю, что она этим хочет сказать.

– Все в порядке, – хрипло отзываюсь из недр объятий. – Кошмар... приснился. Но вы его прогнали.

– Точно? – папа заставляет посмотреть на него.

– Да, – я пытаюсь выдавить улыбку, но она выходит слабой и дрожащей.

– Пойду поставлю чайник, попьем чаю с мятой, – мама целует меня в макушку.

– А мне кофе, – просит папа.

– Нет, Сереж, кофеин в таких количествах тебе вреден.

– Так я не для себя, – он отстраняется и как-то странно поглядывает на дверь. – Я это... просто не один. О деле говорить сегодня по понятным причинам не будем, но угостить человека чашкой горячего кофе просто обязаны.

– Ты оставил кого-то на лестничной площадке? – мама хлопает ладошкой себя по лбу. – Сережа, где твои манеры?

– Да он в машине сидит, – морщится папа в ответ, – я сказал, что мы спустимся чуть позже.

– Никаких «позже» сегодня не будет, – командует она, – только чай и никакой работы, ясно?

В другой раз я бы непременно влезла бы в их спор. Но сейчас только и могу, что стоять и смотреть на них, будто ребенок, увидевший чудо. Жадно впитываю каждую черточку лица, каждый жест и мимику.

– Пойдем, солнышко, – мама протягивает мне ладонь, за которую я тут же хватаюсь и, признаюсь, боюсь отпустить. – Накроем стол к небольшому чаепитию. Я как раз пирог твой любимый испекла.

Мы снова на нашей кухне. И здесь, как и раньше, уютно и тепло. Я прохожусь взглядом по целой мебели и старательно отгоняю от себя призраки тех видений, где посреди комнаты на выломанной двери лежал отец.

– Папа со своей работой со всем потерял гостеприимность. Это ж надо было оставить человека в машине в такую непогоду.

– Он, – прочищаю горло, – боялся твоей реакции.

– Что касается всех дел, то она у меня стабильно одинаковая, – мама указывает на духовку, где томится пирог, – я беспокоюсь о вас двоих. И это никогда не пройдет.

– Но с нами же все хорошо, – достаю противень и став-

лю на деревянную подставку, краем глаза улавливая, как появившийся Сеня уже потирает свои ручонки.

– И это нормально, – продолжает говорить мама, – когда у тебя появится муж и дети, ты обязательно поймешь, что страх за них и переживания становятся твоими спутниками. От них никуда не денешься. Просто бывают дни, когда накрывает сильно. А бывает, что эмоции можно взять под контроль.

В ответ я лишь киваю головой, будто соглашаясь. Что-то подобное она говорила тогда в больнице, куда я попала после зеркальной комнаты. Мама вроде бы немного успокоившись, заливает кипяток в заварник в то время, как я аккуратно стараюсь нарезать пирог. Выход, честно говоря, паршиво. Руки трясутся до сих пор и куски выходят кривыми.

– Хозяйка, – Сеня дергает меня за штанину домашнего костюма, – мне два кусочка.

– А морда не треснет? – Олег осаждает молодого домового, наблюдая за моими неловкими попытками совладать с дрожью рук.

Он ничего не комментирует из того, что видит. Но я знаю, что домовый обязательно вернется к этому моменту и тогда мне придется им все рассказать. Поделиться тем ужасом, что я видела в кошмаре...

А кошмар ли это был?

Проскальзывает вопрос и застывает в воздухе, стоило нашему гостю оказаться на пороге нашей квартиры. Что самое

интересное, домовых тут же будто сносит ветром из поля моего зрения.

– Добрый вечер, – здоровается парень.

– Проходи, – папа подталкивает его на кухню, – знакомьтесь, это моя дочь Варвара и супруга Ольга. А это наш новый сотрудник отдела, которого прислали нам в помощь.

– Егор, – коротко представляется он и пожимает руку сначала моей маме, – очень приятно.

А затем протягивает ладонь и мне.

И пожать ее я не решаюсь.

Точнее, не хочу.

Я до сих пор помню ощущение изувеченной кожи своего лица под пальцами.

И вряд ли когда-то ему это прощу.

– Простите, руки измазала в джеме, – нахожу отговорку, которая была почти правдой.

– Ничего страшного, – он улыбается, но глаза остаются серьезными. – Как все аппетитно выглядит. Вы извините, что вторгся вот так к вам без приглашения. Просто Сергей...

– Забывает, что иногда нужно отдыхать от работы, – перебивает его мама и указывает ему на стул напротив меня, – чего я вам тоже советую.

– Оль, можно тебя на секунду? – слышится голос папы из дальней комнаты.

– Простите, я мигом. Ох уж эти мужчины, ничего без нашей помощи не могут найти или сделать, – шутливо коммен-

тирует мама, – располагайтесь, мы мигом. Варь, налей пока всем чай, хорошо?

– Угу. – Провожая ее взглядом, а затем перевожу его на Егора. Понижаю голос до шепота, когда обращаюсь к нему. – Что это еще такое?

– Это чай и пирог, – он поддевает кусок и принохивается, – кажется с вишней.

– Издеваешься?

– Нет, констатирую и так понятные вещи.

– Значит, все-таки это ад, да? – ноги сами собой подкашиваются и я падаю на стул. – Меня будут пытаться моими же родными и тобой?

– С чего ты взяла? – хмыкает парень и сам себе наливает чай. – Мы все вполне себе живы и в аду, просто к твоему сведению, так вкусно не готовят.

– Как это? – цепляюсь пальцами за край стола да так, что костяшки белеют. – Я не понимаю, объяснись!

– Тише, – Егор откладывает пирог на тарелку, – ты же не хочешь, чтобы твои родители бросили все и примчались сюда? Они, кстати, сейчас сами пытаются тихо спорить по поводу твоего участия в расследовании.

– Какое еще расследование? – мысли в голове носятся вихрем.

– Ох, Домовая, ничему не учишься, – качает он головой в ответ, – я вновь вынужден тратить время на объяснение таких простых вещей. С тобой случилось то же, что и с твоей

подругой Никой. Был убит носитель, но озлобленная тварь так и осталась живой. А все почему?

– Потому что у человека нет способностей, которые позволяли бы ему победить нечисть. – Вздыхаю, проговаривая заученный факт. – Подожди, но это же ты сделал финальный удар. Почему он не подействовал?

– Потому что ты поспешила, Варя. – голос Егора становится мрачнее. – Сделала неправильные расчеты и Пиковая дама не до конца успела вселиться в твое тело. Заруби себе наконец-то на носу, что поступки совершенные на эмоциях могут не только не помочь, но и усугубить всю ситуацию. Ты должна была призвать меня еще в ту секунду, как только почтальонша перешагнула порог квартиры и мы бы справились вместе. Но вместо этого, ты решила, что самая умная и пора бы тебе совершить подвиг во имя хрен пойми чего. А знаешь, что было потом после твоей смерти? Осколки того зеркала разошлись по разным уголкам страны и Пиковая дама приходила к каждому, кому не посчастливилось заполнить их тем или иным образом. Города захлебывались в жестких преступлениях и крови, потому что она никого не щадила. Люди не справлялись... да что там люди, мы даже не вывозили всего, что она творит. И тогда, Ад и Рай впервые проверили открытые переговоры, перебирая варианты того, как можно исправить ситуацию. Было принято решение вернуть время назад. Как видишь, твое самопожертвование сыграло свою роль.

Егор замолкает и продолжает хмуриться, будто ему не нравится то, что мы снова вынуждены работать вместе. Меня этот факт тоже не впечатляет, но если эта цена нашего воскрешения, что ж, я готова терпеть его и дальше. Делаю глоток горячего чая и до сих пор не могу поверить в то, что сейчас происходит.

– А это точно все происходит на самом деле? – недоверчиво спрашиваю у Егора.

– Я бы вогнал тебе сейчас эту вилку в руку, чтобы ты почувствовала весь спектр боли, доступный живому человеку, но, – он кидает взгляд на часы, – через пять минут твои родители закончат спорить и присоединятся к нам. Твой отец почти уговорил твою маму. Поэтому, Домовая, хватит рефлексировать и вливайся в работу скорее. Нам дали второй шанс и мы не можем... не имеем право в этот раз сделать что-то не то. И да, учти вот что... Нас не просто так вернули именно в этот момент, когда история только-только набирает обороты. Пока что многие жизни еще спасены, но вот другие теперь поставлены под удар. Нам надо успеть определить, что Пиковая дама будет делать дальше.

– Почему от сказанного тобой, у меня сейчас возникло очень плохое предчувствие? – руки снова стали предательски подрагивать и я была вынуждена отставить чашку в сторону.

– Потому что даже у воскрешения есть свои побочные и не совсем приятные моменты. Ты думала, что все будет происходить по тому же сценарию? Нет, не будет. Только ты, я и

Пиковая дама вернулись назад с полным набором воспоминаний и это все кардинально меняет.

Он замолкает аккуратно перед тем, как на кухне появляются родители и между ними тремя завязывается беседа на отвлеченные от работы темы. Но я-то знаю, что все это ширма. И как минимум трое за столом наполовину присутствуют здесь и стараются поддержать разговор, но сами погрязли в тяжелых размышлениях. Я признаю, что Егор как всегда бьет своими словами в прямо цель И я уверена, что Пиковая дама, как и мы, не будет наступать на те же грабли. На этот раз, нас ждет совершенно другая история с более жестокими правилами. Но я приложу все усилия для того, чтобы исход был совершенно другим, чем тогда.

Помня свою главную ошибку, я на мгновение закрываю глаза и делаю пару медленных вдохов. Пусть со стороны кажется, что это просто усталость. Но внутри себя я сношу все барьеры к чертям. В нос тут же ударяет запах паленой кожи, но я не морщусь и лишь довольно оцениваю результат своих действий, когда снова смотрю на Егора. Кожный покров его лица приобретает знакомый серый оттенок. Идеальная человеческая прическа тлея, постепенно обнажает уродливый череп. Еще пару каких-то минут и передо мной сидит демон, исполосованный шрамами. Но его желтые глаза лишь довольно вспыхивают, как только он понимает, что чему.

Да, Егор, я снова все вижу и я готова бороться дальше.

В ответ от него следует едва заметный кивок головой в

знак согласия со мной. И именно этот момент становится началом новой главы, содержание которой нам только предстоит узнать.